

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(47)

**СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIR
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*

Владимир Егоров, *д. филос. н., профессор*

Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Алексей Пушков, *к.и.н., председатель Комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., профессор ГУ ВШЭ, автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., председатель Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы*

Андрей Фёдоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Выборы закончились. А что дальше? 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий Буянов. Проблемы идентичности постсоветской России 10

Павел Гуревич. В мире образов, которые поставляет история 18

ГЕОПОЛИТИКА

Евгений Вертлиб (Франция). Россия и геостратегия Великобритании
(окончание) 24

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Ознобищев. Пути построения безъядерного мира 34

Ноха Бакр (Египет). «Арабская весна»: арабские революции XXI века .. 45

Эльдар Касаев. Об инвестиционном климате Катара:
политический, экономический и правовой аспект 51

Инна Шумилина. Интернет на Ближнем Востоке: виртуальность
становится реальностью 57

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

ВТО: две точки зрения на проблему

Абрар Ярлыкпапов. Что даст России вступление в ВТО? 65

Василий Колташов. Россия и ВТО: риски, выгоды и перспективы 72

Ксения Боришполец, Станислав Чернявский. Перспективы развития
Таможенного союза и Единого экономического пространства России,
Белоруссии и Казахстана 79

Вячеслав Козлов. Отдельные аспекты совершенствования уголовного
законодательства РФ в сфере таможенного дела 88

ДЕБЮТ

Алексей Заквасин. Основные проблемы стратегической безопасности
Черноморского региона 94

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Роль личности в истории 101

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Небо. Полеты. Безопасность (окончание) 125

Философия и политика

Мария Фёдорова. Политические идеи в публичном пространстве
современной России 130

Дмитрий Кузнецов. Потребительская культура
последней трети XX века: проблема потребительского стиля жизни 138

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирина. Стремление к счастью и социальные потрясения.
О книге Арендт Ханна «О революции» 147

Рецензия

Вагиф Гусейнов. Антология внешней политики России: срезы первого
десятилетия XXI века. *О книгах «Россия в глобальном мире. 2000–2011»*
и «Международные исследования в России» 150

Тезисы статей на английском 154

Об авторах 166

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov. The elections are over. And what further? 5

PRESSING TOPICS

Valery Buyanov. Problems of post-soviet Russia's identity 10

Pavel Gurevich. In the world of images that the history provides 18

GEOPOLITICS

Evgenie Vertlib (France). Russia and the Great Britain's geostrategy
(*conc.*) 24

FOREIGN AFFAIRS

Sergey Oznobishchev. Ways to build up the nuclear-free world 34

Noha Bakr (Egypt). The Arab spring: the Arab revolutions
in the XXI century 45

Eldar Kasayev. The Qatar's investment climate: political, economic
and legal aspects 51

Inna Shumilina. The internet on Near East: virtual becomes real 57

ECONOMICS & FINANCE

WTO: two points of view on a problem

Abrahr Yarlykapov. What is Russia to gain by joining the WTO? 65

Vasily Koltashev. Russia and the WTO: risks, benefits and prospects 72

Ksenia Borishpolets, Stanislav Chernyavsky. The customs union
and the single economic space of Russia, Belarus and Kazakhstan:
prospects of development 79

Vyacheslav Kozlov. Some aspects of perfecting the criminal legislation
of the Russian Federation in sphere of customs service 88

DEBUT

Alexey Zakvasin. The principal problems of the Black Sea region's
strategic security in the 21st century 94

«ROUND TABLE»

The role a personality plays in history 101

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. The sky. The aircrafts. The safety (*conc.*) 125

Philosophy and politics

Maria Fyodorova. Political ideas in the modern Russia's public space 130

Dmitry Kuznetsov. Consumer culture in the last third of the 20th century:
a problem of consumership way of life 138

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Striving for happiness and social perturbations.
On Arendt, Hannah On Revolution 147

Review

Vagif Guseinov. The anthology of Russia's foreign policy: the first decade
of the 19th century sections. *Unto publishing the works on «Russia In
the Global World, 2000–2011» and «The International Studies in Russia»* ..150

SUMMARY 154

OUR AUTHORS 170

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ВЫБОРЫ ЗАКОНЧИЛИСЬ. А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Выборы прошли, В. Путин предсказуемо победил, однако тема политического будущего страны теперь становится еще более актуальной. Многие наши граждане живут в возбужденном ожидании скорых перемен. В том, что они последуют, сомнений мало, но их вектор трудно прогнозируем: могут измениться детали политического ландшафта, могут поменяться лидеры политической системы, но при нынешнем состоянии российского общества вряд ли речь может идти о кардинальных переменах.

Теперь на повестке дня с неизбежностью вновь встают такие, безусловно, важные вопросы, как равенство всех перед законом, восстановление полноценного политического представительства, гарантии прав собственности. Но даже они не являются достаточными для понимания пути, по которому пойдет страна. Восстановление демократических процедур по западному образцу само по себе не выведет страну на путь процветания. Да и не факт, что при свободной конкуренции проектов будущего развития либерально-демократический обязательно победит. Конкуренция на идейном фронте возрастает. Это, во-первых, социалистическая идея и, во-вторых, Россия как оплот православной цивилизации. Обе эти идеи вполне ярко проявили себя в ходе предвыборной кампании. Можно даже предполагать поражение либерального проекта при самом свободном народном выборе путей будущего развития страны. Так что теперь либеральному лагерю придется, пожалуй, сложнее всего.

В этих условиях на президентских выборах власть совершенно справедливо сделала ставку на победу В. Путина в первом туре. А главным адресатом выборной кампании, ее целевой аудиторией, стал «простой избиратель» — не политизированное население регионов страны. То есть те слои населения, в которых наиболее сильны патерналистские настроения. Которые на уровне генетической памяти разделяют идеи «Коней на переправе не меняют», «Главное, чтобы не было войны», «Чтобы завтра не стало хуже, чем сегодня». И которые на самом деле составляют большинство населения и на которые, собственно, и должна опираться власть, если она хочет продолжать управлять.

Власть довольно жестко столкнула лбами две позиции, вплоть до разжигания классовой ненависти, — «хорошее» большинство, соль земли, и «плохое», зажавшееся меньшинство. И этот разлом был успешно использован для победы на выборах. Мобилизация базового электората В. Путина прошла по линии «Общероссийского народного фронта», процесс создания первичных ячеек был резко активизирован. Региональные общественные при-

емные Путина, на базе которых были созданы отделения ОНФ, получили из штаба команду обновить свой состав, привлечь к работе региональных лидеров общественного мнения и создать первичные ячейки на базе крупных предприятий, закрытых военных поселений, бюджетных организаций. И это тоже принесло свои плоды.

В этой связи представляется важным отметить, что в предвыборной программе Путина фактически не прозвучало ничего нового. Все тезисы — благие намерения, здравые, нормальные пожелания, но все это хорошо было бы реализовать еще 10–12 лет назад. В программе не были указаны средства, за счет которых все эти благие намерения будут реализованы. Поэтому нет серьезных оснований предполагать, что политический курс в период нового президентства существенно изменится. Скорее всего, продолжится политика, которая была им начата в 2000 году и от которой не очень отличалась и политика Медведева. Никакого «Путин 2.0» не будет.

Этот вывод подтверждается тем фактом, что позиции В. Путина в ходе избирательной кампании становились жестче и нетерпимее. Путин собирается и дальше рулить процессом фейковой демократизации по старому, проверенному рецепту, который описан еще в «Зияющих высотах» (1976) А. Зиновьева: «...внести какой-то корректив в связи с изменившейся ситуацией для сохранения режима. Например — разрешить бороды, индивидуальные коров, мини-юбки и узкие штаны, чуточку абстракционизма и т. п.»

В рамках этой логики неудивительно, что Кремль в период избирательной кампании стремился также опереться на поддержку руководства субъектов Российской Федерации. Именно на это был рассчитан новый проект формирования губернаторского корпуса, который не предусматривает ограниченный пребывания губернаторов на должности по срокам. Эта «оптимистичная» новость для губернаторов, вкупе с целым рядом кадровых решений на региональном уровне, повлекших отставку губернаторов, не справившихся с организацией предвыборной кампании в ходе думских выборов, также не могла не принести свои плоды.

Теперь интересно будет посмотреть, как будут реализовываться объявленные инициативы по либерализации политической системы. Хотя многие кремлевские чиновники поспешили заверить, что эта реформа была задумана задолго до начала митинговой активности, новые предложения были направлены в первую очередь именно на то, чтобы приглушить протестную активность граждан. Но сами по себе эти новации вряд ли способны успокоить «рассерженных горожан», потому что при всем их внешнем радикализме они в большинстве своем все же не предполагают коренной реформы выстроенной Путиным системы власти.

Правда, нельзя не признать, что теперь рамки дозволенного изменились — прямое избрание губернаторов, допуск на выборы всех существующих партий без сбора подписей и даже кардинально упрощенный порядок создания этих партий (их минимальная численность снижается с 40 тыс. до 500 человек) более не считаются подрывом устоев управляемой демократии. Но при более детальном рассмотрении нетрудно заметить, что многие последние инициативы либо объективно выгодны партии власти, либо не предполагают столь уж радикальных перемен. Так, резкое снижение минимальной

численности партий вполне компенсируется значительным увеличением региональных групп внутри партийных списков, что под силу только партии власти. С той же целью в закон внесены новые фильтры для партийной жизни, в том числе обязательство регулярного участия в выборах.

Пожалуй, единственной существенной новацией, реально затрагивающей фундаментальные принципы нынешней вертикали, следует считать переход к выборам руководителей субъектов РФ прямым голосованием жителей регионов. Это еще не возвращение к полноценным губернаторским выборам образца 1990-х годов, поскольку законопроект предложено дополнить нормой об обязательности партийных консультаций с президентом перед выдвижением кандидатур — то есть дополнить введением «президентского фильтра». Но если учесть, что ранее власть последовательно ограничивала самостоятельность региональных лидеров, введение усеченных выборов означает некий поворот в региональной политике.

Однако эта смена приоритетов объясняется вовсе не альтруизмом Федерального центра (ФЦ), а весьма прагматическими соображениями. Ведь вместе с новыми возможностями и новыми полномочиями (одновременно с выборами губернаторам обещана и очередная децентрализация) местные руководители должны будут взять на себя и куда большую, чем прежде, ответственность за происходящее на вверенных им территориях. А ФЦ, сохранив за собой право показательно разруливать отдельные проблемы в режиме ручного управления, получит возможность отвечать на жалобы недовольных своей жизнью граждан универсальным аргументом: «Вы сами выбрали этого губернатора». Впрочем, ответ на вопрос, во что выльются на практике эти инициативы, во многом зависит от того, как далеко готов будет зайти новый глава государства в деле вынужденного возрождения политической конкуренции.

В целом анализ предвыборных шагов Путина ясно показывал, что власть сделала ставку на «охранительную» стратегию, то есть явно и неявно заявляла, что необходимо сохранение у власти Путина, иначе будет хуже. С тактической точки зрения эта политика оказалось выигрышной. Так называемое «путинское большинство» все еще восприимчиво к подобным фобиям, и это способствует мобилизации электората. Однако за пределами временного горизонта выборов это чревато стратегическим тупиком, так как власть, по видимому, не намерена формировать новую повестку дня. Теперь возникает опасность, что ее сформирует оппозиция, и далеко не факт, что эта оппозиция окажется системной (то есть обеспечит плавную нисходящую социальную мобильность нынешним элитам).

В оппозиционной среде также все идет так, как и предполагалось: в ней все четче просматриваются различные позиции. Антипутинское движение в России, не успев возникнуть, уже начало глохнуть из-за междоусобицы и взаимных обвинений. Ей так и не удалось найти лидера и программу, приемлемые для разноликих недругов Путина. Свою роль сыграла и кремлевская кампания, направленная на систематическое ослабление оппозиции. Но уже просматривается новая тенденция — институционализация отношений системных и внесистемных игроков, а понятие «внесистемности» постепенно утрачивает актуальность и уходит из политического лексикона.

Пока складывается три типа механизма встраивания в системное поле со стороны бывших «внесистемщиков» и опосредованного диалога с властью. Первый — это давление «снизу» через масштабные акции протеста. Этот механизм уже доказал свою эффективность, что хорошо видно по тем реформам, которые уже начали реализовываться. Однако недостаток этого механизма — в его неуправляемости. Даже если новые митинги будут не менее массовыми, чем предыдущие, уверен ли кто-либо из оппозиционных лидеров (новых или старых), что такой высокий уровень протестной активности удастся сохранить и дальше? Новая повестка далеко не так остра и остро консенсусна, как это было с думскими выборами: ведь крайне важно, что акции протеста были во многом не организованы лидерами оппозиции, а умело подхвачены. Инициатива исходит не от оппозиционеров, а откуда-то «снизу», поэтому ресурс митинговой активности вряд ли может быть полноценным и конструктивным механизмом диалога власти и общества.

Второй механизм — это посредничество близких к власти фигур. Весьма активно на протяжении последних месяцев вел себя А. Кудрин. Однако на самом деле проблема заключается в том, что либеральные оппозиционеры сейчас не имеют иной возможности, кроме как вступать в диалог с определенной частью элиты, встроенной во власть, но вовсе не с целью переговоров или получения посреднических услуг. Это скорее неосознанное стремление «легитимизироваться» и за счет неких институтов диалога стать полноценными участниками политического процесса. Кудрин в этом смысле — идеальный кандидат для «легитимации» либералов.

Если говорить о левых, то тут появляется третий механизм легитимации внесистемной оппозиции — это выстраивание отношений с оппозицией системной. Причем это двусторонний процесс: теперь не только «радикалы» нуждаются в системных партнерах, но и системные игроки нуждаются в союзе с поднимающимися лидерами внесистемной оппозиции. Системная оппозиция начала активно сотрудничать с теми, кто еще вчера назывался «политическими маргиналами».

Теперь должен заработать и новый механизм, плох он или хорош, встраивания внесистемной оппозиции в системное поле — создание новых политических партий. Можно ожидать появления таких партий, как «Левый фронт», «Другая Россия», Парнас и т. д. Но наибольшая интрига исходит от новых лидеров — А. Навального и тех «авторитетов», напрямую с политикой не связанных, но активно вступивших в политическую игру, — это участники нового движения «Лига избирателей». Политический потенциал именно этого объединения, как представляется, наиболее высок.

Тем не менее, несмотря на все последние успехи власти, популярность Путина снижается — этот процесс можно остановить, но только на время, а повернуть вспять невозможно. Если власть пустит все на самотек, она встретит следующую волну экономического кризиса в таком слабом состоянии, что любой чих собьет ее с ног. И мировая экономическая ситуация вполне этому способствует. Власть, скорее всего, это понимает, поэтому будет действовать: выбор у нее пока еще есть. Скорее всего, она будет действовать по всем направлениям: давить на оппозиционных лидеров, вести с ними переговоры, заигрывать с националистами, искать триллион для региональных и

местных властей, назначать стрелочников, говорить или даже пытаться проводить либеральные преобразования.

Важно также отметить, что власть после всех событий последнего времени далеко не монолитна. Каждая фракция в правящей группировке будет делать то, что ей выгодно, ближе по идеологии, или то, что она привыкла делать. В результате у них, скорее всего, не получится ни либеральных реформ, ни качественной экономической политики на других основаниях. Все будет сделано наполовину и на скорую руку. Это мельтешение приблизит новый кризис. А какой он будет, пока не знает никто.

В целом результаты президентских выборов были вполне предсказуемы: практически никто не сомневался в победе В. Путина, однако многие склонны на этом ставить точку. Между тем, как нам представляется, 4 марта ничего не закончилось, все еще только начинается. Сегодня пока не очевидно, по какому пути пойдет дальнейшее развитие страны, но очевидно, что фазу застоя страна уже проскочила и дальше «будет интересно». Вопрос только в том, кому и насколько. И как это скажется на жизни будущих поколений россиян.

В. Тусов.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий БУЯНОВ

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В глобализирующемся мире, с его катком универсализации, проблема идентичности обострилась. Эта проблема касается всех — цивилизаций, государств, наций, разновеликих социумов и отдельных людей, которые «встраиваются» в несколько идентичностей: гражданскую, этническую, религиозную и др.

В самом общем виде идентичность есть устойчивая совокупность рационально-интеллектуальных и психо-эмоциональных признаков и черт, присущих сообществам и индивидам. Идентичность означает тождественность, совпадение чего-либо с чем-либо и соотносится с такими понятиями, как «самоопределение», «самобытность». Рассматриваемое понятие связано с внутренней и внешней проблематикой, последняя строится на сопоставлении таких пар, как «мы» — «они», «свои» — «чужие», «Россия» — «не-Россия».

Идентичность может быть разной по объекту рассмотрения. В нашем случае остановимся на трех важнейших аспектах российской идентичности — цивилизационном, национальном, государственном.

Особенности цивилизационной идентичности России

Цивилизация представляет собой наиболее универсальную социокультурную и метаэтническую общность, существующую в определенное историческое время и на определенном геопространстве. В основе цивилизации — культура и религия, язык, обычаи и нравы, господствующие способы производства и общественно-политического устройства. Цивилизации, как правило, выходят за рамки одного государства и одной нации, они имеют широкое пространственное и этническое измерение. Однако существуют цивилизации, ограниченные пределами одной страны, например, китайская или японская цивилизации. К этому же типу можно отнести и российскую цивилизацию.

Продолжается многовековой спор о том, к какому типу, западному или восточному, относится российская цивилизация и соответственно — являются ли граждане нашей страны европейцами или нет. В отношении христианских ценностей, истории, культуры Россия, безусловно, европейская страна. Но другие признаки российской цивилизации — патернализм, этатизм, соборность — позволяют говорить о ее сопричастности к ценностям традиционных восточных цивилизаций.

Российская цивилизация формировалась более тысячи лет и обрела неповторимый облик. В зависимости от того, какой признак был положен в основу (религиозный, этнический, формационный), она называлась «православной», «русской», «российской», «советской». Но в любом случае за Россией признавался особый цивилизационный код.

Самобытный и пассионарно активный русский народ создал государство — цивилизацию, расположенную на двух огромных континентах и как бы соединяющую их. Более того, преодолев границы Евразии, российская держава в один из периодов своей истории была представлена на трех континентах, включая Америку, и дотянулась до континента четвертого, Антарктиды, открытого русскими мореплавателями в 1820 году. В этом уникальном соединении «мира миров», геополитических пространств («сухопутного океана») и гецивилизаций («полифоничная цивилизация») и следует, по-видимому, искать корни российской цивилизационной идентичности.

Незавершенность российской идентичности

Идентичность не есть нечто статичное, она эволюционирует под воздействием исторических условий. Применительно к России можно говорить о ее незавершенной идентичности, что обусловлено рядом факторов. Прежде всего — промежуточным положением страны. «Своими» нас не считают ни Запад, ни Восток, и это обстоятельство, по-видимому, еще долго будет влиять на восприятие России в мире.

Неопределенность вызвана также постоянными метаниями между европейской парадигмой развития и движением по собственному пути. Проявления мы видим не только в реформах и контрреформах царей, генсеков, президентов, но и в дискуссиях «западников» и «славянофилов», «патриотов» и «космополитов», «евразийцев» и «глобалистов». И, конечно же, устойчивость российской идентичности подвергается испытаниям под воздействием тех резких перемен, которые переживает Россия вот уже на протяжении столетия: от царизма — к советизму, от социализма — к капитализму, от тоталитаризма — к «тандемократии».

Разрушение социалистической системы усугубило проблему и приводит к тому, что российская идентичность из незавершенной становится неопределенной. Для такого утверждения есть основания. Во-первых, обрушение старого не было заменено концептуально сформулированными целями будущего. Более 20 лет живем в «новой» стране, но до сих пор не знаем, куда идем и что строим. Во-вторых, дикая «капитализация» России и связанные с нею негативные последствия подрывают российский геном, который и так ослаблен в результате крупнейших катастроф XX века. В-третьих, зарубежный мир тоже не очень представляет, что такое сегодняшняя Россия и как ее понимать. Как новое государство? Как наследницу СССР, утратившую четверть территории и половину населения? Как продолжательницу исторической России? Отсутствие внятных ответов на эти вопросы приводит к тому, что РФ воспринимают то как «переходную» страну, то как сильно ослабевшую державу с сохранившимися имперскими инстинктами, то как государство, продолжающее путь саморазрушения.

Неопределенная идентичность Российской Федерации особенно показательна в отношении ее государственных символов, топонимики и монументалистики. В «одном флаконе» — имперский герб, царский флаг, обновленный советский гимн. Памятники Ленину во многих населенных пунктах, пантеон видных деятелей советской эпохи у Кремлевской стены и захоронения останков последнего российского императора и его семьи в Санкт-Петербурге. Девять официальных государственных праздников, четыре из которых ведут происхождение из СССР (23 февраля, 8 марта, 1 и 9 мая), один идеологически нейтральный (1 января) и четыре новых: 7 января — Рождество, 12 июня — День России, 4 ноября — День народного единства, 12 декабря — День Конституции. При этом День России у многих ассоциируется с распадом Советского Союза, а День народного единства воспринимается как неуклюжий противовес 7 ноября — Дню Октябрьской социалистической революции. Все эти совмещения казалось бы несовместимого свидетельствуют о невыстроенности национальных символов и ориентиров, лежащих в основе современной российской идентичности.

В общественном сознании удивительным образом смешиваются ценности императорской, советской и постсоветской России, идентичности общегражданские и национальные, религиозные и этнокультурные, региональные и локальные. Положение усугубляется тем, что для России характерно нигилистическое отрицание ранее существовавших порядков и правителей. Отсюда «десталинизация» и «дехрущевизация», «дебрежневизация» и «дегорбачевизация», «деельцинизация» — и далее по списку.

Не способствует укреплению российской идентичности и то, как кощунственно обращаются с отечественной историей и опытом прошлого. Российскую историю и раньше и сейчас можно представить в двух противоположных плоскостях. Их суть сформулировали два современника императора Николая I. Один из них — аристократ и философ П. Чаадаев. Другой — шеф тайной полиции граф А. Бенкендорф. В «Философических письмах» Чаадаев отрицал самостоятельную роль русской цивилизации и считал, что она отлучена от всемирной истории. «Если мы движемся вперед, то как-то странно: вкривь и вбок. Если мы растем, то никогда не расцветаем. В нашей крови есть нечто, препятствующее истинному прогрессу... Наше прошлое, наша история — это ноль. Наше нынешнее состояние — это мертвящий застой...». В свою очередь Бенкендорф писал: «Прошлое России удивительно, настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что только может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот с какой точки зрения следует оценивать русскую историю» [1. С. 101].

Складывается впечатление, что, начиная с горбачевской перестройки и до нынешних дней, российская история трактуется именно по-чаадаевски. Наши соотечественники, а не «зарубежное закулисье», выступают главными фальсификаторами отечественной истории, выпячивают в ней только мрачные страницы и требуют покаяния то в одном, то в другом, то в десятом. Но почему-то «обличители» не призывают к покаянию тех, кто виновен в развале СССР, в одночасье бросил на произвол судьбы более 25 млн русских, проживавших за пределами РСФСР, кто ответственен за деградацию нации.

Необходимо покончить с традицией деления соотечественников на «красных» и «белых», «наших» и «не наших». Политические, идеологические,

имущественные и иные противоречия неизбежны, но все же «мы одной крови» и глубинные корни у нас одни. Не охаивание целых эпох, не навешивание унижительных ярлыков, не постоянная смена знака «+» на знак «-» при оценке тех или иных событий и личностей, а подчеркивание того общего, что нас роднит и консолидирует, — важнейшая задача в деле формирования российской идентичности.

Национальная идентичность и «русский вопрос»

Современная российская идентичность выдвинула ряд трудных и пока далеких от разрешения вопросов. Среди них: как понимать идентичность «русскую» и «русскую»? Какую идентичность необходимо формировать в первую очередь — гражданскую, этническую? Сложилась ли в России общая нация?

Первостепенное значение в перечисленном ряду имеет категория «нация», которая до сих пор трактуется неоднозначно. Политическая наука Запада широко использует термин «государство — нация». По мнению сторонников данного понятия, суть нации можно определить только по отношению к государству. Американский социолог К. Дейч дал афористичное определение взаимоотношения нации и государства: нация — это народ, обладающий государством. Вместе с тем, по мнению норвежского социолога И. Гальтунга, «в мире две тысячи наций и около 200 государств» [2. С. 12].

Какой выход из терминологического лабиринта, образованного множественностью трактовки понятия «нация»? В том, представляется, чтобы принять его узкое и широкое толкование. В узком смысле нация — это этническое, точнее, этносоциальное образование, этнонация. В широком смысле нация — это гражданское состояние, гражданская принадлежность к тому или иному государству, то есть политическая нация. Применительно к России гражданская, политическая нация — это нация всех граждан РФ, независимо от их этнической принадлежности.

Национальный вопрос в России, обострившийся в последние годы, носит для России фундаментальный характер. В. В. Путин в своей программной статье «Россия: национальный вопрос» подчеркивал: «Историческая Россия — не этническое государство и не американский плавильный котел... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство... Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации — русский народ... Самоопределение русского народа — это политэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [3].

Это принципиально важные положения, в том числе и потому, что в современной российской действительности не только не исчез, но и актуализировался «русский вопрос». Суть его в том, что принижается или вовсе замалчивается роль русского народа в формировании российской государственности и цивилизации. В ряде регионов ущемляются права и принижается статус русских, на исторически русских территориях положение хуже, чем во многих национальных республиках.

«Русские марши», лозунги типа «Россия для русских», события на Манежной площади и в других местах — это проявления не только националистических фобий, но и реакция на своеволие и неуважительное отношение

части «лиц неславянской внешности» к традициям и культуре русской нации, ответ на нежелание или неспособность властей озаботиться судьбой и психологическим самочувствием русского народа, составляющего более 80% государства. Знаковыми в решении проблем национальной идентичности могли бы стать такие действия, как восстановление министерства по делам национальностей в составе Правительства РФ, принятие закона о национальной политике в России, юридическое закрепление положения о русском народе как народе государствообразующем.

Исключительно важным фактором национальной идентичности России выступает русский язык — государственный язык РФ на всей ее территории, стержень русской и общероссийской культуры. Распространенность языка является признаком силы государства и цивилизации. Английский язык, ставший глобальным, свидетельствует о мощи англосаксонского мира. Китайский язык, несмотря на его сложность, все чаще изучают в университетах США и Европы. Что касается русского языка, то ареал его распространения сокращается. Даже миллионы трудовых мигрантов, приезжающих на работу в Россию из Центральной Азии и других постсоветских республик, плохо говорят по-русски или вовсе не владеют им. Принятие Госдумой закона о русском языке, надо надеяться, будет способствовать как укреплению его позиций в РФ, так и расширению русского социокультурного пространства за рубежом, того феномена, который называют «русским миром».

Одним из оснований самоидентификации русского человека и русской идентичности в целом выступает православие. Невозможно отрицать значение Русской Православной Церкви в становлении российского государства, борьбе с иноземными нашествиями, духовно-нравственном воспитании людей. Отдавая должное деятельности РПЦ, вместе с тем нельзя делать упор на формирование особой православной идентичности в стране, где почти 20% населения исповедует другие религии. Иное может привести к разделению людей по вероисповедной принадлежности вместо желаемого объединения. Главный вектор самоидентификации народа Российской Федерации должен находиться не в религиозном русле, а строиться на основе концепции единой российской гражданской нации.

Государственная идентичность России: будущее в прошлом?

Российская идентичность немыслима без государственнической основы. Многовековая идея могучей российской державы стала неотъемлемой частью культуры народа. Люди не отождествляли власть и государство: власть они могли не любить или даже свергать, но они никогда равнодушно не относились к государству: и тогда, когда оно было мощным, и тогда, когда стало «за державу обидно».

Поражение в холодной войне, исчезновение СССР и низведение страны с пьедестала сверхдержавы до уровня государства регионального — все это вызвало у значительной части российского общества психологический надлом. Масса людей испытывает сложный комплекс чувств горечи, непонимания, растерянности и, кроме того, обиды на весь остальной мир, что характерно для наций после крупных исторических поражений.

Тема российской великодержавности стала одной из основных в программных заявлениях крупнейших политических сил страны. Эта идея сохраняется и в народном сознании. Не исчезли грезы об «имперскости» России, минувшее проецируется на грядущее согласно перефразе Е. Замятина: у великой России одно будущее — ее прошлое.

В политических и научных дискуссиях тема империи актуализируется всякий раз, когда особенно очевидны провалы в строительстве постсоветского эффективного государства и ощущается острая нехватка идей, способных придать новый импульс государственной самоидентификации России. С начала «нулевых» годов появилось немало публикаций, которые с разных позиций обращаются к имперскому прошлому России и его возможному будущему. В этих работах поднимается ряд концептуальных вопросов: что такое империя и в чем ее отличия от обычного национального государства? Были ли империей дооктябрьская Россия и Советский Союз? И самый главный вопрос — надо ли нынешней России вновь стремиться к имперскому величию?

На протяжении более чем двух тысячелетий империи были устойчивыми государственными образованиями, из недр которых вышло множество нынешних государств. Анализируя историю полноправных империй, С.В.Кортунов так определял их «родовые признаки». Это сверхнациональное государство, отличающееся наличием универсального идеала и исторического проекта, терпимостью по отношению к другим цивилизациям, культурам и этносам, государство, ответственное за всех живущих в империи с опорой на стержневой, имперский этнос [4. С. 261–262].

Многие авторы солидарны в том, что империю нельзя трактовать упрощенно, по формальным признакам. Империя — это нечто большее, чем централизованная власть и крупные пространства, объединение народов или военная сила. Это и что-то трудноуловимое, подчас иррациональное, сакральное, то, что называют «имперским духом». Расхожие утверждения, что «империя есть зло», являются результатом или слабого исторического образования, или пропагандистским ярлыком, наподобие того, который в свое время президент США Р.Рейган приклеил к СССР как «империи зла». Кстати, сами США сегодня все чаще называют «новой империей». Хотя Вашингтон официально об этом не говорит, данная идеологема — «американская империя» — прочно входит в сознание политического класса этой страны. Известный американский политолог, автор нескольких политических бестселлеров Дж.Фридман пишет: «Бессмысленно задаваться вопросом, следует ли США быть империей, так как США уже империя» [5. С. 10].

Что касается вопроса о возможном имперском будущем России (по смыслу, а не по названию), то отношение к нему в нашей стране неоднозначное. Так, писатель А. Проханов считает, что состоялось «священное зачатие» новой Российской империи. «Первой империей» была Киевская Русь. Второй — Московское царство Рюриковичей. Третей — белое царство Романовых. Четвертой — «красный» Советский Союз. Сегодня мы являемся свидетелями зарождения «Пятой Империи» [6. С. 5, 10].

Неожиданностью оказалось обращение к теме имперского будущего России отечественных либералов. Вспомним нашумевшую статью А. Чубайса,

в которой он ставит вопрос о необходимости решить «задачу самосознания, самоидентификации народа», утверждая (вполне справедливо), что власть не умеет решать этот вопрос, и затем заявляет: «Идеологией России ... на всю обозримую историческую перспективу должен стать либеральный империализм, а миссия России — построение либеральной империи» [7]. О крахе «мурного» русского либерализма и необходимости вернуться к сильному государству высказывался и М. Ходорковский.

Удивительные реверансы неолибералов в сторону российской имперскости есть, как представляется, не только заявление о своей патриотичности, не только своеобразный «акт покаяния» за то, что они сами сделали для разрушения державы. Это, возможно, и тайное оправдание такой мысли: раз Россия, в который уже раз, не приемлет идеи демократии и рынка, давайте в будущем вернемся к прошлому. Была империя царская, была империя советская, теперь пусть будет империя другая — но именно Империя.

СССР не был в полном смысле империей, хотя другие его так называли. Интересны в этом смысле рассуждения Г. Павловского: «Советский Союз — не империя, себя таковой отнюдь не считал... Одной из опор советского триумфаторства было — мы круче всех ваших империй! Империя из СССР после впрямь вышла, но странная империя — антиимпериалистическая» [8].

Противоположная точка зрения на будущий государственный облик России представлена рядом широко известных авторов. А. И. Солженицын в книге «Как нам обустроить Россию» писал: «Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч...». Е. Гайдар в работе под красноречивым названием «Гибель империи. Уроки для современной России» подчеркивал: «Пытаться вновь сделать Россию империей — значит поставить под вопрос ее существование» [9. С. 17]. А. Арбатов убежден, что не империя, а великая европейская держава — таков единственный оптимальный вариант будущего России [10].

Когда говорится о России — Империи применительно к XXI веку, то имеется в виду не столько военно-силовой и внешнеполитический аспект, сколько объединительная миссия государства, собравшего вокруг себя более 180 народов и призванного обеспечить им достойную жизнь и сохранение самобытности в рамках общероссийской цивилизации. Сегодня «имперские амбиции» России — это остаться Россией: государством многонаrodnым и многоконфессиональным, культурным и состоятельным, уважаемым в мире. В политическом классе и массовом сознании крепнет понимание того, что в силу своих цивилизационных и геополитических особенностей Россия не сможет существовать иначе, как великое государство. По мнению известного политолога и публициста В. Третьякова, великодержавность — категорический императив российской политики и «геополитического курса любого президента России, если он только хочет руководить страной, которая по-прежнему является Россией, а не чем-либо другим» [11].

Споры о будущем России еще долго не прекратятся, и не скоро исчезнет постимперская ностальгия. Сможет ли Россия преодолеть свое нынешнее болезненное состояние и вновь стать великой державой — покажет будущее. Для того чтобы выйти из полосы упадка и двинуться вперед, нужно немало условий. Но одно обязательно: следует иметь программу будущего. Не много-

численные «стратегии», а то, что называют историческим проектом. У России императорской и России советской, которые действительно были великими державами, такие программы имелись. Что трудно сказать о настоящем времени, ибо не просматриваются перспектива и сам идеал, лежащий в основе российской идентичности. В отсутствии генерализирующей идеи, вокруг которой могли бы сплотиться различные социально-политические и этнонациональные силы, трудно претендовать на роль великой державы — цивилизации.

Примечания:

1. Цит. по: *Радзинский Э.* Александр II: жизнь и смерть: Документальный роман. — М., 2007.
2. *Гальтунг И.* Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике. Т. 9. № 4. Июль-август. 2011.
3. *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
4. *Кортунов С. В.* Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру. — М., 2009.
5. *Фридман Дж.* Следующие 10 лет. — М., 2011.
6. *Проханов А.* Симфония «пятой Империи». — М., 2006.
7. *Чубайс А.* Миссия России в XXI веке // Независимая газета. 2003. 1 октября.
8. *Павловский Г.* К дискуссии об империи // АПН.ru. 7.06.2006.
9. *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. — М., 2007.
10. *Арбатов А.* Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. Т. 3. № 6. 2005.
11. *Третьяков В.* Алгоритм прыжка в будущее // Известия. 2008. 28 апреля.

Павел ГУРЕВИЧ

В МИРЕ ОБРАЗОВ, КОТОРЫЕ ПОСТАВЛЯЕТ ИСТОРИЯ

В наши дни социальная философия предлагает множество противоречащих другу другу «сценариев», «моделей», «прогнозов». Нередко складывается впечатление, будто история чревата тектоническими сдвигами. Компьютер взял на себя роль оракулов. Проигрывая самые различные сценарии «штурма будущего», исследователи хотят убедить нас: историю можно пригласить в любое приключение идиллического или авантурного свойства. Исторический процесс нередко описывается в современной футурологии как вереница альтернатив. В итоге рождается чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит вовлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной, истомившейся жертвой самоорганизующихся прогнозов. Любое прорицание неожиданно может завладеть сознанием людей и стать ориентиром поведения.

В конце минувшего столетия возник своеобразный бум футурологических сценариев. Одновременно встал вопрос: можно ли в принципе распознать или угадать грядущее? Следует ли пытаться каким-то образом блокировать утопическое сознание? Ведь социальное значение общественных экспертиз, как показывает история, во многом отрицательно. Достаточно людям воспринять предписания, содержащиеся в прогнозах, серьезно, как результаты оказываются порой катастрофическими. Преступления, совершаемые капитализмом в эпоху либерализма, во многом объясняются той серьезностью, с которой в ту эпоху была принята фигура Робинзона Крузо.

В наши дни социологические экспертизы Э. Тоффлера, направленные на выстраивание логики истории, или анализ преобразования власти в современном мире, несомненно, помогли конкретизации социального знания. Однако уже сегодня очевидно, что настойчивые попытки американского исследователя «пришпорить» вхождение человечества в постиндустриальный мир, стремление перекроить социальную ткань, катапультировать все страны в информационный рай, имело немалые негативные последствия. В частности, изображение «аграрной волны» как анахронизма истории оказалось бесперспективным в условиях угрозы продовольственного кризиса. Немалые трудности испытали те страны, которые попытались как можно радикальнее сбросить груз индустриальной стадии развития человечества. Это относится, в частности, и к России.

По убеждению французских философов-революции и их пророки — И. Фихте, Г. Гегель, Маркс и Ницше — в той же мере виновны в ужасах тоталитаризма, в коей связаны с происхождением идеалов равенства (безразлично, для всех индивидов или их избранной части). Тексты «великих авторитетов», по мнению, скажем А. Глюксмана, необходимо конституируют «дискурс Властителя», подчиняющий себе историю. Позднее Глюксман обратился к Р. Декарту, который, в отличие от «господ-мыслителей», не строил «позитивной идеологии», а «раскрывал заблуждения». Порой прогнозы позволяют избежать опасности. Так, провозглашенный О. Шпенглером «закат Европы» помог устранить многие издержки рациональности, присущие европейской культуре. М. Хайдеггер цитировал строчки из «Патмоса» Ф. Гёльдерлина:

*Но где опасность, там вырастает
И спасительное...*

Философ делает вывод: «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному. Тем более вопрошающими мы становимся. Ибо вопрошание есть благочестие мысли».

Более ста лет назад, по словам Томаса Манна, родилась формула, которая выражала чувство гибели определенной эпохи. И ныне человечество, несомненно, подошло к невидимому рубежу, который отделяет одну эпоху от другой. Мы сегодня имеем все основания утверждать, что цивилизация будущего будет радикально отличаться от нашей, современной. Мир переживает революцию невиданного масштаба. Времена стабильности вряд ли вернутся снова, человечество захвачено невиданной гонкой.

Предназначение социальной экспертизы в том, чтобы реализовать чувство «исторической актуальности», поддержать готовность людей к позитивному участию в социокультурной жизни. Несомненно, в качестве цели, мобилизующей усилия общества, необходим образ будущего. Главные условия разработки такого образа будущего: его формулировка в категориях, близких к сегодняшним настроениям, учет нынешних ценностей. Психологически-моральная установка современного человека — преодоление тех ограничений, которые накладывает на него его собственная культурно-историческая эпоха.

Сегодня мы живем не только на рубеже нового тысячелетия, но и на границе геологических эпох. Особую актуальность приобретает проблема спасения человечества от масштабного социально-экологического кризиса. Эксперты предлагают избрать правильную экологическую политику, ограничить бессмысленное потребление ресурсов Земли, особенно в Европе, где они почти исчерпаны (за исключением Норвегии, Финляндии, России, отчасти Швеции). Обеспечить положительный баланс с природой, восстановить биологическую массу. Вернуть человечеству стабильное развитие общества, без войн и политического насилия.

Глобализация и мультикультурализм

Глобализация — новая форма модернизации, пришедшая на смену колонизации и индустриализации. Будучи отражением объективных социальных процессов, этот феномен по своей сути является революционным и насиль-

ственным. Дело не только в стремлении США подчинить гигантские преобразования интересам «золотого миллиарда». Нет сомнения в том, что глобализация, будучи в основном информационно-техническим явлением, в своих глубинных основаниях противоположна культуре. Чем дальше разворачивается глобализационный процесс, тем острее обнажаются культурные доминанты, противостоящие на данном этапе истории цивилизационному единству.

Когда в XVII–XVIII веках европейцы установили контакты с Китайской империей, китайцы отнеслись к ним чрезвычайно прохладно. В 1793 году король Англии Георг III послал в Китай торговую миссию, чтобы наладить коммерческий обмен. Визитерам-«варварам» было позволено основать в Китае несколько торговых пунктов и приобщиться к богатствам, которыми обладала страна. Сами же китайцы, как было сказано посланникам, были совершенно не заинтересованы ни в чем из того, что могли бы предложить европейцы: «Поднебесная обладает в изобилии всем и не имеет недостатка ни в чем. Поэтому нет нужды ввозить изделия иностранных варваров для обмена на наши товары». Сегодня китайские товары уверенно захватывают рынки.

Два столетия назад английская военно-морская экспедиция, искавшая за Полярным кругом путь в Россию между Баффиновой Землей и Гренландией, случайно столкнулась с эскимосами. До этого дня эскимосы думали, что они — единственные люди на земле. Сегодня это кажется исторической ушмешкой.

Однако в наши дни цивилизованный мир все чаще удивляется тому, что на свете существуют еще какие-то эскимосы. Мы зачарованы цивилизационным однообразием, но неожиданно встречаемся с современными этносами, которые не имеют никакого представления о едином ходе человеческой истории. Так, Ж. Бодрийяр с предельным удивлением описывает обряды и ритуалы, которые характерны для Новой Гвинеи. Кула и потлач — это символический обмен, который организует социальную систему, отражающую значимость и социальный статус людей. Ж. Батай предлагает европейскому сознанию иной проект экономики, противостоящий буржуазному опыту рациональности и бережливости. Он опирается при этом на исследования этнографов М. Мосса и Ф. Боаса о североамериканских индейцах с их практикой чрезмерных трат, вызывающих моральное поражение. Так европейский мир наталкивается на принципиально иные формы общественной организации.

Кажется, все перемешалось. Восточный мир, игнорируя вековые традиции, жадно усваивает ценности западного потребительства. Запад, едва ли не истошно, взывает к духовности, к освоению тайн ориентального мира. Архаические племена торопятся вкушать плоды европейской цивилизации. Европейские антропологи и этнографы потрясены особыми ментальными и духовными секретами патриархальных племен. Однако за этим перекрещиванием культур возникают реальные трудности глобализации.

Иммигрант, приехавший в Швецию или Голландию, недоумевает: неужели этим европейцам непонятно, что я могу убить свою сестру, если она попала на прелюбодеянии? Разве европейцам не следует перенять этот обычай? Буддист, путешествующий по Европе, поражен суетой, которая охватила западных людей.

Шестилетней сомалийке обрезают без всякой анестезии половые губы кухонным ножом на обеденном столе. Разве это не продиктовано благими целями? Открытая разделка барана на площади в честь праздника — неужели это может шокировать европейца?

Но ведь в восприятии представителей других культур европейцы не выглядят гуманными или богобоязненными. Геноцид американских индейцев. Африканская работорговля. Жестокое и лицемерное покорение азиатских народов. В XIX веке британские поселенцы острова Тасмания (южнее Австралии) травили туземцев собаками и устраивали псовую охоту на них. Делалось это ради спортивного интереса. Трупы подстреленных затем разрезали на куски и скармливали собакам.

Глобализация интенсифицирует процессы гибридизации идентичности. Уходит, растворяется этническая самоидентификация. На смену ей приходит надэтническая, полиэтническая. Проблема идентичности, которой были посвящены коллективные обсуждения, неожиданно вышла из рула национальной психологии и обрела междисциплинарный статус. Диахронный аспект связан с темпоральной многослойностью бытия, с сосуществованием разных укладов жизни в рамках одного, отдельно взятого общества.

Культурные трансформации, ускоренные глобализацией, нередко описываются сегодня через размывание границ культур и цивилизаций. А это зачастую порождает «культурный шок» и даже «культурную шизофрению», что чревато утратой цивилизационной самобытности и, соответственно, идентичности.

Миром сегодня правят глобальные вызовы. Новое мировое сообщество будут определять США, Европейский Союз, Китай, Индия, Россия. Перед человечеством во весь рост встает проблема борьбы за ресурсы. Планета может оказаться необитаемой, если запасы недр будут извлекаться с той же интенсивностью, которую диктует современная экономическая ситуация в мире. Экономические проблемы все чаще наталкиваются на политические.

Революции и реформы

Социальная философия многие столетия занималась «аутопсией революции» (термин Ж. Эллюля). С нею связывали обычно новый виток истории, идею новой социальной перспективы. Однако «разочарование в прогрессе» привело к страху перед революцией. С нею стали связывать огромные разрушительные последствия и настаивать на постепенном реформистском изменении общества. Касаясь феноменологии революции, Ханна Арендт писала о том, что любое братство вырастает из братоубийства, а в начале любого политического порядка лежит преступление.

Обольщение реформами завершилось быстро. Оказалось, что грань между революцией и реформой весьма подвижна. Выяснилось, что частичное социальное преобразование подчас несет с собою столь неожиданные и разрушительные последствия, перед которыми меркнет насильственный слом государственной машины. Незримые социальные скрепы общества в ходе бездумного реформирования отлетают, начинают расползаться хорошо отлаженные традицией или здравым смыслом социальные связи.

Общество — это не сумма отдельных людей, а поразительное многообразие всевозможных связей. Нельзя понять общество, не обращая внимания на многообразные формы социального взаимодействия: межличностные, межклассовые, межнациональные и межгрупповые связи. Эти отношения складываются под влиянием ценностей, тех ориентаций, которыми руководствуются люди. Не случайно реформы столь болезненно отражаются на судьбах людей, которые, казалось бы, находятся далеко от сферы реформирования.

С другой стороны, мир убедился в том, что время революций не ушло. Напротив, мир столкнулся с небывалой тенденцией, когда революционные выступления захватывают сразу несколько стран. Эксперты все еще как заклинание повторяют слова о том, что революция невозможна без объединяющей идеи, что в радикальной ситуации нельзя обойтись без движущих сил революции. Однако цепная реакция массовых протестов никак не согласуется с этими традиционными представлениями. Революционные идеи замещаются массовыми иррациональными чувствами протеста, радикальные массы обходятся без лидера, движущих сил нет, а Восток бурлит.

Современные политические события показывают, что народ устал от политической игры, от диктата чужой воли, от властной беспардонности. Никогда в истории не была столь очевидна потребность в отлаживании механизма взаимодействия власти и общества.

Политизация жизни — наследие былой эпохи. Казалось, на ином этапе развития страны мы могли предложить людям обустроить свое существование, решать индивидуальные вопросы собственного бытия. Теперь же мы нередко хотим оторвать их от насущного и вновь погрузить в мир политических страстей. Мы заклинаем: оторвитесь скорее от насущных жизненных проблем, от семьи, от заветного дела, идите на площадь, митингуйте». Потом, когда будут подсчитаны убытки от этой политизации, многим придется схватиться за головы. Но это будет потом. А сейчас — «эй, почему ты без оранжевой отметины, отчего не бело-синий?» Сколько же здесь презрения к народу, к его реальным нуждам!

Но есть и другая опасная политическая и социальная иллюзия — народопоклонство. Велико искушение обращаться к здравомыслию простых людей. Необоримый соблазн толковать о себе как о выразителе заветных дум и чаяний упомянутой общности. Кому, как не нам, правнукам народников, думать о народе монументально, с обожанием и патетикой.

Марксисты тоже учили видеть в народе верховного судию. Утверждалось, что его житейский опыт, смекалка и проницательность способны отбросить идеологические догмы властителей. Остается только правильно выразить эту державную волю. На нее постоянно ссылался первый президент. Современное правительство тоже не прочь глубокомысленно истолковать в нужном ключе помыслы народных масс. Политические лидеры, предлагая пути спасения России, просто не могут не перемигнуться с народом.

Даже сегодня, когда общественное сознание выбросило из собственных недр малопривлекательные протуберанцы, хочется опереться на традиционное обожание народа. Он впал в искус, он слегка сдурел, ему надлежит вернуть помутнившееся благоразумие. Рождаются упования на скорое отрезвление народа: сегодня подвел, завтра одумается...

Между тем здравая социальная теория давно внесла в эту тему ноту взрослости. После Парето и Адорно, тонких социально-политических экспертиз, как-то неловко видеть в толще масс вековечную и окончательную мудрость. Поясню специально для патриотов: здесь нет интеллектуальной гордыни или интеллектуального высокомерия. Нельзя строить политику на одних мифологемах. Нет у автора побуждения профанировать святое. Есть, однако, призыв освободиться от химер, элементарно мешающих разобраться в ходе политических событий.

Суждения рядового человека по всем вопросам политической жизни не могут иметь форму развернутых, методически последовательных размышлений. Еще раз подчеркнем: в реальной жизни действуют не эксперты, а обыкновенные люди, оценивающие события с позиции собственного индивидуального опыта. Это вовсе не парадокс, что мнение человека по тому или иному вопросу включает в себя не только основательно продуманные суждения, но и стихийно переживаемые формы согласия или несогласия с конкретными ценностями и установками, всевозможные реакции на внешнее влияние в виде настроений, эмоционально окрашенные образы.

Человек живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Ему необходимо соотносить свое поведение с персонифицированным образом. В этом процессе он устремляется за пределы своего окружения — в мир образов, которые поставляет история. Комментируемое исследование предлагает нам целый набор персонификаций — «защитника угнетенных», «радетеля свободы», «великого государственника», «железного реформатора», «просвещенного реформатора».

Мы можем судить по этим образам о состоянии коллективного бессознательного современного населения России. Замышляя общественные преобразования, мы не можем отвлечься от этих архетипов, они сегодня весьма значимы в нашей стране.

Евгений ВЕРТЛИБ (Франция)

РОССИЯ И ГЕОСТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ¹

«Изгойная» русскость — бельмо в глазу англофонов. Поэтому Россию любой формации постоянно ввязывают в горяче-холодные войны, геополитически сужают, душат в тисках зачастую искусственно образуемого недружественного окружения, добивают объединенным натиском внешней и внутренней контры — не дают нации возможности сосредоточиться на адекватный вызовам ответ и цивилизационное созидание.

Суммирую суть свежайших экспертно-независимых оценок: в последние двадцать лет «рукотворная» внешняя политика России «движется в диапазоне от малого или среднего государства до регионального». Практически по всем ее сферам заметно падение при Ельцине–Козыреве, небольшой подъем при Примакове, *еще больший — при Путине и падение при Медведеве*. В научно-технологической, внешнеэкономической и военной (пока на втором месте) — снижение. Естественно: при общей негативной тенденции усиливается пропагандистский аппарат, информационно-манипулятивная деятельность государства. *Официальные заявления («Россия — великая держава») не соответствуют расстановке внешнеполитических приоритетов*. Акцент делается на том, чтобы позиционировать себя выше реальных возможностей, чтобы казаться, а не быть (вместо строительства танков и самолетов — надувают макеты). Именно поэтому границы внешнеполитической адресации и межгосударственная деятельность (политическая сфера) еще как-то дотягивают до уровня региональной державы, а ресурсы, призванные этот статус поддерживать, падают до уровня карликового государства. Таким образом, независимые аналитики опровергают основной тезис внешнеполитической «доктрины» РФ, озвученный в 2006 году: приведение международно-политического влияния в соответствие с экономической мощью. Ведь у России нет ни первого, ни второго.

И все же, «с нами Бог и Андреевский флаг», а стало быть, Россию рано списывать со стратегических счетов, вычеркивать из большой политики. Теплится ее имперски-мобилизационный шанс возрождения. Как пишет геополитик А. Дугин, «Новая Империя, которую предстоит создавать русскому народу, имеет свою внутреннюю геополитическую логику, вписанную в естественную

---

¹ Окончание. Начало см.: Вестник аналитики, № 4, 2011.

структуру географического пространства планеты. В основу геополитической конструкции этой Империи должен быть положен фундаментальный принцип — принцип «общего врага». Отрицание атлантизма, отвержение стратегического контроля США и отказ от верховенства экономических, рыночно-либеральных ценностей — вот та общая цивилизационная база, тот общий импульс, что откроют путь прочному политическому и стратегическому союзу, создадут осевой костяк грядущей Империи».

И, конечно, прежде всего надлежит вернуть растасканные богатства страны тощей казне, народоправие — нации, любой ценой поддерживать стратегический баланс сил (иначе придется содержать оккупанта); формировать свои альянсы («двойки», «тройки», «пятерки»); стать консолидатором для «внеЗапада» — от боснийских сербов до иранцев; расширять брешь между независимостью политики европейских государств и усилиями атлантизма; предпринимать только продуманные и реально осуществимые геополитические проекты; вырабатывать принципиально-гибкое отношение к зонам острой напряженности (для сохранения российского присутствия); научиться предотвращать транснациональные угрозы безопасности РФ; встраивать Европу (Шарль де Голль — от Атлантики до Урала; Ив Лакост — до Тихого океана; от Бреста до Владивостока — «большая Европа») в общую систему безопасности по-русски; осмысленно равноправно в нужных РФ сферах партнерить с США; препятствовать созданию в Афганистане и Средней Азии плацдарма атлантизма для контроля Китая, Ирана и России; разработать и реализовывать геоконструкцию, не допускающую разлома России по Уралу и отщепления от европейской части РФ Восточной Сибири и Дальнего Востока; не допустить развязывания войны с Ираном по созданию Нового Среднего Востока (НСВ) и других унифицированно-«больших пространств»; быть готовым к усилению вызовов в регионе Южного Кавказа и Каспийского моря — коридоре из Европы в Центральную Азию и плацдарме для контроля над Ираном и оказания на него давления (энергоресурсы, терроризм)...²

Поскольку Россия выбита из исторического созидательного контекста и проходит у «менеджеров истории» как «исчезающе малая величина», экономика которой «увядает», демографическая база сужается, а «банковский сектор и инфраструктура вряд ли выживут в ближайшие 15 лет» (Дж. Байден в «Wall Street Journal» от 25 июля 2009 года), то англосаксам практически мало что мешает сейчас контролировать ключевой плацдарм планетарного доминирования — Евразийскую сердцевину земли «мирового острова» для установления нового мирового порядка. Океан подмывает Материк. А вследствие того, что цивилизационные макроконцепции обоих «номосов» априори бескомпромиссны и взаимоисключающи (или-или), вряд ли разрешение конфликта Земно-Водных цивилизаций обойдется без схватки талассократии и теллурократии. Кто кого: моряк-викинг или всадник-монгол? Англосаксы или евразийцы с русской «сердцевиной»?

Неутешительны прогнозы для вне-Атлантической ориентации. Ведь даже если бы и сложился объединенный противовесно-Атлантический центр, адекватной совокупной мощи USA-GB, во главе, скажем, с авангардной «славян-

² См. мою статью: URL: <http://www.regnum.ru/news/1204480.html#ixzz1UT3EQYnV>

ской расой» — Россией, вряд ли его потенциал всерьез угрожал бы главенству Pax Anglo-Saxon. Да и никак не получается объединиться противникам фатального доминирования США — Англии — «Соединенных Штатов Европы». Океаническим силам удастся торпедировать любые попытки создания континентального блока. «С XVIII до первой половины XX века этот саботаж исходил от Англии. Со второй половины XX века в авангарде альтернативной геополитической силы, атлантизма, встали США» — уверен геополитик А. Дугин. Европейско-российский стратегический альянс, особенно с военной составляющей, — вряд ли осуществим. Не дадут «специальными операциями политического влияния...». Да и разобщена Европа, расконсолидирована, эгоистично обособлена — мало евро-бюрократии, так Саркози намерен и Средиземноморье смирить ее. Хотя наметившееся расширение ЕС в юго-восточном направлении в стратегическом хартленде Евразии должно бы усилить стратегическую значимость Европы как самостоятельного геэкономического игрока, однако в прогнозе Национального совета по разведке (НСР) о мировом развитии на 2025 год *Евросоюз не фигурирует как формирующийся центр силы*. Видимо, потому, что ЕС вряд ли удастся конвертировать свой экономический вес в адекватное мировое политическое влияние.

Чтобы контролировать кондицию отношений Европы с США и тормозить становление европейской независимой геостратегии, американцы ведут постоянный мониторинг ситуации посредством интенсивного диалога с «большой европейской тройкой» — Германией, Великобританией, Францией, оперативно реагируют на изменение фона и подправляют его в нужном направлении. Кроме того: в Евросоюзе оказались государства Восточной Европы, бывшие «подсовки» — Венгрия, Румыния, Болгария, Польша, Чехия — что ослабило его. Это разделило Европу на придерживающуюся независимости старую «священных камней» и новую — «троянско-конную» океано-ориентированную.

Осуществляется концепция Николаса Спайкмена: принцип «интегрированного контроля над территорией» — недопущение усиления геополитических конкурентов. Есть небольшая разница между экспансионистами. Если британские и германские геополитики оправдывали стремление своих стран к господству тезисами о «единстве краевой зоны» или «жизненном пространстве», то их американские коллеги объявляют весь земной шар сферой безопасности США (безразмерная растяжимость — ахиллесова пята империй). Политическая картография закрепляет этот экспансионизм: Америка помещается в центре, а по бокам — Тихий и Атлантический океаны. При этом «Западное полушарие» произвольно «растягивается» от Ирана до Шанхая и Нанкина, а сферой американских интересов оказывается и Юго-Восточная Азия («западная окраина Тихого океана»), и восточное Средиземноморье («восточная окраина западного мира»). Старый Свет разрывается надвое, отрывая Европу от Азии или Дальний Восток от Ближнего Востока.

БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) не тянет на стратегически адекватного конкурента англосаксонству. Хотя у БРИКСовцев есть некая деколониальная солидарность в оценке НАТОвского безудержа в Ливии, однако серьезные разногласия перевешивают тягу к кооперации. В этой связи читаем в журнале «Stern»: «Более разными эти страны быть не

могли: Китай выступает в роли глобального банка, Россия — в роли заправки, Индия выполняет функцию мирового офиса, Бразилия — поставщика ресурсов, а ЮАР становится воротами к африканскому континенту... Китай и Индия спорят о границах, и градус недоверия между этими странами зашкаливает. Его подогревает и поддержка Китаем врага Дели — Пакистана... Даже с учетом увеличения доли БРИКС с нынешних 18% мировой экономики Западу это не только не опасно, но и выгодно: обеспечен постоянный импорт для роста.

В антианглосаксонский альянс БРИКСовцам, даже при всем их желании, не позволили бы сойтись ни внутренние интриги, ни внешнее манипулирование. Даже искусственное сдерживание Китаем курса своего юаня — первопричина торгового дисбаланса — пока непреодолимое препятствие к большей интеграции. Пусть разнородной и разнородной, но все же общности. С Китая, тигром изготавившегося к броску в лидерство, веками глаз не сводят. «Пока Китай остается нацией наркоманов, — констатирует в 1895 году консул Великобритании в Китае Джефф Херст, — нам не стоит бояться того, что эта страна превратится в серьезную военную державу, так как эта привычка высасывает жизненную силу из китайцев». Теперь РФ загибается от наркоты. Да кто ж ее убьют?! Конечно, на геополитического конкурента Западу никак не тянет формирующийся центр силы — арабский халифат. При всем внушительном росте исламского фундаментализма и уличных боях в Париже и Лондоне... — он не противовес атлантике.

Если, по Маккиндеру, планетарное доминирование невозможно без установления тотального контроля за Евразийской Россией, то для стратегии американца адмирала Альфреда Мэхэна — без морского господства. На примере Римской империи он наглядно показал, что обладание морем ведет к победе. Подтверждение тому — альбионская «воинственная леди» столетиями уверенно правила «морскими конями», что запечатлено даже на полупенсах Карла II — где она аллегорически изображалась в греческой тоге и шлеме со щитом и трезубцем — символом морского владычества в руках. «Rule, Britannia! Rule the waves» («Правь, Британия! Правь волнами») — рефрен песни по поэме Джеймса Томсона (1740) — гордый гимн бриттов. Господствовать — чтобы не рабствовать — психо-пространственное мировоззрение британцев: «Rule, Britannia! Rule the waves: Britons never shall be slaves» («Правь, Британия! Правь волнами: Британцы никогда не будут рабами»).

«Британские моря» простирались широко: от мыса Финистерре в Испании до мыса Статен в Норвегии и мыса Скаген в Дании. После Второй мировой войны Англия не «второрольна» (как полагал Сталин и многие), а есть векторно-интеллектуальный «трезубец» имперской нацеленности англосаксонства, силовой «рукояткой» чего являются США. Британская геополитика (Фаусетт и Голдич о способах формирования границ), введя понятие сверхдержавы, с помощью Мэхэна вдохнула мощь «морского волка» в свою бывшую североамериканскую колонию. Историк Уильямсон в работе «Океан в английской истории» уверен, что Англия имеет законное право претендовать на руководство атлантическими странами, так как связывает их воедино; по отношению к США являясь носителем европейской культуры и географических судеб Европы; по отношению к Европе же — являясь форпостом США — лидером американо-атлантической культуры. Хорошо сказано: «дополняя друг друга,

данный англосаксонский дуумвират, словно портной и подмастерье, перекраивает систему мирохозяйственных связей под верховенство принципа тотальной экономической эффективности к собственной выгоде». З. Бжезинский убаюкивает мир, характеризуя нынешнюю Британию как «ушедшую на покой геостратегическую фигуру».

Нелепо усматривать во всем британопроизводном происки «коварного Альбиона» (Perfidious Albion). Ежели геополитика, по Бжезинскому, есть теория позиционной игры на «мировой шахматной доске», то как было не «коварствовать» джентльменам, когда разовые союзники Великобритании преследовали преимущественно собственные цели, заключавшиеся в расширении сфер влияния или территориальных приобретениях? Или когда они переступали грань приемлемого — разве не логично было Англии переметнуться в лагерь конфронтирующих и даже организовать новую коалицию против предавшего (или неоправдавшего надежд) союзника — в целях своей безопасности и, если угодно прибегнуть к высоким словам, — ради восстановления баланса сил — условия мирного сосуществования? Что же касается зафиксированной британской «лишенной всяких сантиментов настойчивости и замкнутой на самой себе решимости», то это есть деловое достоинство, а не повод для укора. Ведь тонкая политика опирается на искусство возможного в состязании мастеров дипломатико-стратегического маневрирования. И Бисмарк, и Горчаков — *«железные канцлеры»*. «Преимущества Англии, — констатирует геостратег генерал А. Снесарев, — объяснимы... ее опорой на *принципы максимальной осведомленности, гибкости и разнообразия приемов геополитической деятельности. Иными словами, преимущества англичан скорее интеллектуальные, чем материальные»*.

Данный вывод Снесарева, сетует геополитик Л. Ивашов в книге «Россия или Московия?», «ни тогда, ни позднее (да и теперь) по достоинству и в полной мере не оценен. Это тем более досадно, что именно Снесарев еще капитаном сумел переиграть англичан, всерьез посеять в них сомнение как в безопасности Индии, так и всей Британской империи. Мало того: удалось показать англичанам (они открыто это признавали), что против России и локальную, и мировую войну они фатально проигрывают». Было у кого учиться военной мудрости. Взять хотя бы лорда Болинброка (наставника Вольтера): «Слава нации состоит в том, чтобы соразмерить цели, которых она добивается, с ее интересами и ее силами, средствами, с целями, а энергию — с ними обеими».

Политика большинства геополитических игроков многовекторно прагматична. Не складывая все яйца в одну корзину («Don't put all your eggs in one basket»), партнерят по ситуативным интересам. Англия при Наполеоне — сближается с российскими императорами Павлом и Александром I (Тильзитский мир), а при Гитлере — с Берлином. Или взять пример франко-русского «брачного контракта» не по любви. В 1801 году де-факто сложился первый в истории Европы русско-французский союз. Стремясь поддержать Наполеона, Павел I двинул в Индию 22,5 тыс. донских казаков, чтобы нанести удар по Англии. «Благодарная» Франция же, стремящаяся задействованием России нивелировать влияние Англии и Австро-Венгрии, одновременно пыталась нейтрализовать и русских, интригуя с Польшей, Швецией и Турцией, выстраивая так называемый «восточный барьер» против России...

В большой политике не быть всеядным — себе во вред. Ведь и конкуренты не дремали — мимикрировали и интриговали. Геополитик Карл Хаузхофер, порекомендовавший к заключению германо-советский пакт 1939 года, в своих планируемых конгломератах «большого пространства» не оставлял места Британской империи. Вот и подсутились на опережение англичане с французами — Мюнхенский сговор 1938 года. Недруги России уцепились за пакт Молотова — Риббентропа, чтобы поставить знак равенства между нацистским режимом и советским. Помалкивают Польша, получившая по нему Силезию, почти треть своей территории, и Литва — свою столицу Вильно. В действительности же пакт 1939 года является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век. Не потому ли его и демонизируют? Ведь Британия подталкивала Гитлера именно на Восток. Секретные переговоры Дж. Саймона, министра иностранных дел Великобритании, с Гитлером в Берлине в марте 1935 года стали достоянием советской разведки. На вопрос Риббентропа об Австрии Саймон прямо санкционировал аншлюс, заявив: «Правительство Ее Величества не будет беспокоиться об Австрии так же, как, например, о Бельгии, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Гитлер поблагодарил Британию за ее «великодушную позицию».

«Большая игра» политиканов. То Англию озадачат связкой Берлин-Москва-Токио («Судный день англосаксонского мира наступит тогда, когда Германия, Россия и Япония объединятся» — сказал геополитик Гомер Ли), или путинским планом «Великая Европа от Лиссабона до Владивостока», или российско-франко-германской встречей в Довиле, или проектом Жана Тириара «Евросоветская империя от Владивостока до Дублина»... Или подогрев извне немцами сепаратистских тенденций (независимость индусов, арабов, персов...) ускорил антибританское национально-освободительное движение. И Лондон не отстает: он превентивно ударен и адекватно ответен — вспенивает межэтнические столкновения у геополитических конкурентов: зеленое знамя «Великой Черкесии» — этот флаг (три перекрещенных стрелы под двенадцатью звездами на зеленом поле) был придуман британским резидентом Дэвидом Урквартом в 1836 году для черкесов как символ объединения племен в войне против России. Или еще: тяга Германии к Англии как союзнику («Main Kampf»: «Мы могли найти в Европе только одного союзника: Англию. Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход...») — не помеха адмиралу Канарису (этот «хитроумный грек» симпатизировал стратегии Британии) энергично оплетать Британские острова шпионской сетью.

Еще пример: Хаузхофер силится создать континентальный евроазиатский союз — Испании Франко, Италии Муссолини, Франции Виши, Германии, России и Японии против Британской империи... А в «тылу» начинающий деструктивно для англичан орудовать германо-российские стратегические интересы. Пока Герберт — двоюродный брат Геринга (один из руководителей германской индустрии) обсуждает с доверенным лицом Сталина Д. Канделаки (торгпред СССР в Германии) в обход советского посольства вопросы поставок в Германию сырья и намерение Москвы получить у Берлина кредит, сам Геринг подумывает заключить мир с Англией и выступить против СССР.

22 июля 1940 года Черчилль дал поручение Управлению специальных операций «разжечь пожар в Европе» — стало быть, на восточно-российском азиатском континенте. Германцы же провоцировали вооруженный конфликт между Англией и СССР — в 1940 году подбив итальянцев запустить в оборот (радиостанция «Гималаи») пропагандистскую утку о якобы скором советском наступлении на Афганистан и Индию. И англичане выступали в том же ключе: зная, как в Кабуле обеспокоены перспективами совместных действий СССР и Третьего рейха по реставрации режима Амануиллы-хана, Лондон умышленно подогревал эти страхи официального Кабула, передавая ему разведывательную информацию об активизации сторонников Амануиллы-хана в Европе. Дезинформация порой срабатывала: истерия по поводу советской угрозы побудила британцев начать эвакуацию из центра северо-западного района Британской Индии города Пешавара части населения и некоторых правительственных учреждений...

Но нет дыма без огня: Германии нужно было «прищемить хвост британской лисе»: потеснить Англию в Средиземноморье и на Ближнем Востоке — чтобы затем пройти через Балканы, Ближний Восток, Турцию и Иран в Афганистан и, преодолев Гиндукуш, вторгнуться в Индию — для соединения наступающих частей вермахта с передовыми японскими частями на восточных границах Индии.

Многовекторная политика — это когда одним махом осуществляется комплекс задач: зондаж стратегических намерений страны, с попутным выжиманием для себя торгово-экономической выгоды и политических дивидендов — аккуратно вдалбливая в сознание противника нужные манипулятору вещи...

Геополитика этически иезуитна — «все средства хороши для достижения цели». Не мир, а маска миролюбия для достижения собственной победы разными стратегиями и тактическими ухищрениями. Прошлую мировую войну «развязала и вела сражения ее величество геополитика, а она мыслит категориями исторических эпох, планетарных пространств, мировых цивилизаций» — прав Л.Ивашов. И СССР повезло: Запад был разобщен, поскольку «базировался на двух противостоящих культурно-цивилизационных матрицах: романо-германской и англо-саксонской. К тому же шла скрытая борьба между США и Англией за лидерство в мировой океанской зоне и острейшая борьба между Германией и Францией в Европе». Идеальна бескровная война. Еще Сунь Цзы говорил, что лучше покорить страну, не сражаясь. Подчеркиваю: для этого нужно побудить противника на неверный самоубийственный шаг, или «перезарядить» в противнике индикатор знакового распознавания «свой — чужой», внушить свое желаемое (оккупанта) за его исконно вынашиваемое (жертвы), сдачу своих национальных интересов обернуть прогрессистским «концом геополитики» и обоюдной выгодой практики договор-партнерства... Как декларировали США на встрече в Кремле. Как и США, Германия в свое время тоже на словах якобы «отказывалась» от гегемонии и глобализма — на деле, чтобы выровнять фронты геополитических схваток — экспортной стороной вывески для мира осуществить «практику Бисмарка»: уравновесить силы между державами по диагонали Рейкьявик — Веллингтон... — ЕДИНУЮ ЕВРОПУ ВО ГЛАВЕ С ГЕРМАНСКИМ ГЕГЕМОНОМ.

Все это комбинации трех китов геополитического доктринерства: конкуренции, доминирования, кооперации. Для минимизации соперничества Маккиндер предлагал консолидироваться евроазиатскому приморью — чтобы уравновесить мощь хартленда, России (1904). У евразийцев П. Савицкого и Н. Трубецкого другой контекст кооперации — как соединения взаимодополнительных хозяйственных потенциалов и образов жизни.

«Левиафановцам» удалось схлестнуть неприятелей «в квадрате»: англосаксонов и межсобойно враждующих — Германию и СССР. Американская бизнес-элита на встрече с президентом Гувером в центре Рассела в 1929 году заявила: «Приближается кризис, попытаться избежать трудного положения, в котором могут оказаться США, можно лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России, чтобы она окончательно избавилась от разрухи — последствий гражданской войны, и помочь Германии избавиться от тисков Версальского договора». «Но на это нужны деньги, — возразил Гувер, — несколько миллиардов. Да и для чего нам это нужно, что будет потом?» «А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались только один на один с оставшимся из этих противников»...

Так и случилось. В результате войны Англия «направляющим клювом» прищпорилась к геополитической колеснице США — главным партнером, формирует и коррелирует общеконгломератную геостратегию. При этом используя альянсы с другими по интересам. Ее устраивает евро-франкоцентризм Николя Саркози — застрельщика бомбометания «по Каддафи», инициативы Парижа по военно-экономической кооперации Европы, по посредничеству в нефтеобеспечении евронужд (желательно без России). Поскольку Николя Саркози удалось убедить Евросоюз в правильности создания Средиземноморского союза, скептики-конспиратологи решили, что Саркози начал успешное воплощение плана США по развалу ЕС, частью которого было и признание Косово... Впрочем, в глазах англосаксов Франция — хотя и наиболее сильный и энергичный представитель «латинской расы», но «неумолимо сползает вниз по пятам Испании».

Полагаю: у Франции — своя игра. Что не исключает попыток мировых игроков в случае образования этого альянса использовать по полной программе наднациональный политический орган — Совет Средиземноморья (наподобие Совета Европы) и Средиземноморский инвестиционный банк (аналог Европейского инвестиционного банка). С позиции организации больших единоподчиняемых пространств, европейцам опасно для единства наций континента (27 стран окунутся в неизвестное: Меркель уговорила Саркози открыть союз для всех), но профитно для прагматически-материальных выгод присоединить к себе тем или иным способом страны, которые лежат на другом берегу Средиземного моря, тем самым превратив его во внутреннее европейское море, вокруг которого будут находиться союзники Европы.

Повторяю: на исходе Второй мировой войны состоялась флагманизация монетарно-делового общепанглоамериканского дела — своего рода «раздел продукции» на интеллектуальные услуги и военно-кулачную мощь. Как Ллойд Джорджу в 1918 году в Версале, Черчиллю удалось сохранить британскую геополитику в Ялтинско-Потсдамском миропорядке имени Рузвельта —

Сталина. В статье «Функциональные роли Великобритании и США в процессах глобализации» экономист А. Кузнецов доказывает ключевую роль Великобритании в эволюции англосаксонской модели доминирования и раскрывает факторы, указывающие на зависимое положение США в сфере управления глобальными процессами на современном этапе. Обосновывается тезис, что *глобализация — это не создание равноправных условий для сосуществования различных цивилизаций, а подчинение всех существующих цивилизаций англосаксонской*. Формально неимперская Англия не отказалась от идеи цивилизаторского миссионерства, а только медленно и незаметно для всего остального мира поменялась с США функциональными ролями, осуществив тем самым «перезагрузку» стратегии англосаксонской экспансии. Черчилль — проамериканизатор Европы, поборник создания «Соединенных Штатов Европы».

Лондон и Вашингтон намеревались создать общее англо-американское гражданство, скрепив, таким образом, великую империю англосаксов. Динамика политических реалий сместила центр истории от «срединной земли» к «срединному океану», омывающему берега стран Антантики. США, «воздействуя на европейский баланс не прямо, а через Россию, строят Панамский канал для того, чтобы соединить свои Миссисипи и атлантические ресурсы с Тихим океаном. С этой точки зрения реальный раздел между востоком и западом будет найден на Атлантическом океане».

Геополитик Николас Спайкмен в работе «Американская стратегия в мировой политике» (1942) провозглашает «Атлантическое сообщество» центром американо-центричного мира. США, простирающиеся от Атлантического до Тихого океана и контролирующие Европу и Азию, образуют Атлантический пояс безопасности, нервным центром которого является Нью-Йорк и побережье. Если Великобритания — «американский авианосец», то Франция — «аэродром подскока» — на подхвате на случай, если Европа всерьез попытается стать независимой... Победенную Германию хотели было наказать по полной — «планом Morgентау» — расчленением, превращением в аграрную деградирующую страну. Однако потребность в кордоне против «железного занавеса» послужила решению заменить Morgентау на Маршала — план превращения Германии (как никак — «тевтонские кузены» англосаксов!) в мощного военного союзника. Но для подстраховки, как сказано в мемуарах бывшего начальника военной контрразведки бундесвера генерала Камоса «Секретные игры тайных служб», Германию в 1949 году США связали по рукам и ногам соглашением «Канцлер-акт», по которому каждый новый канцлер должен сразу после выборов приехать в США и подписаться под этим секретным обязательством, срок действия которого — 2099 год. Останется ли к этому времени немец германцем? Так что и Германия, и Россия — подконтрольны... А евро-постсоветское пространство «ухажено»: на нем проамерикански сателлитят и лимитрофят младо-демократии.

Дефект конструкции протупающей новой цивилизации — чреватость грабильным резонансом, наоборотным повтором «мировой революции». Поскольку главная цель внешней политики США — глобальная демократизация по американскому образцу. Политика инспирирования «мировой демократической революции» пагубна, в том числе и для самих Штатов. Это чув-

ствуует американский президент Барак Обама, заявивший 23 сентября 2009 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Ни одной стране демократия не может быть навязана извне. Каждое общество должно искать свой путь, и ни один не совершенен. Каждая страна пойдет по пути, который зиждется на культуре ее народа и традициях прошлого. И я признаю, что Америка слишком часто была небеспристрастна в стремлении навязать демократию».

Впервые в истории российско-американских отношений в структуре двусторонней американо-российской президентской комиссии (комиссия Макфола-Суркова) был создан орган по вопросам гражданского общества, в рамках которого стороны могут обсудить свои идеологические разногласия. Эта рабочая группа была задумана как «диалог равных» — вместо того, чтобы стать судилищем над «медленно реформирующейся» Россией. Сергей Лавров и его коллега Уильям Хейг для разморозки дипотношений между двумя странами срочно изобретают микроволновку. Но не сон ли это герра Вертлиба в летнюю французскую ночь? XIX-вековой «Kaiser dreams» (геополитические грезы о России как о снежной пустыне «на мшистых топких берегах») пророчески пробудил-таки Россию в державно-атрибутную Империю, с безвраждебностью к миру, но не к войне против себя самой. Это не фиговый гламур постиконфронтационного мира, а единственная реальность сохранить планету для жизни — путем добровольного отказа от насильственного экспорта счастья — будь то пожаром коммунистической революции или «маршем свободы» либерал-экстремизма — БОЛЬШЕВИЗМА-АНТИКОММУНИЗМА.

Конечно, здесь не истина в последней инстанции. Как говорит редактор мюнхенского журнала «Slavic-Europe» Вячеслав Ручин, «можно спорить и дискутировать по поводу отдельных мыслей (например, о миссии христианства вообще и православия, в частности; я считаю, что Бог есть, но христианская Библия — брехливая выдумка политтехнологов, что Религию нужно заменять Философией, что нет отдельных Богов для русских, для мусульман, иудеев, китайцев... что Бог ОДИН для ВСЕХ... а посему, и Философия Бога (мироздания) должна быть общей, так же, как не существует отдельной физики для мусульман (или для русских); Физика — наука о Природе (т. е. о Боге и его законах творения). При этом у меня нет сомнения, что в главном ты прав: идет столкновение Цивилизаций (при этом Запад хочет, минимум, подмять, а лучше уничтожить нашу, восточно-славянскую цивилизацию)».

К сожалению, прекрасный путь для всех земель — построение Содружества Цивилизаций — почти исключается из сегодняшних процессов.

Сергей ОЗНОБИЩЕВ

ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗЪЯДЕРНОГО МИРА

*О совместном проекте ИМЭМО РАН
и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы»*

Предлагавшийся Михаилом Горбачевым в середине 1980-х годов динамичный поэтапный план перехода к безъядерному миру не состоялся. Он не имел шансов на успех, поскольку намного опередил свое время. После этого фактически более чем на двадцать лет, наполненных сложными и подчас опасными поворотами в мировых делах, эти предложения были забыты.

Ренессанс идеи ядерного разоружения начался со знаменитой статьи четырех известных американских политиков¹. Они призвали вернуться к высказывавшимся ранее идеям перехода к миру без ядерного оружия и прийти к согласию относительно практических шагов, которые «привели бы к существенному сокращению ядерной опасности».

В России такая перспектива получила поддержку в статье четырех именитых авторов — Е. Примакова, И. Иванова, Е. Велихова и М. Моисеева. Ими был сделан акцент на ключевом аспекте, что «мир без ядерного оружия... это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие... Поэтому реализация идеи ядерного разоружения, которая должна оставаться стратегической целью, возможна лишь в контексте глубокой реорганизации всей международной системы»².

Это ключевое положение, которое часто упускается политиками и экспертами, рассуждающими на тему безъядерного мира.

Крайне важно, что по этой идее было достигнуто согласие между президентами России и США. В Совместном заявлении Дмитрия Медведева и Барака Обамы в ходе саммита в Лондоне (1 апреля 2009 года) было заявлено о приверженности двух стран «цели достижения мира, свободного от ядерного оружия»³. Очевидно, однако, что без серьезной экспертной проработки всего ком-

¹ См.: *Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S.* A World Free of Nuclear Weapons // *The Wall Street Journal*. January 4. 2007.

² *Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М.* От ядерного сдерживания к общей безопасности // *Известия*. 15.10.2010.

³ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы. Лондон, 1 апреля 2009 года. — URL: <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml>

плекса проблем, которые лежат на этом пути, продвигаться к данной цели будет просто невозможно.

Анализ проблем перехода к глубокому ядерному разоружению и к миру без ядерного оружия лег в основу совместного проекта Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН)⁴ и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» («Nuclear Threat Initiative, Inc» — NTI)⁵, начатого в 2010 году. Авторы проекта считают, что первоочередной задачей на этом пути должен стать отход от опоры на ядерное сдерживание — как основы обеспечения безопасности. В предлагаемой статье приводятся основные выводы проекта, в ходе которого, в основном на базе ИМЭМО РАН, проведено девять конференций (часть из них — международные), издано шесть брошюр на русском и английском языках. Готовится к изданию книга, которая также выйдет на двух языках.

Несмотря на то, что холодная война, а вместе с ней и ядерное противостояние закончились более двадцати лет назад, ядерное сдерживание занимает прочное место в документах по национальной безопасности стран — обладательниц ядерного оружия и их военно-политических объединений, а также определяет их развернутые ядерные силы и программы вооружений. Тем не менее, очевидно, что ядерное сдерживание становится все большим анахронизмом в эпоху провозглашения партнерства между Россией и странами Запада и в свете появления новых общих вызовов и угроз, требующих сотрудничества великих держав в обеспечении международной безопасности.

Ядерное сдерживание и заключенная в нем имманентная угроза ядерной войны могут быть полностью устранены только путем окончательного ядерного разоружения. Однако это дело далекого будущего, человечеству предстоит жить с ядерным оружием много десятилетий. Между тем уже в ближайшее время, как считают авторы проекта, можно наметить целый ряд мер и начать действовать в направлении значительного уменьшения опоры на ядерное сдерживание, его глубокой трансформации и снижения вероятности ядерной войны к абсолютному минимуму.

Стратегическая стабильность после холодной войны. В нынешних радикально изменившихся военно-политических условиях — в эпоху глобализации и взаимо-

⁴ Проект осуществляется под общим руководством академика-секретаря Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, директора ИМЭМО РАН, академика А. А. Дынкина. Проект ведут: профессор В. З. Дворкин (руководитель проекта) — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН; академик А. Г. Арбатов — руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; С. К. Ознобицев — заведующий сектором ИМЭМО РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

⁵ Сопредседателями фонда являются С. Нанн и Т. Тернер. Тэд Тернер — видный представитель бизнес-сообщества и активный международный общественный деятель в сфере ядерного разоружения и безопасности. Бывший сенатор от Демократической партии Сэм Нанн известен во всем мире как политик конструктивной и реалистической направленности и сторонник сотрудничества США и России в сфере международной безопасности. В 1980-е годы сенатор С. Нанн сыграл ключевую роль в свертывании рейгановской программы «Стратегическая оборонная инициатива», доказав в Конгрессе, что она противоречила Договору по ПРО. В 1990-е годы он был одним из инициаторов программы Нанна-Лугара по сотрудничеству США и России в безопасном обращении с ядерными боеприпасами и ядерными отходами, утилизации атомных подводных лодок и ликвидации химического оружия.

зависимости государств, в свете новых угроз и дестабилизирующих факторов, следует констатировать значительное расширение представления о стратегической стабильности по сравнению с традиционными взглядами периода холодной войны. В связи с этим, как полагают авторы проекта, содержание стратегической стабильности сейчас и на перспективу требует значительной корректировки.

Во-первых, гарантия взаимной способности ответного удара, оставаясь в центре стабильности, может впредь предполагать существенно пониженные критерии нанесения ущерба и менее жесткие требования к условиям выполнения этой задачи. Такая обоюдная способность не требует равенства во всех формах традиционно планируемых ядерных ударов. Достаточно будет примерного баланса по боезарядам остающихся боеготовых средств в качестве «страхового полиса» безопасности. Концепция примерного равенства потенциалов сторон по способности нанесения контрсилового, ответно-встречного и ответного удара может быть упразднена по мере отказа сторон от таких оперативных концепций и средств их осуществления.

Во-вторых, двусторонний баланс стратегических сил по мере снижения стратегических ядерных сил (СЯС) России и США до уровня порядка 1000 боезарядов будет обретать многосторонний характер и потребует подключения в той или иной форме третьих ядерных держав, а затем и государств, стоящих вне Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

В-третьих, важнейшим фактором, влияющим на стабильность, становятся темпы распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и его носителей. Соответственно, «подпорками» конструкции стабильности должны быть меры укрепления режимов ДНЯО и контроля над распространением ракет и ракетных технологий.

В-четвертых, распространение ядерного оружия и его носителей ставит серьезнейшую и крайне трудную задачу интеграции в контексте стратегической стабильности совместных систем средств предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и ПРО (сначала ПРО театра военных действий — ТВД, а затем и стратегической ПРО). Не менее сложная задача состоит в подключении к этим системам союзников и партнеров великих держав и ответственных нейтральных государств.

В-пятых, необходимо добиться совместимости стратегической стабильности и развития ведущими государствами неядерных ВТО большой дальности для использования в локальных конфликтах.

В-шестых, нужно предотвратить создание космических вооружений, которое в корне подрвет стабильность.

Для того чтобы отношение к ядерному разоружению в России изменилось к лучшему, США необходимо убедительно продемонстрировать не на декларативном уровне, а реальными шагами в своей военной и ядерной политике, что они рассматривают ядерное разоружение как средство укрепления международной безопасности, а не как способ увеличения своего превосходства в новейших военных технологиях и системах (ПРО, ВТО, космос, СОН и пр.)

Перспективы трансформации ядерного сдерживания. Анализ и разработку этой тематики в проекте было отведено значительное место. Отход от унаследованных со времен холодной войны опоры на ядерное сдерживание и

его доктринальное обоснование является первостепенной задачей на пути к ядерному разоружению. В настоящее время, спустя более двадцати лет после окончания холодной войны, есть серьезные основания для взаимной глубокой корректировки концепции ядерного сдерживания, во всяком случае, в отношениях великих держав и возглавляемых ими союзов.

Трансформация ядерного сдерживания может идти по пути взаимного отказа сначала от концепций и сил первого (контрсилового) удара — через сокращение ядерных вооружений при укреплении стратегической стабильности, которая и предполагает устранение стимулов и возможностей первого удара. В качестве следующего шага России и США следует договориться об отказе от планирования ответно-встречных ударов по информации, от систем предупреждения о ракетном нападении.

Понижение готовности к запуску должно представлять собой не сугубо символический акт, а согласованные организационно-технические и проверяемые мероприятия снижения уровня напряженности и влияния дестабилизирующих факторов. Главный принцип, который должен соблюдаться в процессе контролируемого взаимного понижения готовности, СЯС состоит в том, что контрсилового потенциал сторон должен снижаться опережающим образом по отношению к уменьшению готовности стратегических сил к применению в ответном ударе.

Создание многостороннего режима транспарентности может в существенной степени способствовать трансформации ядерного сдерживания. К числу наиболее значимых мер многостороннего режима транспарентности следует, как представляется, отнести следующие: обеспечение открытости ядерных доктрин, обеспечение прозрачности ядерных потенциалов, предварительное уведомление участников режима транспарентности об определенных видах деятельности ядерных сил, наблюдение за определенными видами деятельности ядерных сил, взаимные проверки соблюдения участниками многостороннего режима транспарентности.

Сотрудничество России с США и НАТО в сфере противоракетной обороны (ПРО) может стать одним из важнейших направлений трансформации взаимного ядерного сдерживания и предотвращения новых «противоракетных кризисов» в отношениях России и Запада. При этом, разумеется, обе стороны должны стремиться к такой трансформации, что, к сожалению, пока не нашло своего отражения в практической политике США и России.

Для продвижения в развитии совместной ПРО необходимо переформатировать диалог по этому вопросу и обсуждать не участие России в программе ПРО НАТО, а вопросы совместимости российской военно-космической обороны (ВКО) и поэтапный адаптивный план развертывания (ПАП) ПРО в Европе США/НАТО. Это предполагает как адаптацию программы НАТО, так и существенное изменение ВКО и ее переориентацию на угрозы третьих стран, что требует соглашений, которые устранили бы воспринимаемую Россией опасность «воздушно-космического нападения» США.

Современные ядерные доктрины и их противоречия. Основными документами, декларирующими сдерживание, являются ядерные доктрины государств. В Соединенных Штатах, согласно их последней доктрине, роль ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзни-

ков и партнеров. При этом Вашингтон, как утверждается, будет рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов своей страны, союзников и партнеров. Задача сдерживания нападения с использованием сил общего назначения или других видов ОМУ практически снята, хотя и с оговорками. Это обязательство, однако, не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО, что, по-видимому, подразумевает союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи для их защиты от КНДР. В этом контексте США сохраняют вариант ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов ОМУ.

Тем не менее, учитывая особое геостратегическое положение США и их превосходство над другими державами по всему диапазону вооруженных сил и вооружений (обычных и ядерных), новая американская ядерная доктрина, как представляется, могла бы пойти дальше. Например, заявить о неприменении ЯО первыми против всех ядерных держав — членов ДНЯО, о готовности, на определенных условиях, вывести свои ядерные средства из Европы, о снижении уровня готовности своих СЯС к применению (включая масштаб боевого дежурства ракетных подводных лодок в море), о стремлении снять озабоченности других держав в связи с развитием американских систем ПРО, высокоточных обычных вооружений большей дальности, космических систем, средств «быстрого глобального удара».

Российская военная доктрина также во главу угла ставит принцип сдерживания и предотвращения военных конфликтов. Исходя из ее положений можно сделать вывод, что, во-первых, ядерные силы России предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, — для первого ядерного удара в ответ на нападение на РФ и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, — для первого ядерного удара в условиях неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, адресовано угрозам, проистекающим от превосходства расширившейся НАТО по силам общего назначения и высокоточным обычным вооружениям, а также вероятным опасностям меняющейся не в пользу РФ стратегической ситуации на Востоке.

О восприятии взаимной угрозы. Провозглашенные российским политическим руководством новые принципы и направления внешней политики (глобализация и взаимозависимость, партнерство для модернизации, перезагрузка отношений, путь к безъядерному миру и пр.) вступают в очевидное противоречие с негласными политическими предпосылками российской военной доктрины и военной политики, включая государственную программу вооружений. Российская военная мысль продолжает исходить из презумпции сохранения США и их союзников в качестве основного вероятного противника России и наличия имманентно агрессивных намерений у этого вероятного противника.

В высших эшелонах российского военного ведомства, оборонно-промышленного комплекса и среди большей части экспертного сообщества России

сложилось устойчивое представление о новой и растущей военной угрозе со стороны США и их союзников в виде крылатых и баллистических ракет в неядерном снаряжении, которые рассматриваются в качестве средств возможного нападения на Россию, включая разоружающий (контрсиловой) удар по ее СЯС, СПРН и центрам боевого управления.

Тем не менее, объективный анализ свидетельствует, что высокоточное обычное оружие (ВТО) не может сравниться с ядерным оружием при ударе по ключевым высокочащенным или мобильным военным целям, не говоря уже об административно-промышленных центрах. Кроме того, решившись на массированный контрсиловой удар, гипотетический агрессор заведомо свяжет себе руки применением только обычного оружия и сознательно пойдет на риск получения намного более мощного ядерного возмездия, чем было бы в случае первого разоружающего удара с применением ЯО.

Остается, однако, фактом, что американский потенциал ВТО представляет определенную военно-стратегическую проблему для России. Пока у нее есть внушительные средства ядерного сдерживания, прямую военную угрозу массированного применения ВТО против РФ не следует преувеличивать (как и возможность планируемых американских систем ПРО перехватить ответный ядерный удар). Именно на поддержание оптимального потенциала сдерживания нужно направлять ограниченные оборонные ассигнования РФ, а не на развитие эшелонированной системы ПВО для отражения мифических угроз.

Вместе с тем развертывание высокоточного неядерного оружия большой дальности будет создавать трудности и для ядерного разоружения, и для сотрудничества держав в сфере безопасности.

При наличии политической воли сторон проблемы, порождаемые системами ВТО, могут быть сняты или уменьшены различными договорно-правовыми путями. В частности, речь может идти о запрете базирования ударной авиации (в дополнение к неразмещению ядерного оружия) на территории государств — новых членов НАТО. Аналогичные обязательства могут быть приняты Россией в отношении ее союзников по ОДКБ и СНГ, вероятных новых партнеров на других континентах.

Угроза ПЛАРБ «Огайо» с КРМБ может быть существенно ослаблена при их базировании только на западном побережье США (из Тихого и Индийского океанов они не перекрывают по своей дальности основную часть баз российских МБР, а выход в Арктику сопряжен с оперативными трудностями).

В рамках последующих переговоров по СНВ Россия может поставить вопрос о введении ограничений на переоборудование ПЛАРБ и ТВ под крылатые ракеты в неядерном оснащении, оставив для этого многоцелевые подводные лодки, надводные корабли и тактическую ударную авиацию.

Полезны были бы также меры доверия в виде обменов информацией о практике размещения ВТО на кораблях, подводных лодках и авиации, оперативных принципах их развертывания и применения в локальных конфликтах, обмена визитами и наблюдателями в ходе учений, а в перспективе — совместные учения ВВС и флотов в отработке операций контрраспространения, принуждения к миру, борьбы с терроризмом и пиратством.

Более далеко идущая мера — ограничение районов патрулирования подводных лодок-носителей крылатых ракет с тем, чтобы предотвратить возмож-

ность развертывания значительной части подводных лодок США вблизи территории РФ и наоборот.

Представляется, что США, которые создали обсуждаемую проблему, должны проявить инициативу и предложить меры ограничения вооружений, меры доверия и сотрудничества по ВТО, чтобы обеспечить поддержку Российской курса на ядерное разоружение и нераспространение. Такие решения могут быть согласованы в контексте следующего этапа переговоров по сокращению СНВ или параллельно с ним.

О сложностях и препятствиях на пути дальнейшего «контроля над вооружениями». Возрождение идеи ядерного разоружения и продвижение в сокращении СЯС неизбежно поднимет вопрос о *тактическом ядерном оружии* (ТЯО). Узвзка Россией этого вопроса с прекращением расширения НАТО на Восток и продвижением по Договору об обычных вооруженных силах (-ДОВСЕ) вполне обоснована и может стать дополнительным средством достижения этих двух целей.

Применительно к ТЯО можно было бы договориться, в качестве первого шага, о перемещении всех тактических ядерных средств с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения (фактически в резерв). Для этого вначале нужно было бы обменяться информацией об имеющихся средствах такого класса на базах ВВС и флота.

Продвижение по пути к дальнейшим сокращениям ядерных вооружений и укреплению стратегической стабильности будет все сложнее осуществлять без сокращений обычных вооруженных сил. «Подвешенный» процесс ДОВСЕ и российский мораторий на выполнение Договора мешают процессу контроля над вооружениями и построению отношений доверия. Дополнительным негативным фактором для поиска развязок на этом направлении стало заявление Вашингтона о приостановлении выполнения части обязательств перед Россией в рамках Договора.

Однако без выхода на продолжение процесса ограничения обычных вооружений в Европе будут невозможны и эффективные шаги на пути дальнейшего контроля над вооружениями в ядерной области. Значимость стабильности и доверия в области обычных вооружений будет возрастать по мере приближения к более низким потолкам ядерных вооружений.

В качестве варианта выхода из создавшейся ситуации представляется целесообразным взять за основу российское предложение относительно временного применения адаптированного Договора. В отношении фланговых ограничений, наряду с возможностью их полного упразднения, перспективным может быть увеличение этих подуровней с одновременным обеспечением большей транспарентности с российской стороны.

Суверенитет Абхазии и Южной Осетии является несомненным препятствием для следующих шагов по ДОВСЕ. Однако здесь нельзя полностью исключать технического решения, когда вопрос о российских базах на территории двух республик будет «выведен за скобки» договоренности и по нему будет принят отдельный документ, регламентирующий статус этих баз.

Первым шагом возрождения процесса ДОВСЕ могло бы стать восстановление режима транспарентности всей зоны применения Договора. В перспекти-

ве, следует иметь в виду начало переговоров о достижении нового договора, который будет включать более широкий круг участников и предусматривать более глубокое сокращение вооруженных сил и военной техники, а также большую транспарентность.

Новой ареной гонки вооружений и возможного применения силы может стать уже в ближайшем будущем космос, ввиду его растущего военного и мирного значения. США, Россия и Китай способны в обозримой перспективе реализовать создававшийся на протяжении долгого времени потенциал милитаризации космического пространства. Безусловным лидером здесь являются США, которые располагают разнообразным арсеналом новейших космических технологий и научно-техническим заделом для создания и, возможно, принятия на вооружение в период после 2010 года отдельных образцов противоспутниковых систем наземного (стационарного, подвижного) и морского базирования.

Внесение 12 февраля 2008 года на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве российско-китайского проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов принесло некоторые положительные результаты, но только в политико-пропагандистском ключе, а не в плане практического разоружения.

Следует наращивать усилия на этом направлении. В качестве выбора предмета переговоров целесообразно отойти, во всяком случае, на первом этапе, как от позиций СССР в 80-е годы, так и от недавних предложений России и Китая в Женеве. Следует сузить предмет переговоров и не пытаться запретить все системы класса «земля-космос» и класса «космос-земля» и «космос-космос», технические свойства которых неясны, равно как неясны и возможности контроля подобных соглашений.

Вместо запрещения на развертывание — способом косвенного решения этой задачи могла бы стать первоначальная договоренность о запрете на испытания любых противоспутниковых систем и космических ударных средств ПРО против реальных мишеней в космосе с разрушением таких объектов (то есть против КА и головных частей и элементов баллистических ракет на траекториях полета).

В качестве первого шага на пути к разработке международных соглашений, предотвращающих вооружение космического пространства, может послужить скорейшее принятие Кодекса поведения государств в космической деятельности, в котором государства на добровольной основе присоединились бы к общим принципам мирного и кооперативного использования космоса.

Значение европейской и иных региональных направлений сокращения и ограничения вооружений для целей дальнейшего эффективного процесса разоружения будет велико. Важным элементом здесь является нормализация отношений *Россия–НАТО*, их переход в стабильное русло сотрудничества и партнерства.

Логика строительства «особых отношений» между Россией и НАТО в конечном итоге должна быть ориентирована на их стратегическое партнерство и даже на союз России и НАТО в долгосрочной перспективе. Проработка механизма деталей этого процесса может быть начата уже сейчас в рамках специально созданной совместной экспертной группы.

Важной для России темой обсуждения остается создание новой архитектуры европейской безопасности, предложенной российским президентом в 2008 году. Даже само начало предметного диалога по обсуждению основных содержательных компонентов такой системы может самым благотворным образом воздействовать на улучшение отношений между Россией и НАТО (а в более широком контексте, и с Западом в целом), создать условия для ускорения процесса сокращения и ограничения стратегических ядерных вооружений, дальнейшего глубокого ядерного разоружения.

Дефицит доверия и взаимопонимания, уходящий корнями во времена холодной войны, не позволяет выйти на необходимый уровень панъевропейского диалога по проблемам безопасности. Продолжает повышаться «градус напряженности» вокруг проблемы ЕвроПРО. Как оказалось, предложения администрации президента Обамы по созданию американской ПРО ТВД в Европе и их интерпретация в реальной политике США и НАТО не устранили, а лишь отложили «противоракетный кризис» в отношениях Москвы и Вашингтона.

Разрядке напряженности в этом вопросе могла бы послужить совместная оценка ракетных угроз. Сотрудничество в разработке и развертывании систем ПРО США–ЕС–России должны заменить односторонние действия США и их союзников в этой сфере. Двустороннее и многостороннее сотрудничество в области ПРО способно создать необходимый материальный фундамент для построения отношений прочного взаимодействия России и Запада, гораздо в меньшей степени, чем сейчас, подверженного политическим кризисам.

Первым шагом на этом пути могло бы стать возрождение проекта Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей. Параллельно с этим следует возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих учений за пределы театра военных действий и на полигоны.

Следующим этапом могла бы стать интеграция систем предупреждения о ракетном нападении России и США, что способно существенно повысить эффективность обнаружения пусков ракет. В дальнейшем был бы возможен переход к более глубокому сотрудничеству с целью развертывания низкоорбитальной космической информационной системы глобальной ПРО, космические аппараты которой могут быть выведены на орбиты с требуемой высотой и наклоном конверсионными «тяжелыми» ракетами по российско-украинскому проекту «Днепр». Другим важнейшим параллельным направлением военно-политического сотрудничества, выходящим далеко за рамки традиционного ограничения вооружений, могло бы стать совмещение систем обнаружения, сопровождения и перехвата противовоздушной обороны НАТО и ОДКБ.

В то же время, ставить прогресс в ряде основных аспектов сокращения и ограничения вооружений в зависимость от согласия по совместной ПРО — означает загонять переговоры по всем вопросам в тупик. Прогресс на пути взаимодействия в области ПРО невозможен без последовательных решений всего круга проблем, которые определяют направленность военных курсов держав друг против друга.

Поэтому необходимо вести дело к соглашениям параллельно по нескольким направлениям: новый договор СНВ, ограничение стратегических воору-

жений в обычном оснащении, совместимость ВКО и ПАП ПРО, ограничение тактического ядерного оружия, возрождение системы и режима ДОВСЕ.

Если бы руководители России и США до выборов 2012 года осознали эту диалектическую взаимозависимость и выступили с совместным документом о необходимости «многоканального» продвижения в трансформации взаимного ядерного сдерживания — то это, наряду с Пражским Договором СНВ, стало бы их крупным вкладом в укрепление взаимной безопасности, создало бы задел для продолжения этой линии следующими администрациями.

По мере продвижения по этому пути все более необходимой составляющей будет становиться *подключение «третьих» ядерных государств* к возможным дальнейшим российско-американским переговорам по сокращению ядерных сил. Пока прямое участие их в переговорах и соглашениях представляется проблематичным. В достаточной мере не проработаны стимулы и идеология вовлечения этих стран в данный процесс.

Однако было бы полезно, чтобы «третьи» ядерные государства предприняли добровольные меры по ограничению своих ядерных сил, как это уже было сделано Великобританией и Францией, в одностороннем порядке существенно сократившими ядерные арсеналы. При наличии определенных стимулов, Китай со своей стороны мог бы добровольно пойти на меры ограничения и увеличения транспарентности своих ядерных сил.

Проведенный авторами проекта анализ привел к выводу о наличии часто непрямой, но очевидно прослеживаемой взаимосвязи ограничения и сокращения вооружений и нераспространения. Многолетний застой в процессе ядерного разоружения привел к *провалу попыток упрочения ДНЯО и режимов ядерного нераспространения.*

Можно с достаточными основаниями утверждать, что следующий этап распространения, если он наберет инерцию, не просто повлечет экспоненциальный рост угрозы применения ядерного оружия, но, в силу слияния многочисленных факторов риска, сделает использование ЯО в обозримой перспективе практически неизбежным.

Сокращение и ограничение вооружений в контексте построения безъядерного мира. В обозримый период времени, наряду с упомянутыми выше, в конкретном плане можно рассматривать решение ряда задач: воплощение в жизнь нового Договора о СНВ; начало переговоров о дальнейшем сокращении ядерных вооружений РФ и США с учетом сопутствующих проблем (высокоточные обычные средства большой дальности, частично-орбитальные ракетно-космические системы, достратегические ядерные средства и пр.); переговоры о сотрудничестве в создании систем ПРО России и США/НАТО; предоставление «ядерной пятеркой» (или поначалу хотя бы «четверкой») своих предприятий ядерного топливного цикла (в первую очередь, заводов по обогащению урана) для постановки под контроль МАГАТЭ, что могло бы ускорить и переговоры по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) и универсализацию Дополнительного протокола от 1997 года; начало переговоров о Кодексе деятельности в космическом пространстве, а затем о договорах по предотвращению гонки космических вооружений; организация консультаций по многостороннему ядерному диалогу с

целью включения Великобритании, Франции и Китая в систему ограничений СНВ, принятие ряда мер контроля и доверия.

Именно возврат к идее ядерного разоружения как конечной, пусть и отдаленной цели политики ведущих держав придает целенаправленность таким рациональным и перспективным мерам как новый Договор о СНВ и последующее более глубокое сокращение ядерных вооружений. Открывается путь к реализации Договора о запрещении ядерных испытаний и ДЗПРМ, как важнейших соглашений на стыке ядерного разоружения и нераспространения. Становится реальным будущее подключение к процессу третьих ядерных держав и «стран-аутсайдеров» (Индии, Пакистана, Израиля). Получает мощный импульс курс на упрочение ДНЯО и его режимов, решение ядерных вопросов КНДР и Ирана, на интернационализацию ядерного топливного цикла, обеспечение высоких мировых стандартов сохранности ядерных материалов.

Не менее важно, что только в контексте этой политики, и никак иначе, Россия (и другие страны) получит возможность достичь приемлемого для себя решения целого ряда актуальных военно-политических проблем: остановки расширения НАТО на Восток, ограничения стратегических систем ПРО и высокоточных обычных вооружений, предотвращения гонки космических вооружений и ряда других.

Ноха БАКР (Египет)

«АРАБСКАЯ ВЕСНА»: АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА*

С конца 2010 года арабский мир охватили большие перемены. С начала 2011 года произошла целая череда событий. Разразившееся в Тунисе политическое восстание переросло в революцию, вызвав смерть десятков людей и бегство тунисского президента Бена Али. Эффект домино в регионе привел к событиям в Египте, начавшимся вспышкой 25 января 2011 года и завершившимся 11 февраля 2011 года уходом Мубарака с поста египетского президента, а также к распространению революций на Йемен, где президенту Али Бену Салеху пришлось покинуть свой пост, и на Ливию, где драматические кровавые события, широко освещавшиеся в СМИ, обрушили режим Каддафи. Демонстрации оппозиции, бунты, призывы к политическим, экономическим и социальным реформам происходили также в Иордании, Алжире, Бахрейне, где власти предприняли попытки перемен применительно к нуждам людей.

В этой статье рассматриваются причины, приведшие к революциям в арабском мире, и то, в какой мере экономическая, политическая и социальная нетерпимость правителя способствовала вспышкам гнева и направила его развитие; дополнительно выявляются сходства и различия арабских революций с тем, что имело место в Восточной Европе в предыдущем столетии, а в завершение статьи приводятся соображения, каким образом обратить эти вооруженные выступления к максимальной пользе.

Истории еще предстоит подтвердить, что отсутствие социальной, политической и экономической терпимости¹ непременно приводит к негативным последствиям и попыткам изменить положение мирным или насильственным способом. Арабский регион жил под гнетом ухудшавшихся социальных, экономических и политических условий и жестоких действий служб безопасно-

* Статья написана специально для «Вестника аналитики» в январе 2012 году.

¹ URL: http://www.unesco.org/webworld/peace_library/UNESCO/HRIGHTS/124-129.html
В статье 1 принятой в 1995 году ЮНЕСКО Декларации о принципах терпимости говорится: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира». В статьях Декларации трактуются вопросы политической, социальной, а также экономической терпимости.

сти, дополнявшихся политико-финансовой коррупцией. В определенный момент народ взорвался, и волны революций, взбудоражившие этот район мира, получили на Западе название «арабской весны».

Нетерпимость и арабские революции

Факторов, приведших к вспышке арабских революций, множество, основные из них — ухудшение социального, экономического и политического положения граждан, несмотря на материальные ресурсы, которыми располагали арабские страны. Правившим режимам не удалось добиться устойчивого развития и социальной справедливости: значительные доли арабского населения страдали от неграмотности, безработицы, низкого уровня доходов, отсутствия услуг и благоприятных условий, что приводило к маргинализации обширных слоев общества.

До революции 25 января состояние экономики в Египте характеризовалось безработицей, достигшей 90,7%, в Тунисе — 14,2%, особенно велика была ее концентрация среди молодых людей с университетскими дипломами², что влило их в ряды вышедших в то время на улицы демонстрантов, требовавших любой работы. Рабочие протестовали против неравенства вследствие низкого уровня заработной платы в различных отраслях государственного хозяйства. Это приводило многих рабочих в разных местах к пониманию того, что нет справедливости в распределении зарплаты, нет возможности пользоваться плодами сбалансированного развития. Вдобавок гнев в регионе вызывало распространение кумовства и фаворитизма. В Египте усиленный рост цен приводил к тому, что широкие круги населения не имели возможности удовлетворять свои повседневные нужды. То же самое происходило и в Алжире, где алжирцы протестовали против растущих цен на товары первой необходимости. В результате в недобывающих нефть странах арабского региона весьма велика оказалась доля населения, жившего за чертой бедности. Первой искрой «революции арабов» была «жасминовая революция» в Тунисе. Началась она с самосожжения торговца, которому муниципальные власти запретили торговать на улице, что наглядно свидетельствует, до какого отчаяния и гнева доводили людей экономические условия.

В социальной сфере отнюдь не в одной арабской стране население страдало от отсутствия терпимости к меньшинствам и жестоких действий полиции против граждан. В Египте обвинениями полиции в нарушении прав человека полнились все социальные сети и судебные дела. Наиболее вопиющим из таких актов жестокости стала смерть молодого египтянина Халида Саида от пыток, примененных к нему, когда он оказался в руках полиции. Этот случай побудил многих молодых египтян, используя Интернет, встать в ряды защитников дела их сверстника.

Арабские правящие режимы до революции, строя отношения с религиозными или этническими меньшинствами, проявляли нулевую терпимость, причем это относилось и к последователям иных религий, и к различным сектам одной и той же религии. В Египте, например, стране, 90% населения которой мусуль-

² URL: <http://www.menafin/Arabic/gn-newsstory s.asp>

мане и 10% христиане, свобода последних в восстановлении или строительстве новых храмов была в высшей мере ограничена. Молельные дома христиан, не получавшие статуса храмов, подвергались гонениям. Столь же дискриминационные действия откровенно велись в отношении шиитов³ в Бахрейне.

Большинству арабских стран не удалось достичь национального сплочения между религиозными и этническими группами. В Бахрейне, стране, где шиитским большинством правит суннитский режим, которому оказывают поддержку Соединенные Штаты и государства Персидского залива, начались протесты, особенно среди шиитского большинства — протестующие требовали перемен, политических и экономических преобразований, в том числе придания большей власти парламенту и ограничения властных полномочий короля, а также отмены положения, по которому беженцы в ожидании натурализации целый год должны находиться на содержании шиитов. Таково же в этническом и расовом смысле отношение и к нубийским меньшинствам, живущим в верхнем Египте, и к бедуинам Синая, которые считают себя ущемленными в правах и лишены плодов развития. Подобная же дискриминация характерна и для Ливии, государства ярко выраженного трайбализма, где племя бывшего президента Каддафи пользовалось привилегиями и льготами за счет остальных ливийцев.

В политическом плане кодифицированная практика репрессивных законов о чрезвычайном положении в арабском мире привела к усилению власти полиции и действиям, нарушавшим права человека. Политическая деятельность, такая, как организация демонстраций, пресекалась и не допускалась. В политическом плане неприятие инакомыслящих и препятствия созданию институциональной оппозиции считались нормой. Передачу власти намеревались осуществлять от правителя к сыну по правилу наследования, хотя строй власти вовсе не являлся монархическим. В Египте законы кроились так, чтобы Мубарак-младший правил Египтом после отца, то же относится и к Йемену, и к Ливии, где Саиф эль-Ислам, сын Каддафи, готовился принять на себя правление после отца. Принцип наследственного правления допускает минимум политического участия и уничтожает состязательность для обеспечения монопольной передачи власти президента сыну правителя.

Сравнение арабских революций с революциями в Восточной Европе

Сравнивая нынешние арабские революции с тем, что происходило в Восточной Европе после эры холодной войны, мы выявляем существенные различия. В странах Восточной Европы внешний фактор был двигателем, вдохновителем и финансовым ресурсом. Что же касается революций в арабских странах, то в них основную роль сыграли внутренние элементы.

Для арабских революций характерен быстрый крах правителя и правящей элиты. Тунисский президент Бен Али сбежал 15 января 2011 года, месяц спустя после того, как Бузизи, предавший себя огню торговец фруктами, обратился в

³ Шииты — последователи второго по числу приверженцев (после суннитов) направления в исламе, которые признают Али ибн Абу Талиба и его потомков единственно законными преемниками пророка Мухаммеда. Отсюда и название: (*араб.*) шиа — приверженцы — Али.

факел, возжегший революцию. Отстранение от власти египетского президента Мубарака заняло 18 дней, считая со дня, когда египтяне вышли на улицы, требуя социальной справедливости и конца правящего строя. Эти революции перекинулись на Йемен и Ливию, где месяцев через восемь после вспышки революций правители либо бежали, как в Йемене, либо были безжалостно убиты, как в Ливии. Тем временем все еще продолжают сирийская и бахрейнская революции. Опять-таки такого не случалось в Восточной Европе, где воздействие падения Берлинской стены разлилось от страны к стране: то, на что у Польши ушло десять лет, заняло десять месяцев в Венгрии и десять недель в Германии⁴.

Информационные технологии и глобализация в контексте социальных сетей — Facebook и Twitter — сыграли ключевую роль в нарастающей численности принявших участие в арабских революциях, как на стадии подготовительной, так и когда она вспыхнула. Более того, когда в некоторых революционных странах были запрещены Интернет и мобильные телефоны, это лишь подлило масла в пламя гнева и вдохновило еще больше людей присоединиться к революции. Информационные технологии и глобализация — это механизмы, которые не существовали во время восточноевропейских революций.

Реакция международного сообщества на революции в арабском мире также отличалась от реакции на революции в Восточной Европе. Международное сообщество приветствовало, помогало напрямую и весьма ощутимо желавшим отделиться меньшинствам, они были снабжены всем необходимым для поддержания планов этих стран развалить коммунизм экономически и политически. Восточноевропейские страны участвовали в подготовленной НАТО программе «Партнерство ради мира» в качестве необходимого шага для политического реформирования этих стран с целью их подготовки к вступлению в НАТО. Что касается арабских революций, международное сообщество заняло здесь выжидательную позицию стороннего наблюдателя и отделялось обещаниями.

До сих пор не ясно, как же оно воспринимает арабские революции. Официально заявлено, что позиция международного сообщества состоит в том, что оно высоко уважает и поддерживает право арабов решать свою судьбу самим. Но станет ли международное сообщество так же поддерживать арабские государства в переходный период, как поддерживало восточноевропейские страны, и будет ли эта поддержка продолжаться, если избранными окажутся власти не той же направленности в мышлении, что и либеральный Запад, или если они будут выбраны от исламских религиозных политических партий? Еще одним препятствием для международной поддержки арабских стран в переходный период являются финансовые затруднения, которые испытывают Европейский Союз и США, чего тоже не было во время восточноевропейских революций.

Несмотря на участливое отношение международного сообщества к заботам и вызовам безопасности, с какими сталкивается арабский мир, такими, как незаконная иммиграция и терроризм, у него, увы, нет единообразной политики применительно к арабским революциям. Россия продолжает поддерживать

⁴ Dobson W. Washington Post. 20/4/2011 (Добсон У. Статья в Washington Post от 20 апреля 2011 года).

Сирию, невзирая на осуждение международным сообществом происходящих в этой стране массовых побоищ. Китай проводит свою политику сдерживания, тогда как Франция сыграла активную роль в воссоздании бесполетной зоны НАТО в Ливии, не оставив США и другим членам НАТО никакой иной возможности, кроме как присоединиться. Такого не было, когда в 1990-х годах НАТО без всякой резолюции Совета Безопасности шло на вырубку Косово.

Пути арабских революций

Есть много причин, приведших к окончанию революций в Египте, Тунисе и Ливии, тогда как Бахрейн, Йемен и Сирия все еще находятся в процессе их завершения. Демографический элемент, роль военных, религиозные факторы, влияние племен, а также роль регионального и мирового сообществ — все эти элементы либо ускоряют процесс, либо замедляют и тормозят его.

Во-первых, ключевую роль в успехе или неудаче революции в арабском мире играл демографический фактор. В Египте, стране с 83-миллионным населением, половина жителей не достигла 18 лет, это они выходили на демонстрации днем и ночью, превосходя возможности всех ведомств безопасности. Напротив, в Бахрейне, стране малонаселенной, демографический фактор сыграл решающую роль в провале революции. Привлеченные для службы в армии и полиции иностранцы, которым было даровано гражданство, существенно изменили демографический состав населения, что, в конечном счете, сказалось и на политической атмосфере в обществе.

Во-вторых, в успехе или неудаче путей революции роль армии особо важна. В Тунисе армия выполняет главную свою функцию — защищает границы страны и ее граждан и не используется властью против тех, кем правят. Египетская армия соответствует той же модели и даже выступала посредником между правителем и теми, кем правят, пока тот не отрекся от власти. Однако в других странах все обстоит иначе. В Ливии Каддафи не только использовал военных, но привлек и наемные африканские незаконные вооруженные формирования для уничтожения собственного народа. Это и вызвало принятие резолюций Совета Безопасности 1970 и 1973 годов, которые заклемили происходящее в Ливии как преступления против человечности и потребовали, чтобы Международный Суд провел расследование.

Арабские революции носят различный характер — от мирных до исключительно кровавых. Революционеры Египта и Туниса были настроены мирно, что подтверждает потенциальную возможность добиться перемен на путях ненасильственных. Однако в Ливии, Йемене, Сирии, в результате вооруженного противостояния между бунтарями и вооруженными формированиями, полковником Каддафи, властями Йемена, Сирии и демонстрантами, пролилось немало человеческой крови.

Заключение

Арабские революции добились существенных достижений, пусть даже пока они и не привели к демократии, но в политическом плане заметны позитивные признаки, хотя в плане экономическом налицо колоссальные бед-

ствия. Есть опасения, что ухудшение экономического положения может отрицательно сказаться на завоеванных политических успехах. К достижениям арабских революций относятся конец правления диктатур в Тунисе, Египте и Ливии и особый упор на принципах, что народы не допустят несправедливости. Народ обрел уверенность в себе самом и в своей способности быть ведущей силой перемен. Революции к тому же спасли регион от возврата к наследственному правлению, что входило в планы всех правящих диктаторов. Египет и Тунис прошли через свободные выборы, дабы построить свои законодательные системы, выборы, которые были расценены международным сообществом как соответствующие правилам и нормам демократии⁵.

В данный исторический момент делом международного сообщества и основных держав является выработка стратегии применительно к арабскому миру. После революций у власти оказалось исламское правящее большинство в таких стержневых странах, как Египет, Тунис и Ливия. Международное сообщество ныне оказалось лицом к лицу с новым арабским миром, в котором народ и законодательные структуры наделены голосом в осуществлении политических курсов. Арабскому миру приходится также учитывать, что у международного сообщества есть свои правила и нормы в отношении международных договоров: подписанные, они должны уважаться.

Успех этих революций нуждается в поддержке международного сообщества для достижения безопасных берегов. Существует несколько механизмов такой поддержки: экономическая помощь, облегчение долгового бремени, невмешательство во внутренние дела в переходный период или ненавязывание странам, охваченным революциями, определенных правителей. В высшей степени желательно, чтобы международное сообщество не занимало выжидательную позицию стороннего наблюдателя. Поддержка международного сообщества странам, оказавшимся на переломе, является капиталовложением в его собственную национальную безопасность в мире, где правят общие глобальные вызовы.

---

⁵ В результате выборов поддержку большинства получили исламистские партии, что, возможно, указывает на новый тон в международных и региональных отношениях.

Эльдар КАСАЕВ

ОБ ИНВЕСТИЦИОННОМ КЛИМАТЕ КАТАРА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Катар является небольшим по площади государством с населением около двух миллионов человек, однако его геополитическое и экономическое значение как страны, сосредоточенной на перекрестке основных энергетических потоков Персидского залива, велико.

Еще одной особенностью Катара можно смело назвать то, что это страна противоположностей: «дом» для американских военных и критикующего их действия телеканала «Аль-Джазира», консервативное население и либерально настроенное руководство, приют для радикальных лидеров из других стран Ближнего Востока и идейных сторонников развития диалога с Израилем.

Современный Катар является мощным, динамично развивающимся центром, где сосредоточены экономические интересы ведущих западных стран, которых привлекают богатые природные ресурсы и внутривластная стабильность этого государства.

Внутривластная аспект

Несмотря на крайне неспокойную обстановку в Ближневосточном регионе (особенно на соседнем Бахрейне), внутривластная ситуация в Катаре остается стабильной без видимых проявлений оппозиционных режиму настроений (в том числе со стороны составляющих около 80% населения рабочих-мигрантов), а также разногласий среди представителей правящей семьи.

Последовательное реформирование политической системы определено властями в качестве главной внутривластной задачи Катара. В то же время было зафиксировано, что для катарского общества, живущего в русле исламских традиционных установок и укладов, проведение в жизнь этих изменений займет некоторое время.

Вместе с тем, до полной либерализации общественно-политической жизни (в западном понимании) пока еще далеко. К примеру, в эмирате до сих пор запрещены политические партии и деятельность правозащитных организа-

ций. Несмотря на провозглашенную свободу слова, на практике сохраняется жесткая цензура в СМИ, в том числе на телеканале «Аль-Джазира».

Тем не менее, позиции эмира Катара Хамада в целом устойчивы, хотя за последние годы ему пришлось пережить две попытки заговора — в 1996 и 2002 годах. Некоторые СМИ заявляли, что и в феврале 2011 года готовился очередной заговор, но это была лишь провокация, поскольку доказательств этому не обнаружено.

Главный внутривнутриполитический «козырь» главы эмирата — это поддержка населения, средний уровень жизни которого на порядок выше, чем в других странах. По доходам на душу населения страна к настоящему моменту уверенно занимает лидирующее место в мире (145 тыс. долл. США на человека).

Внешнеполитический аспект

Стоит заметить, что, несмотря на «англо-американскую доминанту», внешняя политика Катара характеризуется максимальной сбалансированностью. В эмирате объективно пересечены интересы многих других промышленно развитых государств, активно осваивающих углеводородные ресурсы страны (Японии, Южной Кореи, Германии, Франции, Турции).

Развивая сбалансированные отношения со многими «игроками» и привлекая западные и другие иностранные компании в свою экономику, Катар превращается тем самым в своеобразного «друга» всего земного шара и решает наиболее актуальные проблемы региональной безопасности, перекладывая их частично на плечи своих политических и экономических партнеров.

С монархиями Персидского залива Катар старается поддерживать связи в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), внутри которого запущены совместные оборонные и экономические инициативы.

На региональной и межарабской аренах Доха выступает последовательным сторонником демократизации и либерализации общественно-политической жизни. При этом эмир Катара не раз выступал с «обличительными» речами в адрес руководства арабских стран, обвиняя их в коррупции. Одним из инструментов межарабской политики Катара является спутниковый телеканал «Аль-Джазира», который претендует на всестороннее и прозрачное освещение аспектов общественно-политической ситуации в арабо-мусульманском мире.

В то же время такого рода внешнеполитическое позиционирование Катара привело к некоторому обострению вопроса сбалансированности его отношений не только с ближайшими соседями, но и с большинством арабских стран, которые обвиняют Доху в тенденциозности, двойных стандартах и выполнении политических заказов, поступающих из Вашингтона. В этом есть доля правды: внутренние проблемы Катара, как правило, являются «табу» для «Аль-Джазиры» и катарских СМИ.

Стоит заметить, что обстановка на Бахрейне, а также развитие ситуации вокруг Ирана непосредственно влияют на ситуацию в Катаре.

Во-первых, развитие ситуации в этих странах по кризисному сценарию может затронуть стабильность в соседних государствах, особенно в среде мно-

гочисленной шиитской общины в них, и вызвать эффект цепной реакции, которая, наверняка, дойдет и до Дохи.

Во-вторых, беспокойная обстановка в Манаме объективно ведет к радикализации настроений на «арабской улице», и Катар вместе с расквартированной на его территории крупной военно-воздушной американской базой является удобной мишенью для радикалов.

Экономический аспект

На протяжении последних лет экономика Катара стремительно развивается и уже превратилась в одну из самых динамично растущих в мире. С 2004 года по настоящее время суверенный кредитный рейтинг эмирата (согласно данным агентства Standard & Poors) стабильно держится на уровне «А++», что характеризуется как умеренно высокая способность своевременно и полностью выполнять свои долговые обязательства, однако имеется большая чувствительность к воздействию неблагоприятных перемен в коммерческих, финансовых и экономических условиях.

Макроэкономические показатели Катара характеризуются стабильностью и устойчивым ростом. Так, ВВП в 2010 году достиг 116 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с прошлым годом на 18,1% (в 2009 году показатель прироста ВВП составил 11,3%), в результате чего Катар вошел в число стран с наиболее быстро развивающимися экономиками. Наблюдается существенное снижение уровня инфляции (с 12,3% в 2009 году до 3,5% в 2010 году) и рост доходов на душу населения (на 40%); профицит бюджета, по оценкам, составил в 2010 году около 2,7 млрд долл. США. Объем государственного резервного фонда Катара в 2010 году превысил 100 млрд долл. США (для сравнения: в 2009 году он составлял 68 млрд долл. США).

Инвестиционная привлекательность Катара возросла в связи с подписанием в октябре 2010 года Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств.

Основой экономики до сих пор является нефтегазовый сектор (56,5% ВВП, 89,5% экспорта). Также отмечено поступательное развитие алюминиевой и сталелитейной промышленности. Так, возобновил работу пострадавший в результате аварии крупнейший в мире алюминиевый завод «Каталюм», проведена подготовка к модернизации производства сталелитейной компании «Катар Стил».

Кроме того, Доха заключила контракты с иностранными компаниями («Шелл», «КонокоФилипс», «Эксон Мобил», «Шеврон» и др.) на создание совместных предприятий по производству сжиженного нефтяного газа (СНГ), а также продуктов нефтехимии.

Тем не менее, чтобы стимулировать активность в неэнергетических отраслях экономики, власти Катара запустили проект Свободной инвестиционной зоны, в которой компании среднего и мелкого бизнеса, работающие в сельском хозяйстве, сфере высоких технологий, туризма и других неэнергетических сферах, будут освобождаться от уплаты всех налогов сроком на 20 лет.

С целью поощрения активности частного сектора власти эмирата последовательно осуществляют приватизацию государственных предприятий. За последние 15 лет на местный фондовый рынок были частично выведены акции компаний коммунальной сферы, телекоммуникационной отрасли, топливозаправочных станций, производства нефтехимии.

Стоит отметить, что государство выступает как самостоятельный инвестор в проектах, связанных с развитием инфраструктуры, в которую за последние годы вложены десятки млрд долл. США. Приоритетное внимание уделяется объектам транспортной инфраструктуры, жилищному строительству, а также медицине и спорту.

Правовой аспект

В последнее десятилетие в Катаре принят ряд законодательных изменений по регулированию иностранных инвестиций (к примеру, большинство отраслей были открыты для иностранных компаний, прописаны некоторые инвестиционные и налоговые льготы для инвесторов), что привело к снижению юридических барьеров на пути доступа иностранных инвесторов на местные рынки.

Катарские законы полностью признают частную собственность и контрактные обязательства, тем самым риски экспроприации очень малы, хотя судебная система в эмирате работает медленно, а бюрократические методы разрешения споров ограничены.

Однако, несмотря на недавние изменения, в стране не существует эффективного закона о конкуренции, а иностранные инвесторы изначально поставлены в неравные условия по сравнению с национальными операторами. В правовой системе Катара зафиксировано дискриминационное отношение к иностранным инвесторам, чьи права ограничиваются по сравнению с катарскими компаниями. Это, например, касается процедур заключения государственных контрактов на выполнение подрядных работ, для участия в которых иностранный партнер обязан работать на местном рынке через катарского агента.

Кроме того, иностранцы не могут приобретать недвижимость в собственность (лишь недавно им было разрешено брать в долгосрочную аренду жилые помещения и только в специально отведенных районах), а также свободно инвестировать финансовые средства на фондовом рынке.

Более того, в отличие от катарских компаний и фирм из стран ССАГПЗ, иностранные компании платят все налоги, если только они не действуют в свободных экономических зонах.

Доха обещала продолжить процесс либерализации, однако он затягивается. Перспективные планы правительства предусматривают создание централизованного агентства по привлечению иностранных инвестиций, которое снимет некоторые дискриминационные нормы в существующем законодательстве, в том числе обязательства иностранных компаний иметь местного агента для работы в Катаре.

В то же время не стоит ожидать, что чиновники при нынешней макроэкономической ситуации будут смягчать условия вхождения иностранных инве-

стором на местный рынок, особенно в том, что касается снятия ограничений на 100% владение активов в ключевых отраслях (особенно в нефтегазовом секторе).

Стоит особо отметить, что судебная система Катара наименее приспособлена для решения коммерческих споров. Опыт свидетельствует, что арбитражное урегулирование возникающих разногласий в целом допускается по закону, однако разрешение коммерческого спора таким путем, если только это не предусмотрено отдельно в договоре, фактически не практикуется. В этой связи обычно в контрактах договаривающимися сторонами прописывается ссылка на международный арбитраж, к вердикту которого правительство Катара относится благосклонно.

Хозяйственная инфраструктура Катара оценивается как одна из лучших в мире, а риски в этой области минимальные. Повышенное внимание уделяется модернизации транспортной инфраструктуры, телекоммуникациям, системам водо- и энергоснабжения.

В целом инвестиционному климату не хватает прозрачности, однако это объясняется не высоким уровнем коррупции, а целенаправленной политикой властей по поддержке и стимулированию национального бизнеса. Предоставление контрактов, а также инвестиционных льгот не систематизировано и зачастую осуществляется в зависимости от случая и произвольного решения чиновника.

Подобная ситуация во многом объясняется тем, что Катар сравнительно недавно приступил к экономическим преобразованиям и практическим шагам по либерализации условий хозяйствования. Политика властей по стимулированию прямых иностранных инвестиций вывела Катар по относительным показателям в список лидеров по объему и количеству заключенных инвестиционных сделок. Всего за период с 2003 по 2011 год в этом небольшом эмирате запущено более 200 инвестиционных проектов, а накопленный объем иностранных капиталовложений превысил 135 млрд долл. США.

Основные интересы иностранных инвесторов в экономике Катара составляют: сфера деловых услуг и торговли, промышленность, добывающий сектор, строительство (особенно подготовка инфраструктуры к проведению ЧМ по футболу 2022 года).

Выводы

Во-первых, геополитические риски в отношении Катара, исходящие от его ближайших соседей, нивелируются за счет «зонтика» безопасности со стороны США. Стремясь сбалансировать проамериканский крен во внешнеполитической линии, катарские власти поддерживают на хорошем уровне связи с Францией, Италией, Германией, Японией, Китаем, Индией.

Очевидно, что пока Катар находится под «крышей» американских военных, многочисленные геополитические вызовы в его адрес будут активно тиражироваться в СМИ в виде различных «страшилок и призраков», но вряд ли они способны затрагивать напрямую основы эмирата. В то же время складывающаяся в регионе геополитическая конъюнктура достаточно непредсказуема и обстановка вокруг Катара во многом будет зависеть от того, насколько

сбалансированной будет его внешняя политика в отношении ближайших соседей с тем, чтобы не позволить исходящим от них опасностям трансформироваться в прямые угрозы, затрагивающие внутреннюю стабильность государства.

Во-вторых, руководство эмирата осознает степень актуальности внутривнутриполитических угроз и последовательно, без лишней спешки проводит назревшие преобразования в сторону большей либерализации общественно-политической жизни. Катар выгодно позиционируется на геополитической арене, пропагандируя лозунги «политической свободы и преобразований» в арабском мире как на официальном уровне, так и через рупор «Аль-Джазиры». Это позволяет руководству эмирата время от времени «выпускать пар» со стороны радикально настроенной части катарского общества, а также умело переключать внимание общественности в нужном направлении, тем самым трансформируя свои внутривнутриполитические проблемы в область межарабских отношений.

В-третьих, экономическое положение Катара выглядит устойчивым благодаря тому, что эмират является крупнейшим экспортером СПГ в мире. Экономические основы Катара не внушают опасений ввиду невысокого уровня инфляции. Не случайно аналитики США признали Катар мировым лидером по привлечению государственных инвестиций.

В целом, эмират привлекателен для зарубежных капиталовложений, так как ситуация в важных областях, влияющих на инвестиционный климат государства, весьма стабильна и, по нашему мнению, будет оставаться такой в будущем.

Инна ШУМИЛИНА

ИНТЕРНЕТ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ВИРТУАЛЬНОСТЬ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

14 января 2012 года жители Туниса отметили годовщину «жасминовой революции», давшей старт так называемой «арабской весне». Тысячи людей вышли на центральную площадь Хабиба Бургибы в столице под транспарантами с лозунгами «Прощай, диктатура, привет, свобода!» и «Тунис свободен!». Новый президент страны Монсеф Марзуки объявил этот день национальным праздником. Генсек ООН Пан Ги Мун поздравил страну с годовщиной, отметив особую роль прошлогодних событий в Тунисе для всего ближневосточного региона. «Храбрость тунисского народа отозвалась в сердцах по всему региону и сподвигла людей на борьбу за свободу и свои права», — подчеркнуто в его заявлении¹.

Напомним при этом, что всплеск внутривосточной активности населения арабских стран и события последнего года в регионе («арабскую весну») многие аналитики связывают с Интернетом — намекая или даже утверждая, что, мол, и сами-то эти события стали результатом популярности социальных сетей Facebook и Twitter, порой усматривая за всем этим «руку Вашингтона». Разумеется, сетевые потоки извне оказывали воздействие на ход событий в Тунисе, как и в других арабских странах. Но оказали ли они определяющее воздействие — это тема для анализа и обсуждения.

Начнем с того, что факт нарастания популярности социальных сетей в арабских странах в последние годы действительно неоспорим. Процесс этот был стремительным, шел буквально «по пятам» за массовым распространением Интернета в регионе. Цифры на этот счет таковы: лидерами по доступу в сеть на Ближнем Востоке стали в последние годы Иран и ОАЭ — там на 100 человек населения в 2008 году приходилось по 57 и 56,4 пользователя соответственно². Приблизительно вполтину ниже показатели в Саудовской Аравии и в Кувейте — 22 и 25 пользователей на 100 человек. В Египте и Тунисе цифры значительно ниже — 12 и 3 пользователя соответственно³. В общей

¹ On Arab Spring anniversary, Ban commends Tunisians for progress achieved // UN News Centre, 14 January 2012. — URL: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=40944&Cr=Tunisia&Cr1>

² Regional Focus: Growing Internet usage in the Middle East and North Africa // Euromonitor International, Aug 2009. — URL: <http://www.euromonitor.com/regional-focus-growing-internet-usage-in-the-middle-east-and-north-africa/article>

³ Там же.

сложности в странах Ближнего Востока число пользователей Интернета достигло в 2008 году 85,5 млн человек, а к 2011 году — 88 млн⁴.

Немаловажно отметить при этом, что во всех арабских странах Всемирная паутина находится под неусыпным госконтролем, цензурирующим или вовсе перекрывающим доступ ко многим вэб-ресурсам — и это не всегда делается только по «этическим мотивам», связанным с религиозными ограничениями. К настоящему времени уже получили распространение технологии обхода этих ограничений — система firewall, а также программы, позволяющие анонимно пользоваться Интернетом, — анонимайзеры. Но это применяется эпизодически и достаточно ограниченным кругом лиц. Гораздо больший интерес представляет информация о том, что техническое обеспечение цензуры происходило и происходит за счет технологий, поставляемых на Ближний Восток частными компаниями из стран Северной Америки (США и Канады). Это касается обеспечения фильтрации Интернета на Бахрейне, в Саудовской Аравии, в Кувейте, куда соответствующее программное обеспечение было поставлено американской компанией McAfee, а также в ОАЭ, Катаре (обеспечено компанией Blue Coat Systems) и Йемене (Websense). Тот факт, что американские компании оказались поставщиком «цензурных» технологий в регион Ближнего Востока стал неприятным сюрпризом для Госдепартамента и администрации, отстаивающими принцип свободы информации. С другой стороны, эти данные сами собой ставят под сомнение антиамериканские схемы про «вашингтонский контроль» — было бы странно, если бы одна «рука Вашингтона» организовывала революции на Ближнем Востоке, а другая — обеспечивала там удушение информации.

Вместе с тем, подавление интернет-активности в странах ближневосточного региона вплоть до последнего времени осуществлялось и «собственными силами» — применением чисто полицейских методов для урезания интернет-свобод. В «небогатых странах» власти чаще всего предпочитали экономить на закупках цензурирующих программ, делая ставку на административные меры преследования подозрительных лиц. В Египте, к примеру, в последние 7 лет вообще не делалось закупок упомянутых программ, поскольку там успешно применялся механизм жестких репрессий — от слежки за блоггерами до прямого полицейского давления и арестов. Эти методы подавления не имели соответствующего юридического обеспечения (обвинения активным блоггерам могли быть выдвинуты на основании, например, закона о чрезвычайных ситуациях), однако давали эффект. Правозащитные организации — такие, как Arabic Network for Human Rights Information и Human Rights Watch — на протяжении всего последнего десятилетия регулярно отмечали именно Египет (а также Тунис), как страны с одним из самых жестоких подавлений интернет-свобод в регионе административным путем⁵.

⁴ Q&A: Socio-economic impact of growing Internet usage // Euromonitor International, May 2010. — URL: <http://www.euromonitor.com/qanda-socio-economic-impact-of-growing-internet-usage/article>

⁵ Такие, к примеру, как The Internet in the Middle East and North Africa: Free Expression and Censorship (Human Rights Watch, 1999) или «False Freedom: Online Censorship in the Middle East and North Africa» или «Tunisia: Internet Repression Casts Pall on Web Summit» (Human Rights Watch, 2005), «The Internet in the Arab World A New Space of Repression?» (ANHRI, 2004).

Отсюда не удивительно, что как только прежний режим зашатался, активность интернет-пользователей резко возросла именно в этих двух странах — в Египте и Тунисе. И в первую очередь — на популярных платформах сообщения — Facebook, Twitter, YouTube и в блогах, доступ к которым оказался облегченным. Представляется, что последовательность была именно таковой — распространение беспорядков в стране, попытки сдержать этот процесс полицейским натиском просто вытолкнули молодежь во Всемирную сеть, которая, напомним, недостаточно тщательно цензурировалась. Там, в свою очередь, в параллельной прогрессии с событиями пошло нарастание числа пользователей — тех, кто искал дополнительной независимой информации или сам был готов «выложить» в Сеть свои впечатления или видео происходящих событий. Иными словами, созданный информационный повод (подавление мирного выступления демонстрантов) стал причиной резкого увеличения притока пользователей в сетях.

Неоспорим тот факт, что именно твиты и профили FB сделали в феврале-марте 2011 года «окном в мир» из Египта и стихийным каналом связи. Разумеется, социальные сети так или иначе способствовали объединению оппозиционеров, послужили им каналом связи. Однако вряд ли более того: пытаться представить этот феномен «главным фактором провоцирования беспорядков в арабских странах» — явное преувеличение. В действительности Интернет стал новым и эффективным коммуникационным инструментом — стихийным новостным каналом с «человеческим лицом». Тем более, что в моменты расширения протестных движений власти Туниса и Египта резко ограничивали доступ в Сеть или даже вовсе ее отключали. Тогда протестующие переходили к альтернативным каналам связи — мобильным телефонам, прямому общению «от двери к двери», выходы в эфир телеканалов «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия».

Но вернемся к анализу ситуации в Сети. Политические слоганы египетских оппозиционеров «Народ хочет падения режима!», «Мы ненавидим Мубарака!», «Игра закончена, Мубарак!», «Восстань, арабский народ!» и многие другие, начертанные на плакатах в те февральские дни, «ходили» также и по Интернету, собирая вокруг себя сообщества и группы, что, безусловно, отражало массовые настроения большой прослойки населения страны (по статистике, активными пользователями Сети в Египте являются мужчины от 15 до 45 лет). Между тем, не только противники Мубарака активно общались в Сети — то же самое делали и его сторонники: интернет-технологии обеспечили канал связи в сообществе, расколовшемся на тех, кто сочувствовал Мубараку, и тех, кто был против него. Благодаря Интернету появилась возможность общения в режиме реального времени, получения и раздачи информации о происходящих событиях во внешний мир.

Компания-производитель программного обеспечения Opera Software проанализировала Интернет-трафик в период «арабской весны». Аналитики компании обнародовали целый список пользователей быстрого браузера Opera Mini (дающего возможность доступа к ресурсам через мобильные устройства) в регионе в период «арабских революций» — по убыванию после Египта следовал Иран, Саудовская Аравия, Ливия, Ирак, Иордания, Катар, Сирия, Оман и Израиль. Общее число пользователей достигало 89,8 млн, что на

77,5% больше, чем в феврале 2010 года, а число просмотренных страниц превысило показатели прошлого года на 113,6%. Один миллион новых пользователей в Египте был зарегистрирован в период с 28 по 1 февраля — когда по приказу властей была полностью заблокирована работа пяти основных египетских провайдеров (Link Egypt, Vodafone/Raya, Telecom Egypt и Etisalat Misr, Noor Group). Тогда пользователи перешли на другое приложение — Opera Turbo, позволившее им сформировать представления о том, что на самом деле происходило в стране, в то время как государственные СМИ старались всеми силами сдержать информационный поток⁵. Поисковик Google в тандеме с Twitter открыли три телефонных линии: в США, Италии и на Бахрейне, предоставив пользователям возможность записи голосового смс-твитта. Таким образом, остальные twitter-ряне могли прослушать эти, как правило, эмоциональные сообщения, в социальной Сети. Власть проиграла: информационный поток не спал, общественное мнение максимально поддержало оппозицию.

Показательно, что Тунис, где произошла первая, так называемая «жасминовая революция», вообще не фигурирует в аналитической записке Opera Software. Несмотря на то, что с началом массовых демонстраций многие пользователи Сети опубликовали свои видеозаписи и фотографии (в Facebook, Twitter и на страницах сайтов активистов Nawaat.org и ReadWriteWeb), существенного нарастания интернет-активности, как позднее в Египте, там не зарегистрировано.

Таким образом, напрашивается следующий вывод: если и был фактор внешнего воздействия через Сеть на ситуацию в арабских странах, то он оказался далеко не первостепенным и не определяющим. По сей день нет достаточных и убедительных свидетельств тому, что в кибер-недрах США якобы были заранее «спланированы все эти революционные события в арабских странах». Если же согласиться с утверждениями об обратном (что такие мероприятия готовились в кибер-недрах США и стран Европы), то остается необъяснимым, почему они оказались задействованы в первую очередь в отношении стран-союзниц Запада (Тунис и Египет).

Между тем, назревание глубинных социальных и экономических проблем в арабских странах шло на протяжении последних десятилетий. Правительства в регионе не справлялись с задачей адаптации молодого населения к социально-культурной среде и экономическим реалиям современного рынка труда. Недовольство авторитарными режимами, основанными на семейственности и всесторонних монополиях правящих элит, не только копилось, но то и дело всплывало на поверхность. Арабские Интернет-пользователи (в 2009 году это порядка 15 млн, из которых 12 млн имели аккаунты на Facebook и 600 тысяч — свои блоги) задолго до событий «арабской весны» пытались выразить в Сети свое несогласие с существующими в их странах порядками, разоблачать коррупцию и даже обличать репрессии. Недовольные выходили друг на друга в Сети по тэгам, формировались своего рода вэб-диссидентские группы (Arab Bloggers, Cyberdissidents.org, Freetunisia.org, Nawaat.org).

⁵ Opera Software: State of the Mobile Web, February 2011. — URL: <http://www.opera.com/smw/2011/02/>

Общественный импульс, последовавший от этих групп в дни протестов «арабской весны», в свою очередь, обрел весомость благодаря возросшей востребованности пользователями, вдохновленными происходившими событиями. Что, в свою очередь, пытались использовать все противоборствующие в этих странах группировки, «разворачивая» ситуацию в Сети в свою сторону.

Арабские революции: с Твиттером, но не от Твиттера

Как таковой «фактор Интернета» сыграл определенную роль в наращивании протестного движения в ряде арабских стран, но он оказался не только не определяющим, но и стал площадкой, на которой сталкивались различные тенденции и группы — как противники властей, так и их сторонники. Важно также подчеркнуть, что в арабоязычном сегменте Ближнего Востока (за вычетом Израиля и Ирана) показатели интернетизации населения были достаточно низкими.

Так, к марту 2011 года в арабских странах насчитывалось около 56 млн интернет-пользователей, что составляет всего менее 17% от суммарного 337-миллионного населения этих стран. Из них лишь порядка 6 млн (т.е. около 12% от общего количества пользователей в регионе) имеют доступ к современным широкополосным сетям. При этом доступ к Интернету в арабских странах распределен неравномерно: к примеру, во взбунтовавшемся первом Тунисе отмечаются как раз весьма низкие на этот счет показатели — из более чем 10-миллионного населения лишь 34% жителей когда-либо (т.е. нерегулярно) пользовались Интернетом, а аккаунт в Facebook имеют максимум 18% от общего числа пользователей. В Египте и того меньше: при населении в 80 млн человек веб-активны только 20%, в Facebook «ходят» всего 6%. В Ливии лишь 5% населения пользовались интернет-технологиями, в Facebook'e — менее 4%⁷. В Сирии до последнего времени вообще были введены серьезные ограничения в Сети.

При этом иногда мелькающая информация о том, что, мол, 70% арабских пользователей общаются в социальных сетях, на самом деле означает следующее: эта цифра может рассматриваться как суммарная числа пользователей в четырех крупнейших странах региона — Египте, Сирии, Саудовской Аравии и Иране⁸. При этом лишь 15% из всех них посещают эти ресурсы в ежедневном режиме. Примечательно, что самыми активными пользователями Интернета в целом и, в частности, различных популярных соцсетей, являются жители Объединенных Арабских Эмиратов. Происходит это не случайно, поскольку именно там отмечается наиболее благоприятная среда для развития информтехнологий: современное техническое оснащение, высокий уровень доходов населения, активно нарастает урбанизация, имеется развитая инфраструктура и доступная цена услуг. Помимо этого — весьма широка про-

⁷ Middle East Internet Users // Internet World Stats, March 2011. — URL: <http://www.internetworldstats.com/stats5.htm>; остальные цифры приведены по материалам он-лайн ресурсов Zawya, BI-ME, Arabian Business, AMEInfo, StartUpArabia.

⁸ Важно отметить, что цифра формируется именно за счет наличия этой страны в данном списке, поскольку там фиксируется самое большое количество пользователей Интернетом — 36,5 млн в марте 2011 года.

слойка хорошо образованного населения, легко контактирующих на иностранных языках людей и ориентирующихся в Сети (что также важно, поскольку доля чисто арабского контента в Сети мизерна — порядка 1%). Все вместе это создает дополнительные возможности для населения ОАЭ в самых разных возрастных группах (а не только преимущественно до 45 лет, как это обстоит в Египте) активно осваивать и использовать современные технологии. Подчеркнем, интернетизация населения ОАЭ рекордно высока, однако при этом «революционной ситуации» там не только не возникает, но нет даже намеков на нее. Более того, местные власти сняли большинство фильтрационных заслонов в Сети, предоставив населению право выбора в общении. Многие из шейхов правящей элиты имеют общедоступные профили в популярных соцсетях, где активно и неформально общаются с заинтересованными «френдами». В противовес этому упомянем положение дел в Сирии, где, по имеющимся данным, менее 5% Интернет-пользователей знают, что такое Twitter.

Заслуживает внимания тот факт, что в арабской среде пользователей Сети укореняется привычка чтения новостей в он-лайне — это практикуют от 22% до 34% пользователей, то есть приблизительно столько же, сколько читают печатные СМИ⁹. По данным компаний, занимающихся сетевым мониторингом, наибольший интерес у пользователей в Египте во время оппозиционных выступлений вызывали не социальные сети, а арабские массмедиа — такие как катарский новостной телеканал «Аль-Джазира», иорданский сайт Aldostor, египетский новостной Al Masry Alyoum, египетский журнал Youm 7 и порталы Shorouk News и Masrawy. Что, в свою очередь, дает основания предположить их высокую мобилизационную роль на том этапе. Сайты же египетских оппозиционеров имели кратковременную популярность — до начала беспорядков в стране их посещаемость была довольно низкой, затем резко возросла, а по окончании фазы активного противостояния оппозиции властям и свержения Хосни Мубарака вернулась на прежний — низкий — уровень¹⁰.

Давно предсказанное настоящее

Аналитики продолжают обсуждать, оспаривать и исследовать причины «арабской весны». Критики так называемой американской «цифровой дипломатии» по-прежнему усматривают в ней причину событий в регионе, называя при этом методы госдепартамента «вмешательством во внутренние дела других стран» (в особенности такие, например, как противостояние США цензурным ограничениям в Сети, реализация программ по поддержанию оппозиции в странах с авторитарными режимами и т. п.).

Между тем, власти США считают свободу доступа к Интернету одним из главных приоритетов своей внешней политики и готовы наращивать финансирование разного рода проектов по этому направлению — только в этом году выделено 25 млн долл. для поддержки интернет-активистов в странах с авторитарными режимами — в Иране, Сирии, Вьетнаме, Мьянме и на Кубе. Точ-

⁹ Там же.

¹⁰ Анализ трафика в Египте — по данным компании Opera Mini. — URL: <http://www.opera.com/smw/2011/02/>

ным в этом контексте представляется определение процессам, данное Хиллари Клинтон, назвавшей интернет-технологии «*ускорителями* политических, социальных и экономических перемен».

Что касается места социальных платформ в «твиттер-революциях», то важно отметить, на наш взгляд, бесспорное влияние этих ресурсов на создание нового образа региона. Facebook, Twitter, YouTube и подобные им сети и файлообменники, очевидно, стали «новостями нового формата», создающимися стихийно обычными людьми с фотокамерой в мобильном устройстве (что, кстати, уже получило название «гражданская журналистика»). Они помогли довести до внешних наблюдателей информацию о происходящих событиях. «Новые новости» стали чем-то вроде «народного кабельного» канала. При этом — как было в Тунисе и Египте — они еще и помогли аккумулировать антиправительственные настроения, вызревавшие годами. В итоге, можно смело сказать, что наличие этих сервисов изменило медиасреду.

При этом трудно не согласиться с наблюдением профессора Нью-Йоркского университета Клэем Ширки, утверждающим, что развитие социальных медиа «усиливает гражданское общество в авторитарных государствах и в перспективе ведет к политическим переменам»¹¹. Реальный же потенциал социальных медиа, по мнению Ширки, заключается «в поддержке гражданского общества и публичной сферы, которые *будут производить изменения в течение многих лет и десятилетий, а не недель или месяцев*»¹².

Представляют интерес в связи с этим некоторые цифры, отражающие прогнозы интернет-будущего в арабском мире. Ожидается, что в ближайшие три года число арабоязычных пользователей Сети на Ближнем Востоке и в Северной Африке вырастет приблизительно на 50% и к 2013 году составит 82 млн (это, подчеркнем, не считая Ирана и Израиля). Медиа-отрасль при этом в последующие пять лет будет основательно простимулирована внедрением новых широкополосных сетей. Отметим, что несколькими годами ранее, когда в регионе развернулся процесс внедрения технических новшеств — в особенности, «сети третьего поколения»¹³, мы прогнозировали рост влияния Интернета на арабские страны. Было ясно, что новшества существенно изменят традиционную политическую культуру в регионе — даже при сохранении практики законодательных запретов, косвенной цензуры, мониторинга наиболее посещаемых ресурсов или прямого «подавления» отдельных веб-сайтов и блогов. Уже в 2006–2007 годах прослеживалась тенденция, ориентирующая на то, что процесс распространения ИТ неизбежно войдет в противоречие с намерением авторитарных властей в регионе использовать интернет-технологии только для вхождения в глобальную экономику¹⁴.

А еще пятью годами ранее в США было проведено исследование на тему «Долгосрочные глобальные демографические тенденции: изменение геополитики».

¹¹ Shirky C. The Political Power of Social Media // Foreign Affairs, January-February 2011.

¹² Там же.

¹³ Intel Becomes First To Adopt WIMAX in Saudi Arabia // Business Monitor International, Telecommunications insight, March, 2006. — URL: <http://www.telecomsinsight.com/file/9125/home.html>

¹⁴ См. Шумилина И. Культурно-идеологический аспект ближневосточной политики администрации Дж. Буша-мл. // ИСКРАН, 2008.

тического пейзажа». В докладе была выявлена причинно-следственная связь между ростом населения и вероятностью возникновения политической нестабильности в разных регионах. Согласно данным, такой показатель можно извлечь из соотношения численности возрастной группы 15–29 лет к численности населения 30–54 лет, то есть если соотношение превышает коэффициент 1,27, то вероятность нестабильности возрастает. Таким образом, среди стран Ближнего Востока, где численность молодого населения только увеличивается, потенциально конфликтная ситуация может возникнуть к 2020 году в Саудовской Аравии, Омане и на Западном берегу реки Иордан. «Демографические сдвиги, конечно, не могут стать единственным источником беспорядков, — констатировалось в материалах исследования, — но они способны усилить существующие политические, экономические и социальные проблемы. Большое количество безработных людей без определенных доходов и занятий испытывают чувство озлобления на правительство, которое не способно обеспечить им достойные условия существования, и, как следствие, имеют высокую степень мотивации изменить существующий порядок»¹⁵.

Именно это мы и наблюдали в странах, охваченных «арабской весной» — эпоха web 2.0 естественным образом «шагнула» в регион Ближнего Востока, когда в основе Интернета оказались уже не сайты (как было раньше, на предыдущем этапе развития Сети), а люди — со своими эмоциями, переживаниями, революционными порывами и взаимодействием. Веб нового поколения предоставил им новые технические возможности, упростившие общение и самовыражение.

---

¹⁵ Long Term Global Demographic Trends: Reshaping the Geopolitical Landscape — Youth Bulge Bodes Instability // CIA, 2001, P. 36–42. — URL: http://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/Demo_Trends_For_Web.pdf

ВТО: ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ

Россия становится членом Всемирной торговой организации¹. Длительные согласования прекращены: отечественная сторона и Запад сделали выбор. Остаются формальности. В 2012 году начнется процесс фактического присоединения страны к ВТО. К чему он может привести? Каковы могут быть его последствия для различных отраслей, российского общества и экономики? Какое будущее ожидает ВТО?

Абрар ЯРЛЫКАПОВ

ЧТО ДАСТ РОССИИ ВСТУПЛЕНИЕ В ВТО?

Итоги переговоров

Несмотря на то, что переговоры велись 18 лет, многие задаются вопросом: а зачем нам нужно это самое ВТО? Примечательна в этом смысле и сентенция премьера России В. Путина. «На хрена им (ВТО. — А. Я.) нас принимать, если мы и так все выполняем?!» — сокрушался он в апреле 2011 года. Конечно, такие вопросы имеют право на существование. Присоединение к ВТО, наряду с созданием благоприятных условий для одних отраслей и секторов экономики, характеризуется появлением и определенных рисков для других. Как следует из еще неопубликованного доклада РГ, главное последствие и результат происходящего для экономики России заключается не столько в снижении пошлин, сколько в закреплении ее интеграционного статуса в мировую экономику, проявлении новых возможностей для российских товаров, устранении дискриминационных мер и барьеров для нашего экспорта.

Предстоит серьезно готовиться к участию в работе во Всемирной торговой организации и ведомствам, и бизнесу. Своевременно определиться с мерами по доступу товаров и услуг на мировой рынок, хотя наши партнеры с момента нашего официального вступления в ВТО будут вынуждены отказаться от

---

¹ Всемирная торговая организация основана 1 января 1995 года. В ее состав входят 157 стран и 26 государств-наблюдателей. Является преемником Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), подписанного 23 странами в 1947 году с целью восстановления экономики после Второй мировой войны. Задачами ВТО является либерализация международной торговли, обеспечение ее справедливости и предсказуемости. На долю стран-участниц приходится примерно 95% мирового торгового оборота, который составил в 2010 году 14,8 трлн долл. Основные решения принимает министерская конференция, которая проводит совещания минимум один раз в два года на уровне министров торговли или иностранных дел.

нетарифных барьеров допуска российских товаров и услуг на свои рынки. Нашей стороне предстоит доказывать, используя механизм разрешения споров, свои права в каждом отдельном случае. Таких потенциально возможных разбирательств накопилось больше 120.

Сегодня против России действует около ста ограничительных мер, в том числе антидемпинговые процедуры, а со вступлением в ВТО мы можем настоять на их пересмотре. Для полного членства в ВТО нам нужно добиться отмены поправки Джексона-Вэника, ограничивающей экспорт товаров и услуг в США. Иначе нормы ВТО между двумя странами действовать не будут. По заявлениям американской стороны видно, что США готовы к сотрудничеству по отмене этих поправок. Однако о сроках отмены пока ничего не говорится. Что ж, «поживем-увидим»...

За счет дискриминации на зарубежных рынках, по оценке Минэкономразвития, потери российских экспортеров составляют 2 млрд долл. в год. Вступление в ВТО даст России, по расчетам Всемирного банка, дополнительный рост ВВП около 3%, потребление — 7,2% и экспорта — 13,2%. Однако сократятся поступления от импортных пошлин на 33,4%. И не учитывать все это нам просто нельзя. Поэтому 18 лет были потрачены переговорщиками России и стран-партнеров на тщательное выяснение того, как Россия могла бы не соответствовать нормам ВТО и как она может гарантировать, что не воспользуется возможностью ввести протекционистские меры. Проведенная за этот период ревизия российского правового поля весьма велика. Лишь со временем будущие правительства России смогут осознать во всей полноте установленные с подписанием протокола формальные ограничения для экономической жизни.

Что касается членства России в Таможенном союзе (ТС), то она взяла два обязательства. Первое: в рамках ТС (и, видимо, Евразийского экономического пространства) РФ не будет принимать на себя никаких обязательств, нарушающих нормы ВТО. Второе: Россия, по сути, будет агентом ВТО в ТС, поскольку она обязалась передавать в ТС при обсуждении «соображений по предложениям» со стороны членов ВТО, с которыми она сама согласна.

В ходе переговоров Россию упрекали за сильную и весьма гипертрофированную роль государства в экономике. Как быть с господдержкой? Это главный вопрос для многих отраслей. Так, отмечалось доминирование «Газпрома» на внутреннем и внешнем рынке, перекосы на ценообразование. Претензии были приняты к сведению, однако было подтверждено, что и впредь отказываться от присутствия в экономике государство не намерено.

По оценкам экспертов, структура господдержки России соответствует нормам ВТО. ВТО не запрещает ситуацию, при которой вся экономика контролируется государством. В ВТО входили в свое время страны, где частного бизнеса просто не было. Например, социалистическая Венгрия участвовала в ГАТТ, Чехословакия в числе основателей ГАТТ и во внешней торговле работала по правилам, которые были установлены. Самое главное ограничение ВТО связано с характером субсидий, которые предоставляет государство компаниям. Так, например, в ВТО запрещены импортозамещающие субсидии. У нас их практически нет. В тех немногих секторах, где они есть, мы договорились о переходном периоде. Например, соглашения по автопромборке предусма-

тривают и импортозамещающие субсидии, и требования по локализации, то есть приобретение комплектующих российского производства.

Все это запрещено ВТО. Но мы сможем эти меры применять до 2018 года, что позволит заработать инвестиционным программам в полном объеме. В реальности у нас есть проблемы только с субсидиями по закупке сельскохозяйственной техники и самолетов. Но мы их реформатируем. Они будут предоставляться в соответствии с правилами ВТО. Изменение формы субсидии, ее легализация позволит государству продолжить оказывать поддержку. Экспортные субсидии тоже запрещены, но у нас их нет².

Были, естественно, и определенные уступки. Например, представителям России пришлось «подтвердить готовность РФ обеспечить транспарентность текущей программы приватизации — в виде ежегодного отчета ВТО «по этому вопросу. Из локальных уступок: Россия отказалась от предоставления «Аэрофлоту» каких-либо специальных или исключительных прав, влияющих на «объемы и направления экспорта и импорта».

Также наша страна обязалась рассмотреть вопрос о реформе тарифного режима на сахар, «разработать национальное определение высококачественной говядины», ограничить все дополнительные платежи (вне налогов и сборов), взимаемые с экспорта и импорта товаров, зафиксировать стоимость таможенного оформления суммой, эквивалентной 30 тыс. руб., исправления режима «географической идентификацией товара» (к примеру, «Российское шампанское», коньяк и др.), распространить льготные лизинговые программы 2002 года, которые действуют на авиатехнику.

Политические дискуссии вокруг вступления России в ВТО могут еще продолжаться, особенно в весенний период этого года, но они уже ничего не дадут. Цена от этих дискуссий для экономики нулевая, а выигрыш — рост ВВП. В сущности, Россия к ВТО присоединилась уже в 2006 году, но в нескольких днях от завершения переговоров их приостановила. Большая часть уступок по Всемирной торговой организации уже реализована. И мы обязаны ратифицировать документы по присоединению России к международному торговому клубу — Марракешскому соглашению об учреждении ВТО.

Плюсы и минусы присоединения к ВТО

Как уже говорилось, к сентябрю 2012 года страна может стать полноправным членом Всемирной торговой организации. Какие будут последствия для экономики России?

Прежде всего, от вступления в ВТО выиграет потребитель. За счет снижения импортных тарифов многие товары должны стать дешевле, а их ассортимент расширится. Средний тариф на товары после вступления в силу всех соглашений снизится до 7,8% по сравнению с 10% в 2011 году. При этом на сельскохозяйственные товары пошлины снизятся с 12,2 до 10,8%, на товары обрабатывающей промышленности — с 9,5 до 7,3%. Среди «претендентов» на удешевление — импортные лекарства, а также медицинское оборудование и лекарственные субстанции. Сейчас максимальная планка на заграничные

² «Коммерсантъ». 20 декабря 2011 года.

лекарства составляет 15%, по обязательствам перед ВТО она снизится в течение переходного периода до 6,5%. Существенно снизится ставка пошлин на косметику, мыло и моющие средства. Выгодно станет для ритейлеров, специализирующихся на электронике. К 2015 году Россия обещает снять все ограничения на участие иностранного капитала в телекоммуникационном секторе. В течение трех лет после официального присоединения будут отменены пошлины на компьютеры, средства их производства и элементную базу. Пошлины на бытовую электротехнику и электронику уменьшатся с 15 до 7–9%. Дешевле станет импорт обуви и одежды. В несколько раз снижаются пошлины на пиво и значительно — на вино. Меньше будут платить за ввоз импортеры морепродуктов, шоколада, тропических фруктов.

Правда, подсчитать, на сколько упадут цены от снижения тарифов, сложно. Это зависит и от того, какую долю в структуре стоимости товара занимает пошлина, а также от поведения торговцев. Некоторые эксперты считают, что при снижении действующих пошлин вдвое в рознице товар может подешеветь на 10–15%. По расчетам Центра экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР), цены на продукты, одежду, товары химической и нефтехимической отраслей могут уже скоро снизиться на 1,5–2,5%, а позже до 3%. Снижение ставок пошлин на импортные товары после вступления в ВТО будет поэтапным. Присоединение к ВТО займет еще 8 лет.

Всего пересмотр затронет порядка 15 тыс. позиций по промышленным и 4 тыс. по продовольственным товарам.

Промышленность выигрывает еще и благодаря снижению пошлин на импортное оборудование, ведь в страну ввозится от 20 до 70% импортного оборудования. Но при этом могут пострадать металлурги. Их продукция на внутреннем рынке подешевеет. С одной стороны, будут отменены квоты на поставку отдельных видов проката, с другой — эти квоты и так не выбирались. Однако здесь имеются и другие мнения. Стратегически это выгодные события для бизнеса, отмечает генеральный директор «Северстали» Алексей Мордашов.

В зоне риска — сельскохозяйственное машиностроение и автомобилестроение. Хлынет, наверняка, поток импортной сельхозтехники, пошлина на которую составит всего 5%. А автопром пострадает из-за снижения импортных тарифов на новые и подержанные иномарки. Нелегко будет и трубной отрасли. Сейчас соглашения с Украиной и Китаем ограничивают импорт, после их отмены конкуренция сильно обострится. Снижение в 3 раза (до 5%) средних ставок пошлин может привести к росту импорта труб на 40%, говорит директор Фонда развития Александр Дейнеко. Трубная отрасль может существенно потерять свою прибыль.

Правда, в целом национальный бизнес не останется в накладе. Проще станет экспортировать отечественную продукцию за рубеж. Однако остаются еще сильно ощутимыми дискриминационные санкции против нашего бизнеса. По степени дискриминации мы находимся на втором месте в мире после Китая. Будучи членом ВТО, Россия сможет защитить своих производителей на внешних рынках. Это важно для металлургов, производителей химических удобрений, нефтяников. Европа уже отменила пошлины на ввоз российских азотных удобрений, зато США продлили антидемпинговые пошлины на российский карбамид. Цветная металлургия выиграет от снижения ставки экспортной пошлины с 10 до 5%.

А с нефтяниками картина посложнее. По существующим правилам денежные средства за проданную продукцию до 180 дней могут находиться на счетах вне страны, поскольку это считается «текущими», а не «капитальными» сделками. А затем большая часть этих денег (60% выше «цены отсечения», которая ныне равняется 182,5 долл. за тонну, или 25 долл. за баррель марки Urals) автоматически направляется в резервные фонды, где обменивается на американские ценные бумаги 2–3–4% годовых. Это, немного-немало, 45 долл. с одного барреля, или почти половина стоимости сырья сегодня. Непосредственно экспортеру остается фактически 30 долл. при полной цене 100 долл. за баррель. Вот на таких только условиях разрешают нам продавать нефть по 100 долл. за баррель. Так нас принуждают помогать Евросоюзу и, конечно же, США раздувать «мыльные пузыри» в условиях мирового финансового экономического кризиса. По расчетам известного российского экономиста Василия Симчеры, за счет невозврата денег из зарубежных банков страна теряет примерно 300 млрд долл. ежегодно³.

Развитие торговли в долгосрочной перспективе должно способствовать повышению занятости. По оценкам Минэкономразвития, только устранение барьеров для российского экспорта создаст в стране до 40 тыс. рабочих мест (а по другим источникам, присоединение России к ВТО к 2020 году лишит работы 19 млн человек — это будет почти пятая часть трудоспособного населения страны). По расчетам ЦЭФИР, на коротком отрезке времени выигрыш экономики от присоединения к ВТО может составить от 0,4% ВВП в год, в долгосрочном — 0,96% ВВП ежегодно. В то же время для некоторых секторов присоединение может оказаться болезненным и, в основном, — в первые годы. В числе пострадавших могут оказаться предприятия пищевой и легкой промышленности, фармацевтические компании. Есть еще ряд отраслей, которые также могут пострадать от ВТО.

Только за 4 последних года (2008–2011) подкомиссией по таможенно-тарифному и нетарифному регулированию и защитным мерам во внешней торговле правительства России принято 153 ограничения во внешней торговле. В этой связи пострадают отдельные отрасли, особенно товары народного потребления. Это коснется, в частности, авиапрома и воздушного транспорта, текстильной промышленности, производства обуви и строительного крепежа и метизов. При отмене ограничений и протекционистских мер на рынке произойдет выравнивание цен при вступлении в ВТО в большую (производство обуви, текстиля) или в меньшую (производство крепежа) сторону. Протекционизм со стороны государства не помог авиапрому и воздушному транспорту, поэтому правительство приняло решение открыть рынок при вступлении в ВТО.

Цены на билеты должны упасть, поскольку зарубежные перевозчики (ввиду кризиса у себя дома) решительно настроены на завоевание российского рынка. Но для авиапрома данное обстоятельство означает еще большие сокращения закупок отечественных самолетов, что может привести даже к краху отрасли после вступления в ВТО. Вот почему, чтобы смягчить негативный эффект, необходимо продумать в очень короткие сроки защитные меры для этих отраслей.

³ «Завтра». Декабрь, 2011. № 49.

Отдельная тема — сфера АПК, или агробизнеса. Специфика сельскохозяйственного производства в природно-климатических условиях России настолько сложна и многогранна, что требует совершенно особого подхода к его регулированию в работе с торговым клубом.

Агроэкономика и ВТО

Вступление в ВТО будет невыгодно для производителей отдельных видов продовольственных продуктов. В зону риска попадают свиноводство и молочное животноводство.

К 2020 году импортная пошлина на свинину снизится с 65 до 25%, а также 15%-ные импортные пошлины будут обнулены внутри квоты на этот продукт, пошлина на молоко снизится в 2015 году с 25 до 15%, что приведет к сокращению производства этих видов продукции отечественными производителями. Хотя в потребительской корзине доля молочной продукции и мяса огромна. Молоко, например, в ней составляет 25% и является самым крупным сегментом (где-то 20%) товарооборота торговых сетей. И сегодня мы на 75% обеспечиваем себя собственной молочной продукцией, хотя по Доктрине продовольственной безопасности должны обеспечивать на 90%. Поэтому эти риски необходимо будет нам нейтрализовать путем принятия антидемпинговых мер и субсидий. У России есть возможность проведения специальных или антидемпинговых расследований, по итогам которых можно договориться с ВТО об установлении других, более высоких пошлин.

В любой стране именно продовольствие является самым чувствительным продуктом, на который государства, особенно развитые, стараются держать максимально доступные цены. Развитые экономики осуществляют это за счет достаточно большого уровня государственной поддержки. Причем настолько большого, что нередко объем этого производства становится избыточным внутри страны и поэтому требуется уже экспорт. Кстати говоря, и для того же экспорта тоже существует достаточно мощная господдержка. Естественно, поэтому импортная продукция попадает на наш рынок уже в высокой степени субсидированной, с большим уровнем господдержки, что ставит отечественных производителей в плане конкуренции в неравные условия. А это приводит, в свою очередь, к сокращению производства продукции нашими производителями. В результате, мы ежегодно тратим на покупку импортного продовольствия порядка 35 млрд долл. (более 1 трлн руб.), поддерживая зарубежных фермеров. А на господдержку отечественного производителя направляем уже менее 1% расходной части бюджета, которая составляет в текущем году 22 трлн руб. Так на чью же мельницу льется вода? Нельзя нам рубить сук, на котором сидим. И нельзя забывать и то, что село может стать «локомотивом» развития экономики в целом.

Поэтому нам придется пересматривать свое отношение к отечественному производителю. Вот, например, та же молочная отрасль. На сегодняшний день молочное животноводство получает примерно 27 млрд руб. господдержки в год. Если произойдет удвоение финансовой поддержки, а ВТО позволяет нам в 2 раза увеличить существующий объем, то молочники смогут на равных конкурировать на рынке. Отечественное производство получит стимул для

модернизации отрасли, внедрения современных технологий и снижения себестоимости продукции. Самое главное — не будет роста цен на производимую продукцию. Вся государственная поддержка должна ориентироваться на улучшение качества и ассортимента продукции. А по природно-климатическим условиям мы обязаны быть крупными производителями и экспортерами молочной продукции, как было в дореволюционной России. Тогда мы были крупнейшими экспортерами сливочного масла в мире. Россия получала от него даже больший доход, чем от продажи золота.

Серьезным вопросом является сохранение доли собственного объема производства у себя на рынке. Это нужно для сохранения нашей продовольственной безопасности. Известно, что если объем импорта продовольствия превышает определенный предел, то импорт начинает контролировать и ценовую политику. Поэтому то, что вначале кажется дешевым, потом, как только рынок насытился, естественно, станет благодаря механизму рынка очень дорогим. А это уже потеря рабочих мест, снижение доходов населения. Нам важно вкладывать свои деньги в национальную экономику. Плюс к этому, это еще и поступления от налогов, которые пополняют казну государства. Можно добавить сюда и то, что снижение таможенных пошлин — это тоже уменьшение доходов государства. В этих условиях государственная поддержка отраслей сельского хозяйства становится важнейшей задачей государства. Она в условиях вступления страны в ВТО должна стать реперной точкой государственной аграрной политики. Для того чтобы была возможность свободно конкурировать на рынке, мы должны своевременно обеспечить отечественному товаропроизводителю адекватный уровень финансовой поддержки.

Правила ВТО, направленные на либерализацию поддержки аграрного сектора, не отменяют поддержку как таковую, а лишь предполагают изменение ее структуры, направлений финансирования, сформировавшихся на протяжении не одного десятка лет, и имеет четкое разграничение. На современном этапе господдержка, по нашему мнению, должна быть переориентирована на усиление инвестиционной активности и резкое увеличение долгосрочного кредитования, увеличение в бюджетах всех уровней доли поддержки сельхозпродукции производителями, при этом она не должна оказывать искажающего влияния на торговлю сельскохозяйственной продукцией.

У России, учитывая условия и требования ВТО, есть возможность модифицировать господдержку сельхозпроизводителя по типу мер «зеленой корзины». Основными составляющими модели могут являться принципы, направления и инструменты по переориентации направлений государственной поддержки сельхозпроизводителей на уровне субъекта (субъектов) Российской Федерации. В целях поддержки доходов особое значение имеют выплаты, стимулирующие рост и эффективность аграрного производства. Такое качественное направление поддержки в условиях рынка приоритетнее для сельскохозяйственного производства, чем субсидирование, направленное на возмещение затрат, которое не оказывает стимулирующего воздействия, а наоборот, искажает ценообразование, в результате чего происходит удорожание продукции. Такой подход и полученный результат можно было бы назвать «инновационной рентой», позволяющей выявлять и стимулировать «точки роста» агробизнеса. По мере вхождения России в мировой рынок возможно ее

дальнейшая модификация с учетом расширения мер «зеленой корзины» и бюджетной классификации.

Государству необходимо добиваться того, что недоступно рынку, а именно — максимальной социальной ориентации хозяйственного развития. Трудно не согласиться с мнением Джеймса Гэлбрейта «...там, где функционирует нормальное, развитое, классическое государство — всегда объективно существует значительное влияние его на все стороны жизнедеятельности всех субъектов этого государства, все его институты. Если это влияние ослабляется — слабеет и государство»⁴.

Василий КОЛТАШОВ

РОССИЯ И ВТО: РИСКИ, ВЫГОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Три года разговоров об экономической модернизации России и порочности сырьевой зависимости завершились присоединением к ВТО, которое оформится в ходе 2012 года.

Решение сделать Россию членом ВТО было принято при чрезвычайно важных макроэкономических обстоятельствах. Стабилизация кризиса в 2010 году прервалась уже весной 2011 года. В мае рынки просели, не дожидаясь завершения в США второй программы «количественного смягчения» (QE2). Лето мировые правительства и корпорации провели в тревоге. Но когда в августе пришла весть о том, что банкротства Соединенных Штатов в ближайшее время не последует, биржи планеты обвалились. QE3 — все равно не последовало.

Паника продолжалась до октября. Однако когда правительства еврозоны показали, что будут поддерживать стабильность банковского сектора даже ценой полного развала европейского рынка и реального сектора, на торговых площадках началось робкое оживление. Цена нефти Brent со 103 долл. за баррель в конце сентября поднялась до 108 долл. Рост цен на «черное золото» в начале 2012 года был связан уже со страхом военного конфликта США и Ирана. Сохраняется спекулятивный характер роста цен на фондовых и сырьевых торговых площадках. По итогам второй половины 2011 года стало понятно, что Соединенные Штаты переходят к более жесткой «европейской» денежной политике, а Евросоюз попытается ограничить эмиссию евро, необходимую для сохранения под контролем долгового кризиса. Этим объяснялось укрепление доллара к европейской валюте во втором полугодии 2011 года. Общим для ЕС и США стало усиление курса «жесткой экономии», что повлечет ослабление потребительских рынков.

Для западных монополий и российских корпораций сырьевого сектора одинаково очевидно, что 2011 год не случайно испортил хорошее впечатление «посткризисного» 2010 года. Сорвавшийся весной подъем рынков превратил год в период разрушения стабилизации. В Европе получил распространение

⁴ Гэлбрейт Дж. Экономическая политика измеряется результатами // Журнал «Проблемы теории и практики управления», № 5, 1999. — С. 32–36.

«греческий сценарий». Долговой кризис захватил юг Евросоюза. Можно ожидать, что в 2012 году под его ударом окажется Германия, а не только Австрия и Франция. Два главных рынка сбыта планеты — США и Евросоюз — в 2011 году показали перспективу не выздоровления от экономического кризиса, но дальнейшего ослабления. Чтобы ограничить размеры денежной эмиссии, власти Евросоюза и США будут проводить курс урезания социальных расходов и повышения материальной нагрузки на население в форме от новых налогов до увольнений, урезания пособий и пенсий.

В сложившихся условиях любой рынок, в особенности значительный, становится особенно важным для западных корпораций. Российский правящий класс испытывает острое беспокойство по поводу вероятных проблем со сбытом сырьевых товаров. В декабре «Газпром» признал, что по итогам 2011 года экспорт газа в дальнее зарубежье окажется ниже плана и составит чуть более 150 млрд кубометров. Это больше, чем в 2010 году, когда вывоз природного газа составил 138,6 млрд кубометров, но явно беспокоит руководство корпорации. Менеджменту трудно поручиться, что поставки в ЕС удастся поднять или удержать без ценовых уступок клиентам в 2012 году. Спрос на российское сырье был поддержан в 2010–2011 годах государственными инвестиционными программами Китая. Хороший сбыт европейских машин и оборудования обеспечивал неплохую продажу российского сырья их производителям.

КНР израсходовал огромные средства на расширение и перевооружение производства, а также инфраструктурные проекты. Но запустить новый мировой экономический подъем Китай не смог. Вывоз китайских товаров на западные рынки остается проблематичным из-за слабости рядовых покупателей. Но США в 2010–2011 годах смогли улучшить торговый баланс, а экспорт средств производства из Германии тоже оказался неплох. Однако общеэкономические перспективы к концу прошлого года определились. В этих условиях российским корпорациям более нужно было скорейшее, чем наилучшее принятие в ВТО. За неясностью всех деталей, можно предположить, что фактически была совершена сделка «рынок в обмен на рынок». Россия получает возможность сбывать сырьевые товары без административных ограничений, но взамен она открывает для ввоза промышленных и сельскохозяйственных товаров свои пределы.

В условиях обостряющегося глобального кризиса хорошо продуманное вступление страны в ВТО может принести не те плоды, что обещают власти. «Вторая волна» кризиса в 2011 году перестала маячить на горизонте, она началась. Хорошая отчетность о прибыли отечественных и западных банков не должна вводить в заблуждение. Обещание рядом аналитиков сохранения высоких сырьевых цен обманывать тоже не должно. Бумажные деньги обесценились к золоту за 2008–2011 годы почти в два раза. Цена нефти марки Urals в 100 долл. за баррель соответствует цене в 50 долл. начала 2008 года. Это почти в 1,6 раза меньше чем стоила нефть в начале глобального кризиса, когда спекулятивный подъем не достиг еще пика. Министерство экономического развития уверяет, что в 2012 году цены на «черное золото» останутся высокими. Но они уже являются низкими, если оценивать деньги по их рыночному стоимостному эквиваленту.

ВТО может стать проблемой для секторов российской экономики, не связанных с сырьевым вывозом. Возможность свободно ввозить товары на отече-

ственный рынок сделает бессмысленным вложение иностранных капиталов в российское производство. Инвестиционного бума, который обещают либеральные экономисты, после вступления в силу правил ВТО в России, вероятнее всего, не последует. Товарную экспансию извне на российский рынок облегчит 80% -ный износ основных фондов отечественных предприятий. Российские фирмы среднего и малого уровня, вероятно, не смогут выигрывать в конкурентной борьбе. Слабое отечественное производство электроники рискует не выдержать в числе первых. Импортозамещение теряет смысл сразу, как только производители лишатся прежней протекционистской защиты.

После фактического присоединения России к ВТО регулирующие возможности государства должны будут уменьшиться. Однако макроэкономические условия диктуют увеличение регулирующей роли государства как по защите экономики, так и по развитию национального потребления. После вступления РФ в ВТО преимущества отечественных предприятий будут изъяты как недопустимые привилегии в формально равноправном торговом мире. Внутренние цены на энергоносители исчезнут, что резко повысит издержки товаропроизводителей, не контролируемых генерирующие мощности. Импортные товары окажутся дешевле, но отечественные — будут сравнительно дорогими. Не поможет всерьез даже девальвация рубля, которую можно ожидать в ответ на снижение мировых цен на сырье.

Членство России в ВТО оставит немного шансов сфере услуг. Может пострадать даже туристическая отрасль. Торговля, вероятно, сократится и еще более монополизирована. Правда, обещанное снижение цен, скорее всего, будет иметь место: в настоящее время розничные цены в России выше европейских примерно в 1,2–1,5 раза. Отечественным банкам придется конкурировать с иностранными кредитными институтами, на что сотни небольших кредитных институтов (в отличие от крупнейших) вряд ли способны. В итоге многие банки ждут ускоренное поглощение или разорение. При этом, вероятно, цена кредитов снизится, что можно назвать одним из немногих возможных позитивных результатов членства в ВТО. Однако доступность дешевых кредитов производству не гарантирована. Торговый бизнес, вероятно, столкнется с конкуренцией иностранных сетей, способных обеспечить более дешевые товары.

Изменение мировой рыночной конъюнктуры подтолкнуло власти России активизировать сношения по ВТО, предпринимая разные маневры от отказа от переговоров до угрозы войти в ВТО Таможенным союзом с соседними странами. Но кризис уменьшил для российских корпораций ценность внутреннего рынка и власти согласились с большинством требований: было объявлено, что страна войдет в ВТО до конца 2011 года. Реальное присоединение к ВТО, в соответствии с достигнутыми договоренностями, начнется в 2012 году.

Сторонники ВТО пытаются изобразить эту организацию равноправным и свободным торговым сообществом, дающим массу новых возможностей именно в силу взаимной открытости ее участников. Реальное значение ВТО отличается от подобных «рекламных представлений».

ВТО возникла в результате развития неолиберальной глобализации. Образование этой организации и быстрый рост числа ее членов были итогом поражения экономических стратегий, конкурирующих с неолиберализмом. Транс-

национальный капитал получил торговые правила, отвечающие его интересам. ВТО лишь формально предоставляет государствам равные условия развития. Либерализация внешней торговли работает в интересах более развитых экономик, прежде всего США и стран Западной Европы. ВТО обеспечивает господство их монополий и подчиняет развитие национальных экономик их интересам. ВТО отличают двойные стандарты. Нормы ВТО призваны подрывать положение конкурентов западных корпораций. Вростание компаний из других зон планеты в контролируемую транснациональными группами систему может быть только отвечающим интересам хозяев. Как продавец сырья Россия может быть «полноправным» членом ВТО, но как поставщик аналоговой (особенно высокотехнологичной) продукции она не нужна.

Для многих стран вхождение в ВТО обернулось социально-культурной деградацией и упадком ранее развивавшихся отраслей. В рамках открытой мировой торговли транснациональный капитал сохранял только необходимые производства. Упадок сельского хозяйства и промышленности постсоветских стран, вступивших в ВТО, во многом является результатом этого шага. Присоединение хозяйственно «самых передовых в Союзе» прибалтийских стран к ВТО и ЕС привело лишь к их полному производственному упадку. Напротив, те, кто занял более осторожную позицию или не был допущен в ВТО, получили некоторые преимущества развития. Лидером оказалась Россия. Недавнее вступление Украины в ВТО не пошло на пользу даже ее сельскому хозяйству, усилив экономический, а следом и политический кризис в стране. Напротив, западные корпорации получили возможность расширить сбыт в Украине.

Переговоры о вступлении России в ВТО начались в 1995 году. Их затяжной характер был вызван нежеланием российского крупного бизнеса соглашаться на открытие отечественного рынка. Это касалось как ввоза иностранных продуктов, так и доступа иностранным финансовым институтам к кредитному рынку России. Власти понимали, что присоединение к ВТО на требуемых условиях не пойдет на пользу российским корпорациям и станет новым ударом для слабой национальной экономики. Даже соглашаясь в переговорах по ВТО на уступки Западу, Россия не могла угодить его корпоративным центрам. Проблема состояла в том, что в РФ сложился собственный центр накопления капитала. Повышение мирового спроса на российское сырье в ходе подъема 2002–2008 годов укрепляло позиции России на переговорах по ВТО, поскольку росло влияние и доходность российских монополий. Докризисный рост российского внутреннего рынка также мешал России пойти на исполнение всех требований и войти в ВТО. Но принимать РФ как весомого члена в ВТО не хотели.

Глобальный кризис укрепил периферийно-сырьевой статус российской экономики. Возрастание макроэкономических рисков сделало потребность в присоединении России к ВТО более острой для сырьевого лобби. Российские сырьевые корпорации — главная заинтересованная сторона в присоединении страны к ВТО. Они рассчитывают увеличить прибыль в результате снятия другими странами (входящими в ВТО) импортных ограничений. Усиление конкурентной борьбы в мировой экономике в 2009–2011 годах привело к очередной активизации переговоров по ВТО.

Сырьевые корпорации России частично защищены от приравнивания внутренних цен на энергию к мировым. Многие монополии имеют собственные

генерирующие компании, созданные в процессе расчленения РАО «ЕС России». Это позволяет получать электричество почти по цене генерации. Но средний и малый бизнес подобных преимуществ не имеет и не будет иметь в рамках ВТО.

Российская экономическая политика носит противоречивый характер. Стремление РФ выстроить с соседями общее экономическое пространство — развивать Таможенный союз — противоречит стремлению быть в ВТО. Неслучайно ЕС и США рассматривают ТС как враждебную их политике структуру. Таможенный союз рискует стать жертвой ВТО, развитие таможенного блока не может быть продолжено в согласии с ВТО — только в борьбе с ней. ТС — это зародыш будущего протекционистского и экономического единства стран бывшего СССР. Закрытость для товаров извне — таков путь развития внутреннего их производства (в том числе с привлечением иностранных капиталов). Но рассматривать вступление России в ВТО как нечто долговременное, вероятно, неверно: кризис запустил политические перемены снизу; общество будет корректировать курс верхов и даже менять верхи. Усиление экономических проблем России в условиях членства в ВТО и «второй волны» приведет к коррекции курса. Возможно, власти просто пойдут на открытое нарушение требований ВТО, что пока позволяет только государствам-лидерам.

Решение закрепить позиции на мировом рынке, присоединив страну к ВТО, можно назвать своевременным для сырьевых монополий. США и ЕС делают все возможное, чтобы выбросить с мирового рынка нефти Иран. В условиях сужающегося низового потребления в Евросоюзе и Соединенных Штатах сбыт стремятся закрепить за своими. ВТО в этих обстоятельствах окажется удобной «Газпрому» и иным отечественным сырьевым гигантам. Насколько лучшие условия членства в ВТО, чем Украина, выговорила для себя Россия, покажет практика. Но вряд ли верно рассчитывать на выгоды для не сырьевого блока экономики.

Традиционные претензии к РФ стран, входящих в ВТО, особенно промышленно-развитых, состоят в требовании облегчения вывоза из России сырья и прекращения протекционистской политики. Остро стоит вопрос по российскому автостроению. Поощряемый государством рост автомобильной промышленности мешает сбыту в России продукции уже существующих в других странах производственных мощностей. Правительство декларирует, что страна должна готовиться к торговым спорам в рамках ВТО. Они очень быстро могут стать нормой и усилить общественную критику практик ВТО, еще не знакомых ни россиянам, ни большинству предприятий.

Кризис неолиберальной экономики оказался кризисом ВТО. В нынешнем виде она не сможет сохраниться. До начала мирового кризиса в 2008 году вступление в ВТО выглядело как единственный путь развития. Со временем протекционизм начал набирать силу, что создает предпосылки для создания на планете новых крупных рынков, защищенных таможенной политикой своих правительств. ТС России, Казахстана и Беларуси является выражением этой исторически передовой тенденции, несмотря на все противоречия правительственных курсов. В ближайшие годы государства, входящие в ВТО, при риторической защите идеи «свободной торговли», скорее всего, продолжат наращивать протекционизм. Не исключено, что Россия пойдет по этому конфликтному пути.

В результате соединения типовых проблем развития стран глобальной периферии, как аграрной, так и промышленной, вопрос об изменении международных правил движения товаров, капиталов и рабочей силы обретет в ближайшие годы небывалую остроту. Привилегированное положение западных монополий, защищаемое ВТО, при подчинении их интересам развития стран периферии глобального капитализма, становится тормозом экономического прогресса. На смену либеральным торговым установкам ВТО идет не только протекционизм, но и создание новых рынков через интеграцию ранее слабо ориентированных друг на друга национальных экономик. Открытие Россией своего внутреннего рынка и дача преференций иностранному капиталу грозит трудностями для многих сегментов экономики, что, вероятно, приведет к конфликтам и разрыву с ВТО, а следом поиску пути глубокой региональной интеграции с жесткой таможенной защитой.

Санкции ВТО за поддержку сельского хозяйства не затрагивают США. Членство России в ВТО сделает отечественное сельское хозяйство уязвимым. Многие его сферы могут понести немалые потери. Сравнительно чистые продукты будут вытесняться с прилавков ввозимыми дешевыми генетически модифицированными аналогами, как это произошло во многих государствах. Страны, пытавшиеся ограничить ввоз такого продовольствия, были обвинены ВТО в создании продовольственных барьеров. Украина уже столкнулась с вытеснением местного сахара ввозным.

Вероятно, переходный период для России в ВТО составит от 1 до 7 лет для различных товарных групп. Уже анонсировано снижение ввозных пошлин для сельскохозяйственной продукции с 13,2 до 10,8%, на промышленные товары — с 9,5 до 7,3%. Пошлины на зерновые культуры сократятся с 15,1 до 10%, на молочные продукты — с 19,8 до 14,9%. Таможенные сборы за ввоз компьютеров и элементную базу, как ожидается, будут ликвидированы. Предусматривается снижение пошлин на бытовую электронику и электротехнику, а также различное технологическое и научное оборудование. Пошлины сократятся и для лекарств. Из блока сырьевых монополий более всего преимуществ от ВТО получают компании металлургии. В отношении российских товаров другими членами ВТО будут отменены квоты и иные дискриминационные меры. В числе выигравших окажется химическое производство, но сомнительно, что аналогичные внешние возможности смогут с выгодой использовать все производители сельскохозяйственной продукции.

Отечественным предприятиям придется решать проблему высоких затрат на производство в недружественной среде. Высок риск того, что поражение многих российских производителей приведет к падению реальных доходов населения, что ослабит национальный рынок. Даже поддержка внутреннего потребления будет работать на внешних производителей. Для вывода продукции на мировой рынок теоретически появится больше возможностей. Фактически, чтобы выйти на него, придется защитить позиции на собственном рынке. Упадок отечественного авиастроения может дойти до предела. Серьезно могут пострадать производства дорожной, строительной и сельскохозяйственной техники, электроприборов и промышленного оборудования. Не исключено, что тяжело придется даже химической промышленности. Общее сжатие реальной экономики негативно отразится на всех сферах производ-

ства с внутренним сбытом. Падение уровня жизни и рост безработицы — ожидаемые итоги членства в ВТО.

Содержание требований к России делало тайными переговоры по присоединению страны к ВТО. Ни население, ни руководители большинства предприятий не должны заранее знать, на что дало согласие правительство. Тайная дипломатия не была бы необходима при очевидности выигрышей для экономического развития страны. Вступление в ВТО закрепит периферийный — сырьевой характер российской экономики.

Как и перед многими другими странами планеты, перед Россией стоит вопрос слома периферийной модели экономического развития. Для технологического и структурного обновления национального хозяйства необходима активная роль государства. Полезно наращивание расходов на науку и образование. Необходимо множество работающих исследовательских центров. Крайне важно создание рынка для отечественной фабричной продукции внутри страны. Членство в ВТО противоречит решению этих задач. Оно грозит нанести серьезный урон российской экономике.

Для осуществления не сырьевой товарной экспансии на внешние рынки российские предприятия должны окрепнуть на собственном защищенном рынке. Именно от такого пути Россия отказывается для многих отраслей, присоединяясь к ВТО. После потрясений 2008 года важнейшую ценность в мировом хозяйстве приобретают рынки сбыта. Защита внутреннего рынка чрезвычайно важна для развития экономики России.

Снижение мировых цен на газ, нефть и металлы способно крепче привязать российские сырьевые монополии к покупателям. В этом случае борьба против ВТО в России примет более глубокий общественный характер. Нельзя исключать, что присоединение страны к ВТО сыграет на обострение социально-политического кризиса. В конечном итоге требования России к внешнеторговым правилам изменятся. Социальные кризисы во всех странах планеты — это детище глобальных экономических проблем. В России проявился уже политический кризис — производная социального кризиса. Логично ожидать, что под влиянием его развития сырьевой курс экономической политики России будет изменен.

ВТО имеет реальную альтернативу, и развивать ее способна именно Россия. Эта альтернатива — объединение экономик соседей с созданием общего правового поля. Аналогичные структуры уже складываются в Латинской Америке и Азии. Расширение общего хозяйственного пространства, соединяясь с политикой развития потребления и передовых отраслей, может захватить многие страны Восточной Европы и Средней Азии. Членство в ВТО и готовность бороться против роста протекционизма на планете не избавит российские власти от его усиления в других странах. Вопреки общим фразам, он будет повсеместно усиливаться, что может уменьшить выигрыши отечественных сырьевых корпораций от членства в ВТО и ускорить разрыв с правилами организации.

Ксения БОРИШПОЛЕЦ, Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА И ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ, БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНА

Официальный старт 1 января 2012 года Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана, которые в июле 2011 года перенесли таможенный контроль на внешнюю границу Таможенного союза (ТС), открывает качественно новый этап в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Объективные условия для консолидации экономического сотрудничества трех стран давно сложились, техническая работа проведена с учетом интересов всех партнеров, появилась и политическая воля высшего руководства. Таким образом, есть все основания полагать, что «локомотив постсоветской интеграции» в формате ТС-ЕЭП начинает активное движение.

С середины 2011 года для России, Белоруссии и Казахстана начали действовать единые ставки пошлин и налогов в отношении ввозимых товаров, санитарный и ветеринарный контроль, принципы технического регулирования. С 1 января 2012 года введен в практику базовый блок документов по ЕЭП из 17 соглашений. Они касаются прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, единых принципов валютной политики, регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, единых правил поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, создания условий для обеспечения свободного движения капитала.

Все это поможет сформировать единый рынок стран-членов емкостью более 170 млн потребителей и с совокупным валовым продуктом, превышающим 1385 млрд долл. США.

Системная организация потоков столь масштабных экономических ресурсов уже приносит реальные выгоды. Несмотря на наличие списка товаров, на которые еще распространяются вывозные ограничения, товароборот между участниками ТС вырос практически в 2 раза. По мнению экспертов, за счет интеграционного фактора участники ТС к 2015 году получают дополнительно около 15% прироста ВВП, или примерно 400 млрд долл.

Эти показатели как бы лежат на поверхности, но необходимо ориентироваться также на дополнительные инновационные возможности, которые открываются благодаря свободному перемещению товаров во взаимной торго-

вле между Россией, Белоруссией и Казахстаном, снижению финансовой нагрузки на коммерческие предприятия, устранению административных барьеров, унификации таможенных правил, проекции экономического сближения постсоветских стран на гуманитарную сферу.

Таким образом, необходимо констатировать, что к настоящему времени произошел качественный скачок в улучшении условий развития экономик трех стран, повышения инвестиционной привлекательности пространства Таможенного союза, а с 2012 года — пространства ЕЭП. Однако, по имеющимся авторитетным оценкам, для того чтобы ЕЭП, которое обеспечит свободное движение товаров, услуг, капитала и труда, заработало как полноценное многостороннее объединение, необходим период около пяти лет (с 2011 по 2015 год) и принятие, по меньшей мере, 55 международных документов и иных актов для запланированного функционирования интеграционного формата¹. За эти же пять лет правительствам сторон необходимо будет обеспечить выполнение более 70 обязательных мероприятий по соглашениям, формирующим ЕЭП, в соответствии с установленными в них конкретными сроками. Характерно, что рубеж 2015 года определен главой российского правительства В. В. Путиным как начало функционирования Евразийского союза². Другими словами, решение текущих задач по реализации ЕЭП должно осуществляться параллельно с достижением стратегических ориентиров по созданию более широкого и разнообразного по составу интеграционного объединения.

Рентабельность ТС-ЕЭП для России

Вопросы рентабельности ТС-ЕЭП для России как ведущего экономического субъекта интеграционной деятельности определены пока лишь в первом приближении. Вместе с тем курс на сближение рынков товаров, труда и капитала не закрепляет автоматически российских преимуществ. В контексте развития правовой базы интеграционного сближения России целесообразно стремиться к углублению взаимодействия со своими партнерами в отраслях, которые вносят вклад в формирование общего экспортного потенциала ТС и одновременно являются стратегическими для экспортного потенциала Белоруссии, Казахстана и присоединившейся к ним с октября 2011 года Киргизии. В широкой международной торговле для Белоруссии такими отраслями являются: минеральные удобрения, минеральное топливо, нефть и продукты их переработки, древесина, готовые мясные продукты, инструменты, средства наземного транспорта. Для Казахстана в широкой международной торговле имеются благоприятные конкурентные условия для расширения экспортного производства злаков и изделий мукомольно-крупяной промышленности, минерального топлива, нефти и продуктов их переработки, продуктов неорганической химии, черных и цветных металлов. В торговле со странами СНГ такими отраслями являются: для Белоруссии — мясомолочная и пищевая промышленность (особенно кондитерская), энергетическая отрасль (минеральное топливо, нефть и продукты их

¹ Генсек ЕврАзЭС: ЕЭП полноценно заработает через 5 лет. — URL: <http://www.regnum.ru/news/1452817.html-05.10.2011>

² Премьер РФ: Евразийский союз может заработать к 2015 году. — URL: <http://www.regnum.ru/news/1457665.html-19.10.2011>

переработки), химическая промышленность (минеральные удобрения, пластмассы, химические волокна), текстильная промышленность. Для Казахстана — производство злаков и изделий мукомольно-крупяной промышленности, производство алкогольных и безалкогольных напитков, минеральное топливо, нефть и продукты их переработки, производство черных и цветных металлов.

Таким образом, при сближении товарных рынков с партнерами по ТС-ЕЭП перед Россией стоит задача активного создания совместных предприятий в сфере энергетики, сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности. Наименее благоприятной средой для этого процесса остается белорусская экономика, возможности продвижения российского бизнеса в Казахстане выглядят более благоприятными. В то же время необходимо обратить внимание на то, что с момента создания ТС ежемесячные темпы роста экспорта Белоруссии и Казахстана превышали темпы роста российского экспорта как за пределы интеграционного объединения, так и внутри него. Еще одним вопросом, в котором целесообразно укрепить российское экономическое лидерство, является обеспечение динамичного роста инвестиций в основной капитал. В первой половине 2011 года в России он составил только 2,7%, в то время как в среднем по ЕврАзЭС — 3,5%. Характерно, что за тот же период Белоруссии удалось увеличить инвестиции в основной капитал на 27,6%.

Как показывает мировой опыт, экономическая рентабельность интеграционных проектов зависит не только от прямых приобретений, но в не меньшей степени от возможностей рационально организовать многостороннюю среду сотрудничества, обеспечения устойчивого лидерства.

Исходя из объективных характеристик текущей экономической ситуации, Россия располагает благоприятными возможностями для обеспечения лидерства по отношению к Казахстану, Белоруссии и присоединившейся к интеграционному проекту Киргизии. Российские позиции остаются очень прочными не только благодаря тесному взаимодействию с партнерами в сфере ТЭК, но и уровню сотрудничества в сфере транспортных коммуникаций, технических регламентов, инновационных проектов и других практических моментов. При этом двусторонний товарооборот с Россией остается основной несущей конструкцией внешней торговли как ее партнеров по ТС-ЕЭП, так и всех стран постсоветского пространства. Однако для обеспечения рентабельности интеграционных связей России с ее партнерами по ТС-ЕЭП на долговременной основе необходимы дополнительные усилия по развитию экономического сотрудничества между Белоруссией, Казахстаном и Киргизией, а также повышению вклада этих стран в обеспечение региональных позиций ТС-ЕЭП, модернизации их производственного потенциала. Значительную роль в решении этих вопросов призван сыграть российский бизнес.

Возможности и задачи российского бизнеса на интеграционном направлении

Инвестиционная экспансия российского бизнеса в страны ТС-ЕЭП является катализатором формирования единого рынка, реальным «локомотивом» по продвижению принятых на государственном уровне решений. Снятие таможенных барьеров открывает дополнительные возможности, сокращаются

или облегчаются юридические процедуры по оформлению документов, ожидается значительное снижение транспортных издержек. Это — в теории. Но на практике все пока не так гладко.

Во-первых, в таможенном законодательстве ТС содержатся положения, ограничивающие свободу перемещения некоторых товаров. Имеются в виду те, на которые еще не установлены единые ставки ввозных пошлин, а также товары, облагаемые экспортными пошлинами в одном из государств-участников или в отношении которых установлены антидемпинговые, специальные пошлины и другие защитные меры. Во-вторых, свободному перемещению товаров мешает так называемый принцип резидентства, в соответствии с которым компания государства — участника ТС имеет право проводить таможенное оформление товаров только в той стране, где она зарегистрирована.

Бизнес беспокоит неординарное толкование норм Таможенного Кодекса ТС соответствующими службами трех государств. Тем более, что таможенное законодательство является лишь одним из многих правовых регуляторов экономической сферы. Существуют гражданское, валютное законодательство, множество других элементов правоприменительной практики, которые еще не включены в процессы экономической интеграции. Успешное функционирование ТС требует более широкого информирования предпринимателей о возможностях сотрудничества и направлениях, представляющих особый интерес для координации усилий.

Не преодолены «разночтения» в определении механизмов госзакупок, ценообразования, правил борьбы с контрафактом, железнодорожных тарифов, объемов государственной поддержки сельского хозяйства, регулирования ввоза транспортных средств и других аспектов экономической деятельности. Немало и других, более комплексных и пока не решенных проблем.

Для крупного российского бизнеса наиболее интересными направлениями являются добыча и транспортировка углеводородов, энергетика, телекоммуникации, машиностроение, транспорт, банковский сектор, сельское хозяйство. В качестве перспективных направлений интеграционного сотрудничества могут быть рассмотрены взаимодействие в металлургии, специализированных отраслях ТЭК, ВПК, самолетостроении, судостроении, атомном машиностроении, производстве машиностроительной продукции массового назначения, химической промышленности, углубление сотрудничества в области разработки высоких технологий.

Средний и малый бизнес заинтересован во взаимодействии в области информационных технологий (ИТ), банковской и страховой деятельности, торговле.

Разумеется, как в Белоруссии, так и в Казахстане свои реалии ведения бизнеса — свое национальное законодательство, иные традиции его применения на практике.

Экономика Белоруссии на данном этапе нуждается в радикальных реформах менеджмента. Системный кризис, две девальвации национальной валюты и гиперинфляция, а также поздний отказ от эмиссионной поддержки реального сектора и хронический дефицит внешнего счета текущих операций создают весьма слабые предпосылки для благополучия страны в 2012 году. Ожидаются жесткие структурные реформы и перестройка экономики.

Хотя в целом российский бизнес имеет большие перспективы для продвижения на белорусском рынке, налицо немало препятствий неэкономического свойства. В первую очередь, политические амбиции национальной элиты, которые часто не подкреплены ни экономическими, ни организационными, ни иными реалиями. Негативную роль играет стремление белорусских властей использовать любую внешнюю помощь для реализации своих амбиций при игнорировании реальных экономических оснований сотрудничества. Особенностью рынка является и то, что многие белорусские фирмы предпочитают вести деятельность внутри страны, а расчеты и уплату налогов — за ее пределами, через свои филиалы за границей. В оффшоре ведут свой бизнес многие программисты, строители, транспортники, фирмы, оказывающие образовательные, консалтинговые и переводческие услуги.

Что касается Казахстана, то в его ведущей отрасли — нефтегазовой — реальные масштабы российского присутствия весьма скромные. Более 70% нефтегазовых ресурсов находятся под контролем западных компаний, а уровень китайского присутствия гораздо выше российского. Поскольку российские нефтегазовые компании сосредоточились на «легких проектах», дающих при минимальных инвестициях быструю прибыль, сокращая при этом долгосрочные капиталовложения на геологоразведку и разработку месторождений повышенной сложности, казахстанская сторона стремится ориентироваться на сотрудничество с западными и азиатскими корпорациями, которые обладают современными и эффективными технологиями глубокой переработки углеводородного сырья. Другими словами, России необходимо усилить акцент на проектах по глубокой переработке нефти и газа с получением широкого ассортимента продуктов с высокой нормой добавочной стоимости.

В области транспорта весьма перспективным является участие российских компаний в создании транспортного коридора Западная Европа — Западный Китай. Речь идет о создании современной придорожной инфраструктуры, логистических центров, сети комфортабельных пунктов отдыха, торговли, хранения грузов, создании тысяч рабочих мест, улучшении благосостояния людей, живущих вдоль этой магистрали.

Пока белорусскими и казахстанскими партнерами озвучивается интерес к созданию российским бизнесом совместных предприятий по формированию новых логистических маршрутов на территории всего Таможенного союза. Особое внимание к этому аспекту взаимодействия во многом вызвано заметным увеличением с начала деятельности ТС объемов грузоперевозок по территории Белоруссии и Казахстана.

Очевидно, что по мере формирования ТС будут возникать конфликты интересов отдельных бизнес-групп, которые будут трактоваться всеми заинтересованными сторонами как «межгосударственные противоречия». Большинство возникающих проблем порождены субъективными подходами бизнес-элит, зачастую не имеющих под собой адекватного и объективного представления о реальном положении вещей.

Подобная ситуация потребует согласованных взаимных уступок для достижения взаимовыгодного уровня сотрудничества. Важно, чтобы при обсуждении разногласий превалировал конструктивный подход.

Баланс в расширении географии интеграционных связей

Расширение географии сотрудничества с интеграционными структурами ТС-ЕЭП в той или иной степени интересует многие страны, в том числе дальнего зарубежья. Однако события, аналогичные включению в ТС-ЕЭП Киргизии, являются пока гипотетической перспективой, тем более, что многие представители киргизской элиты продолжают подчеркивать свое неоднозначное отношение к решению президента А. Атамбаева. Ближайшие потенциальные кандидаты в лице стран СНГ, поддержавших в октябре 2011 года создание Зоны свободной торговли (ЗСТ), в частности, Таджикистан и Украина, связывают свое развитие не с фиксацией одного стратегического вектора сотрудничества, а с поступлением внешних ресурсов из нескольких альтернативных источников. Поэтому изменение позиций этих и других вероятных участников ТС-ЕЭП предполагает достижение радикального перелома в настроениях правящих кругов и не менее чем годичный период интенсивной профильной подготовки.

Учитывая, что интеграционный фактор на постсоветском пространстве опирается преимущественно на российский ресурсный потенциал, краткосрочные перспективы расширения ТС-ЕЭП определяются в большей степени не объективными стимулами — заинтересованностью в углублении взаимодополняемости хозяйственных систем, а субъективными — настроениями в среде правящих кругов российских партнеров.

Политические деятели и основные группы влияния различных стран постсоветского пространства по-разному относятся к идее вхождения или взаимодействия с ТС-ЕЭП. Так, политические деятели Украины в основном настроены против вступления страны в ТС, апеллируя к рискам ограничения национального суверенитета и акцентируя ценность участия в рынке ЕС с емкостью в 16 трлн долл., что многократно превышает аналогичный показатель ТС. Отрицательное отношение к вступлению в ТС-ЕЭП, после нескольких месяцев колебаний, сложилось в таджикской элите, а узбекское руководство во главе с президентом И. Каримовым заняло еще более жестко негативную позицию.

Что касается импульсов, инициатив по проведению консультаций, демонстрации заинтересованности в сотрудничестве, исходящих от других стран ближнего и дальнего зарубежья, то их реальные результаты определяются, скорее всего, через три-четыре года.

В целом, сбалансированное расширение географии интеграционных связей ТС-ЕЭП опосредуется политическим выбором в пользу ориентации на интенсивный (расширение только за счет стран-членов ЕврАзЭС) или экстенсивный вариант, ключевым элементом которого станет вовлеченность Украины. Однако общими для обоих гипотетических сценариев положениями выступают: отказ от форсирования переговоров о вступлении в ТС-ЕЭП со странами — потенциальными партнерами по расширению интеграционной группировки, внедрение на всей таможенной территории унифицированной транспортно-логистической системы с учетом передового международного опыта, содействие оптимизации инвестиционного климата и условий ведения бизнеса в странах-партнерах, дополнительное внимание расширению возможностей на уровне не только крупного, но также среднего предпринимательства.

Интеграционное развитие в условиях многовекторности

Становление системы интеграционных связей происходит на фоне диверсификации интересов государств-участников. Наиболее наглядным проявлением многовекторности стало изменение архитектуры внешнеторгового взаимодействия на постсоветском пространстве, в том числе в рамках ЕврАзЭС, отход от моноцентричной системы партнерства в сфере экспорта и импорта³.

Тем не менее, современная ситуация не создает условий для радикальной переориентации взаимных связей между странами-партнерами по ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП. Характерно, что в период мирового экономического кризиса параметры стоимостных объемов экспортно-импортных потоков стран-участников ТС-ЕЭП и ЕврАзЭС внутри интеграционного формата и за его пределами лишь в отдельных случаях (таджикское и отчасти киргизское направления) претерпели значимые изменения.

Развитие основных интеграционных форматов опирается не только на масштабы взаимных торговых обменов между странами-членами, но и на их взаимодополняемость. Это качество позволяет решать многие вопросы интеграционного развития, в том числе смягчать последствия для национальных хозяйственных систем — Белоруссии, Киргизии и Таджикистана, их хронически отрицательного сальдо во внешней торговле за пределами постсоветского пространства.

Многовекторное экономическое сотрудничество стран-участников ТС-ЕЭП не создает в среднесрочной перспективе реальных предпосылок для разрушения системы интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве. Хотя оно усиливает конкуренцию между групповыми экономическими интересами на уровне правящих кругов в каждой из стран-партнеров, не менее важным, замедляющим объединительные тенденции обстоятельством является неустойчивость включения российских партнеров в широкое международное разделение труда. Внешнеторговое сотрудничество Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана за пределами постсоветского пространства носит ограниченный характер и не в полной мере подкреплено прочными двусторонними связями с крупными контрагентами.

Кроме того, современная многовекторность ориентирует на целесообразность активизации сотрудничества российских партнеров с их региональным окружением, причем не только на постсоветском пространстве, но по отдельным позициям и за его пределами.

В целом, предпосылки появления достаточно сильных центров альтернативного, по сравнению с нынешней архитектурой притяжения интересов участников ЕврАзЭС-ТС-ЕЭП, отсутствуют. Рост значимости внешнего векто-

³ На современном этапе величина товарооборота со странами мира за пределами постсоветского пространства у трех участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП — Казахстана, России и Таджикистана превышает величину товарооборота с партнерами по интеграционному процессу (приблизительно 74, 86 и 53% соответственно) и только у Белоруссии и Киргизии этот товарооборот составляет относительно меньшую долю во внешнеторговом взаимодействии (примерно 45 и 48 % соответственно). Значимость многовекторности международного экономического сотрудничества стран-участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП еще более наглядно проявляется в контексте сравнения величины экспортно-импортных потоков, которые сложились между ними, другими странами СНГ и широкой международной средой.

ра для российских партнеров за счет развития экономического сотрудничества с ближайшим региональным окружением, в том числе и с Китаем, в среднесрочной перспективе ограничен номенклатурой товарообмена и недостаточными по объему инвестициями (Иран, Турция), а в случае с Китаем — его политикой пошагового продвижения своих интересов. В настоящее время уровень китайского экономического присутствия, даже в наиболее открытых для него экономиках Таджикистана и Киргизии, недостаточен для достижения в среднесрочной перспективе решающего влияния.

Однако необходимо подчеркнуть, что объективные экономические вызовы многовекторности, отражающие недостаток ее упорядоченности, фрагментарность и отсутствие значительного вклада в развитие экономического сотрудничества стран ТС-ЕЭП с ближайшим региональным окружением, в ближайшее время непреодолимы. Тем не менее, именно в этой области идет накопление потенциальных, особенно в зоне Центральной Азии, рисков. Масштабы экономического сотрудничества центральноазиатских стран с Ираном и Турцией заметно уступают китайскому вектору, что в среднесрочной перспективе может привести к дисбалансу системы взаимодействия на восточном фланге ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП.

Перспективы реализации ТС-ЕЭП

Оценка перспектив интеграционного сотрудничества в рамках Таможенного союза (ТС) ЕврАзЭС и Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана, а также Киргизии, в том числе с учетом зарубежного опыта и возможного присоединения новых государств-участников, представляет значительный интерес с точки зрения тактических и стратегических задач российской политики. Без экономической интеграции с ближайшими соседями, общий рынок которых не уступает по масштабам рынку Европейского Союза, Россия может столкнуться с перспективой дальнейшего подчинения своей экономики сырьевым запросам крупных центров международного влияния. Вместе с тем, интеграционный проект должен обеспечить рентабельность российского лидерства среди государств, хозяйственные системы которых способны функционировать только в условиях массивной внешней поддержки. Еще одним вызовом для российской стороны является многовекторность экономических интересов ее партнеров, которая проецируется на решение конкретных вопросов многостороннего взаимодействия.

Официальные оценки, предполагающие, что за счет интеграционного фактора участники ТС-ЕЭП к 2015 г. получают дополнительно около 15% прироста ВВП, полностью обоснованны. Значительный эффект обусловлен объективными характеристиками системы международного экономического сотрудничества стран-участников ТС ЕврАзЭС и ЕЭП, российское ядро которой обеспечивает стабильное функционирование основных системных связей в пределах среднесрочной перспективы. Тем не менее, достижение намеченных показателей развития интеграционных процессов предполагает ряд конкретных целенаправленных действий по обеспечению высокой поступательной динамики интеграционного взаимодействия.

Речь идет о взвешенном отношении к инициативам по расширению членства в ТС ЕврАзЭС и ЕЭП с учетом политического контекста, противоречий в руководстве потенциальных стран-кандидатов. В этом плане весьма важным является активное позиционирование ТС-ЕЭП как участника широкого экономического сотрудничества на международной арене.

Должны быть интенсифицированы работы по созданию в рамках ТС-ЕЭП единого правового поля хозяйственной деятельности, в котором, наряду с унификацией таможенного законодательства, будет оперативно вводиться унификация валютного, финансового, гражданского регулирования. Пока что законодательно-нормативная база интеграционных процессов существенно отстает от административных решений по упрощению таможенных процедур на внешних границах, а учреждение наднациональных структур не в полной мере решает практические задачи оптимизации условий деятельности бизнеса, прежде всего, российского.

Необходимо совершенствовать систему многовекторного экономического сотрудничества стран-участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП в контексте развития интеграционных процессов между ними. Многовекторность в экономическом плане должна играть большую роль, в частности, как механизм привлечения несырьевых компаний развитых индустриальных стран к модернизации промышленного сектора, активизации экономического сотрудничества центральноазиатских стран с Ираном и Турцией, которое пока заметно уступает китайскому вектору. Важно, что актуальные издержки многовекторности сосредоточены, преимущественно, в сфере политического управления, дифференциации интересов элит, участвующих в распределении государственных доходов.

Благоприятные перспективы и значительный экономический эффект интеграционного сотрудничества в рамках ТС ЕврАзЭС и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана, а также недавно присоединившейся к ним Киргизии, обусловлены объективными характеристиками многостороннего взаимодействия. Однако реализация комплексного интеграционного проекта на постсоветском пространстве, как и движение по траектории Евразийского Союза, решающим образом зависит от политической координации усилий России и ее партнеров, укрепления институциональной составляющей наднационального регулирования объединительных тенденций.

Вячеслав КОЗЛОВ

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

В связи с вступлением 8 декабря 2011 года в законную силу Федерального закона № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», декриминализирован ряд преступлений, в том числе статья 188 УК РФ (Контрабанда), а также существенно изменился статус и процессуальные полномочия таможенных органов как органов дознания.

Поскольку п. 5 ч. 3 ст. 151 УПК РФ признан утратившим силу, таможенные органы, как и другие правоохранительные структуры, лишены права производства предварительного расследования в форме дознания по уголовным делам об экономических преступлениях. Но это не означает, что они лишены также и права производства неотложных следственных действий.

Пунктом 3 части второй статьи 157 УПК РФ предусматривается право производства таможенными органами неотложных следственных действий по шести статьям: 189, 190, 193, 194, 226.1, 229.1 УК РФ, а всего по 17 составам преступлений.

Понятие неотложных следственных действий определено в п. 19 ст. 5 УПК РФ и означает действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно в целях обнаружения и фиксации преступления, а также доказательств незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. При этом срок производства неотложных следственных действий не может превышать 10 суток с момента возбуждения уголовного дела, после чего уголовное дело направляется руководителю следственного органа по подследственности.

Неотложные следственные действия являются факультативным начальным этапом расследования, на котором орган дознания незамедлительно, в недопускающей отлагательства ситуации, вместо следователя возбуждает уголовное дело и выполняет процессуальную и оперативно-розыскную деятельность в целях скорейшего обнаружения и закрепления следов преступления, а также установления лиц его совершивших.

Неотложная ситуация — это всегда внезапное возникновение таких обстоятельств, которые четко указывают на признаки преступления и дают

основания полагать, что любое промедление с проведением возможных процессуальных действий приведет к значительным негативным последствиям в виде: утраты следов преступления; сокрытия лиц его совершивших; сокрытия имущества, подлежащего экспертной оценке; утраты возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Неотложность проведения следственных действий в таможенных органах вызвана тем, что, как правило, преступления выявляются в зонах таможенного контроля, складах временного хранения, железнодорожных составах, водном и воздушном транспорте, автомобильном транспорте и др., в том числе в пути следования товара. При этом обеспечить своевременное прибытие соответствующего следователя на место совершения преступления зачастую бывает крайне затруднительно.

В действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в отличие от существовавшего ранее УПК РСФСР, нет перечня следственных действий, которые можно отнести к неотложным.

В настоящее время действующий УПК РФ не ограничивает орган дознания перечнем неотложных следственных действий. Неотложными могут быть любые следственные действия, выполняемые в безотлагательных следственных обстоятельствах. Невыполнение таких действий, связанных с обнаружением, изъятием и фиксацией доказательств, грозит утратой следов преступления, сокрытием лиц его совершивших и утратой возможности возмещения вреда и возвращения похищенного.

Что касается дознавателя, то он, как должностное лицо органа дознания в таможенных органах, сохраняется, поскольку в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ дознавателем является должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять не только предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, каковыми и являются неотложные следственные действия.

Общая часть Уголовного кодекса РФ расширена за счет новых статей, предусматривающих введение нового вида наказания — принудительных работ. Стало возможным освобождение от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших экономические преступления.

Предусмотрена и возможность отсрочки для больных наркоманией, также впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести в сфере незаконного оборота наркотиков.

К категории преступлений небольшой тяжести отнесены умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание в виде лишения свободы не превышает трех лет, а не двух, как это было предусмотрено в прежней редакции ч. 2 ст. 15 УК РФ.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации декриминализованы такие составы преступлений, как «Клевета» (ст. 129 УК РФ), «Оскорбление» (ст. 130 УК РФ), «Контрабанда» (ст. 188 УК РФ), «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя» (ст. 298 УК РФ).

Данный Закон не только явился причиной начала реформирования правоохранительных подразделений таможенных органов, но и породил ряд проблемных вопросов, требующих скорейшего разрешения.

Нормы законодательства, регулирующие уголовную ответственность за преступления в сфере таможенного дела, значительно изменены.

Действительно, как для таможенных органов, так и для участников внешнеэкономической деятельности важным фактором изменений явилась декриминализация статьи 188 УК РФ, которая 8 декабря 2011 года прекратила свое существование.

Как известно, статья 188 УК РФ состояла из 4 частей, каждая из которых квалифицировала преступные деяния как контрабанду различных категорий преступлений. Например, часть первая предусматривала ответственность за совершение экономической контрабанды. Иногда ее называют «товарной контрабандой». Эта часть полностью декриминализована. Напомню, что она предусматривала уголовную ответственность за перемещение в крупном размере через таможенную территорию Российской Федерации товаров и иных предметов, за исключением запрещенных к свободному обороту, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

Теперь ответственность за перечисленные незаконные деяния может быть только административная. В том числе не наступает уголовная ответственность и за незаконный ввоз и вывоз иностранной валюты или валюты Российской Федерации. Согласно Договору о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза, подписанному в Астане 5 июля 2010 года, ввоз и вывоз физическими лицами наличных денежных средств на сумму, не превышающую в эквиваленте 10 тыс. долл. США, не подлежат декларированию в письменной форме.

Ввоз и вывоз физическими лицами наличных денежных средств на сумму, превышающую в эквиваленте 10 тыс. долл. США, подлежат таможенному декларированию в письменной форме на всю сумму. В случае недекларирования либо недостоверного декларирования физическими лицами иностранной валюты, валюты Российской Федерации, дорожных чеков, либо внешних или внутренних ценных бумаг в документарной форме при перемещении через таможенную границу Таможенного союза на сумму, превышающую в эквиваленте 10 тыс. долл. США, наступает административная ответственность по ст. 16.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в виде штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей. Следует иметь в виду, что при перемещении валюты через Государственную границу Российской Федерации в Республику Беларусь, либо Республику Казахстан, либо в обратном порядке, какого-либо декларирования не требуется, поскольку с этими странами у нас единая таможенная территория.

Ответственность за контрабанду товаров, запрещенных к свободному обороту, в настоящее время предусмотрена ст. 226.1 УК РФ (Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных

веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей) и ст. 229.1 УК РФ (Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ).

Однако диспозиции статей 226.1 и 229.1 УК РФ определяют контрабанду как незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, и не содержат таких контрабандообразующих признаков, которые содержались в ст. 188 УК РФ и о которых сказано выше. Представляется, что применение указанных норм в существующей редакции в правоохранительной практике будет достаточно затруднительным и может привести к необоснованно расширительному толкованию.

Существует также неопределенность применения в практической деятельности ст. 226.1 УК РФ в части определения контрабанды стратегически важных сырьевых товаров и ресурсов. Дело в том, что ответственность за контрабанду таких товаров в указанной статье предусмотрена, а их перечня нет. Получается, что уголовная ответственность предусмотрена, а привлечь лицо, совершившее преступление, нельзя. Согласно примечанию 1 ст. 226.1 перечень стратегически важных сырьевых товаров и ресурсов утверждается Правительством Российской Федерации. Таким образом, ст. 226.1 УК РФ в указанной части будет «работающей» только после утверждения перечня Правительством Российской Федерации.

Статья 194 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, дополнена частями третьей, квалифицирующей аналогичные деяния должностным лицом с использованием своего служебного положения и с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, и четвертой — квалифицирующей деяния, предусмотренные частями второй или третьей указанной статьи, совершенные организованной группой.

Поскольку в примечании к данной статье указано, что уклонение от уплаты таможенных платежей признается совершенным в крупном размере (а следовательно, наступает уголовная ответственность), если сумма неуплаченных таможенных платежей, взимаемых с физического лица, превышает один миллион рублей, с организации — два миллиона рублей, а в особо крупном размере — если сумма неуплаченных таможенных платежей, взимаемых с физического лица, превышает три миллиона рублей, с организации — десять миллионов рублей, то в практической деятельности могут возникнуть

проблемы, связанные с единым подходом к учету и регистрации преступлений, предусмотренных ст. 194 УК РФ.

Так, не исключено, что недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности в целях ухода от уголовной ответственности за совершаемые противоправные деяния будут разбивать товарные партии в рамках одного контракта на более мелкие, в которых сумма подлежащих оплате таможенных платежей является недостаточной для возбуждения уголовного дела. При этом отправителями и получателями товаров по каждому эпизоду могут быть одни и те же лица.

Конечно, в межведомственном приказе от 29 декабря 2005 года «О едином учете преступлений» учитывается как одно продолжаемое преступление, которое складывается из ряда юридически тождественных деяний (действия или бездействия), направленных к единой цели, объединенных единым умыслом, единством объекта посягательства, возможных преступных последствий и квалифицируемых как одно преступление. И, таким образом, представляется возможным возбуждение уголовного дела при наличии указанных признаков при совершении уклонения от уплаты таможенных платежей, если в этом конкретном случае сумма уклонения достигнет предельного минимума, достаточного для квалификации деяния как преступления.

Однако такая правоприменительная практика может сложиться в том случае, если надзорное ведомство, то есть прокуратура, согласится с данными предложениями. Либо по этой проблематике выскажется Верховный суд Российской Федерации.

Наименование статьи 189 УК РФ (Незаконный экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники) и абзац первый после слов «Незаконный экспорт» дополнены словами «из Российской Федерации».

Это обусловлено тем, что изменилось экономическое пространство. Создан Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС, в результате чего вместо таможенной границы Российской Федерации, которая полностью совпадала с Государственной границей Российской Федерации, появилось новое понятие — таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. В части первой указанной статьи слова статьи 188 заменены словами статьи 226.1, поскольку статья 188 УК РФ исключена.

В санкцию частей первой, второй и третьей данной статьи внесен вид наказания — принудительные работы. Кроме того, в санкции части третьей увеличена ответственность с семи до восьми лет лишения свободы.

В статье 190 УК РФ (Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран) санкция также дополнена новым видом наказания — принудительными работами.

В статью 193 УК РФ изменения не внесены. Однако существует отдельный законопроект, предусматривающий изменения в указанную статью, который подготовлен Главным управлением таможенных расследований и дознания

ФТС России и внесен на рассмотрение депутатом, заместителем председателя Комитета по законодательству ГД СФ РФ 5 созыва В. И. Колесниковым.

В пояснительной записке к президентскому проекту Федерального закона его разработчики в обоснование декриминализации «товарной контрабанды» указали, что в странах с развитыми правовыми системами контрабанда товаров, не запрещенных к обороту, не является преступлением. Да, это так. Но вместе с тем в этих странах с развитыми правовыми системами существует уголовная ответственность за совершение контрабанды подакцизных товаров. Кроме того, у нас в стране в массовом порядке осуществляется незаконная вырубка леса, который в дальнейшем, как правило, по поддельным документам экспортируется за рубеж. Причем одними лишь средствами таможенного контроля и мерами по привлечению лиц к административной ответственности с ситуацией вряд ли можно справиться, поскольку вести оперативно-розыскную деятельность по делам об административных правонарушениях Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» запрещено. Почему-то при разработке законопроекта у нас про это не вспомнили. И, видимо, еще придется к этому вернуться. И, возможно, не только к этому. Практика покажет.

Алексей ЗАКВАСИН

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Трудно переоценить геостратегическую важность Черноморского региона (ЧР). На протяжении нескольких веков Причерноморье являлось перекрестком торговых путей европейских и азиатских стран, а проливы Босфор и Дарданеллы, соединяющие Черное море со Средиземным, были источником кровопролитных войн между ведущими мировыми державами. В настоящее время в регионе присутствует множество вызовов и угроз его безопасности. С одной стороны, существуют определенные интеграционные процессы и региональные межгосударственные институты (ОЧЭС, BlackSeaFor), способные разрядить напряженную геополитическую обстановку, с другой — этнополитические проблемы (Нагорно-Карабахский, Югоосетинский, Абхазский, Приднестровский) негативно влияют на военную безопасность региона потенциальной эскалацией вооруженных конфликтов.

Совокупность позитивных и негативных факторов для стратегической безопасности Черноморского региона свидетельствует о том, что современная политика заинтересованных государств не всегда оказывается эффективной и дискуссия о концепции безопасности для Причерноморья по-прежнему актуальна.

В современной научной литературе и публицистике можно выделить две концепции регионального деления территорий государств Черноморского бассейна. В первой — Черноморский регион рассматривают во взаимосвязи с Каспийским, и он носит название Черноморско-Каспийский. Прежде всего, такой подход подтверждается членством в ОЧЭС (Организация Черноморского Экономического Сотрудничества) Азербайджана, имеющего выход к Каспийскому морю, и Армении, расположенной между двумя морями, но не имеющей выхода ни к одному из них. Во второй концепции ученые, главным образом занимающиеся вопросами безопасности, рассматривают регион (или даже субрегион) как единую систему, в который включают территории стран, относящихся к бассейнам Средиземного, Черного и Каспийского морей, тем самым доказывая взаимосвязь различных государств и наличие у них общих проблем.

Известный американский ученый и политик З. Бжезинский, например, рассматривал Черноморский регион в геополитическом единстве со странами Кавказа, Ближнего Востока, Центральной Азией, Персидского залива, называя данное территориальное образование «Евразийскими Балканами»¹.

Важно отметить, что в науке и СМИ употребляется такое понятие, как «Регион Большого Причерноморья» или просто «Большое Причерноморье»². Данный термин является синонимом Черноморского региона.

Российский исследователь О. А. Воркунова оценивает стратегическое положение региона как «пограничье стран западной и восточной цивилизаций в расширенном толковании», аргументируя тем, что «в отличие от буферных зон «пограничье» является географически более устойчивой величиной. Оно условно разделяет Север–Юг и Восток–Запад и является форпостом противостояния богатых и бедных»³. Греческий ученый-международник С. Челак считает, что «Черное море является цивилизационным перекрестком, на котором пересекается влияние православия, ислама, а также усиливается влияние западной политической культуры»⁴.

География ЧР чрезвычайно разнообразна. Регион включает в себя страны Юго-Восточной Европы (Болгария, Румыния), Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан), Украину, Россию и, наконец, Турцию. Данные страны совершенно неоднородны по своей политической и экономической структуре, у них разные внешнеполитические устремления, они являются членами различных межгосударственных объединений. Таким образом, Причерноморье — это регион пересечения различных социально-политических, экономических и культурных систем.

После исчезновения биполярной системы международных отношений борьба за стратегическое превосходство в регионе приобрела новое качество. Распад СССР и окончание холодной войны объективно создали геополитический вакуум в ЧР, который с начала 1990-х годов стал заполняться США, Турцией и частично Ираном. Черноморская политика данных государств была направлена на использование преимуществ ЧР, которые состоят в его важном географическом положении и природных богатствах.

Черное море и его прибрежная территория — важнейший коммуникационный и транспортный узел, через который проходят поставки нефти, газа и других различных товаров (Баку — Тбилиси — Джейхан, танкерные перевозки и пр.). Установление контроля над проливами в Средиземное море и акваторией Черного моря позволило бы осуществлять контроль над легальной и нелегальной международной торговлей в регионе, обладать рычагами влияния на действующие и строящиеся трубопроводы, и, как следствие, — на политику причерноморских государств.

Черноморский регион стоит рассматривать в непосредственной взаимосвязи с Каспийским, так как оба региона фактически образуют единую энергетическую систему: на Каспии ведется добыча углеводородов, а через Черноморский регион — их продажа. Именно энергетический и транзитный факторы являются ключевыми для определения стратегической важности региона. Поэтому за контроль над ЧР ведут борьбу, прежде всего, такие государства, как Россия, Турция, США, частично Румыния, а также политические блоки: НАТО и ЕС.

Известный румынский исследователь Ю. Кифу, говоря о стратегической важности ЧР, прежде всего, затрагивает вопросы запасов нефти в Каспийском море: «запасы Каспийского региона оцениваются в 1,5–2,8% от мировых доказанных запасов нефти, а согласно некоторым прогнозам, общие запасы

нефти в регионе могут достигать показателя в 10% от прогнозируемых мировых запасов»⁵. Тем самым, ученый считает, что Черноморский регион сохраняет свою роль при перспективных поставках энергоносителей из Ирана и Ирака, обладающими вместе, по западным оценкам, подтвержденными запасами нефти и природного газа в 20,5% и 17,5% от мировых⁶. Как следствие, по его мнению, «в обозримом будущем Черноморский регион будет прогнозировано находиться в сфере особого внимания внешних игроков, и в дальнейшем ... этот интерес будет только усиливаться»⁷.

Действительно, энергетический фактор крайне необходим для оценки важности рассматриваемого региона. На сегодняшний день одним из основных источников энергоресурсов для ЕС является Каспийский бассейн, нефть и газ из которого поступает через причерноморские страны. Также колоссальное значение имеет строительство будущих трубопроводов, как запланированные «Набукко» и «Южный поток». Именно поэтому Черноморский регион и политики, и ученые не рассматривают в отдельности от Каспийского.

Стратегическая важность Черноморского региона автоматически означает повышение его военного значения и, соответственно, опасности конфликтов, что заставляет говорить об актуальности построения системы региональной безопасности, зарождение элементов которой наблюдается в последние годы.

Стоит выделить следующие проблемы стратегической безопасности ЧР:

— острые, неразрешенные этнополитические конфликты (Нагорно-Карабахский, Югоосетинский, Абхазский, Приднестровский, проблема курдов и пр.);

— рост военных расходов причерноморских государств, общая региональная милитаризация;

— структурные внутригосударственные социально-экономические проблемы стран ЧР;

— недоразвитость торгово-экономических связей государств региона;

— транснациональная преступность: нелегальная торговля, наркотрафик, торговля людьми и пр.

Этнополитические конфликты в ЧР имеют, как правило, глубокую историю развития и, по сути, продолжаются уже несколько веков. В советское время данные конфликты были искусственно заморожены господством идеи дружбы народов и интернационализмом, а также жесткой вертикалью коммунистической власти, которая не допускала до 1980-х годов проявления любого рода сепаратизма и национализма на территории государства.

Этнополитические конфликты представляют собой наиболее сложную и болезненную проблему. Во-первых, они затрагивают территориальную целостность государств, во-вторых — в такого рода конфликтах колоссальное значение имеет этнонациональный фактор, создающий непреодолимые ментальные, культурные и психологические противоречия между противостоящими сторонами, представителями разных этнических и национальных групп.

Конфликтующие субъекты часто не допускают возможности каких-либо уступок, а порой и вовсе отказываются вести переговоры. Именно поэтому с уверенностью стоит предположить, что нагорно-карабахский, югоосетинский, грузино-абхазский, приднестровский, курдский конфликты можно

классифицировать как антагонистические, то есть конфликты без реального потенциала достижения взаимоприемлемого решения.

Наличие этнополитических конфликтов объективно раскалывает Черноморский регион на коалиции государств, снижая его интеграционный потенциал. В свою очередь, снижение интеграционного потенциала создает барьеры для развития торгово-экономического сотрудничества государств региона, которое к тому же нуждается в диверсификации.

Возможность эскалации вооруженного насилия в этнополитических конфликтах в ЧР вынуждает государства держать достаточно большую армию, постоянно увеличивать военные расходы, чтобы не оказаться неподготовленными к потенциальной агрессии. Общая милитаризация меняет структуру экономик стран региона, уменьшает возможности финансирования других отраслей промышленности, образования, социальной сферы и пр. Ярким примером подобной нерациональной милитаризации является Азербайджан. В 2012 году на военные расходы этой республики планируется потратить 1,8 млрд долл., что составляет около 15% от расходной части бюджета⁸!

Важно отметить отсутствие военно-стратегического паритета между двумя региональными гигантами — РФ и НАТО как одного из ключевых дестабилизирующих факторов. В Североатлантический альянс в качестве полноправных членов входят Турция, Румыния, Болгария; ведутся переговоры о возможном вступлении Грузии (хотя это и маловероятно). Несмотря на смену власти в Украине, отношения между Москвой и Киевом по-прежнему нестабильные. Россия стремится к контролю транзита энергоносителей, поставляемых в Европу; Украина противится вступлению в Таможенный союз, так и не решив ключевые вопросы внешнеполитической ориентации, но, тем не менее, не желая столь прочно связывать себя с Москвой. В любом случае у РФ (за исключением Армении, не имеющей выхода к морю) отсутствуют союзники и стратегические партнеры в регионе, тогда как НАТО, США и Турция являются объективными геополитическими противниками, а отношения с Грузией после событий августа 2008 года испорчены на долгое время вперед.

Учитывая некоторые успехи в региональной кооперации, тем не менее, между странами ЧР существует достаточно низкий уровень торгово-экономических отношений. Данное обстоятельство объясняется, главным образом, структурой и общей неразвитостью экономик региона. Даже страны-члены ЕС (Болгария и Румыния) не могут похвастаться устойчивым экономическим ростом и развитием инновационной экономики. В Турции, несмотря на большой рывок вперед в последние два десятилетия, уровень ВВП на душу населения сравнительно небольшой (13,4 тыс. долл.), существует бюджетный дефицит (14 млрд долл.), а часть сельского населения даже не владеет грамотой⁹. В России суть экономических проблем можно свести к «голландской болезни» — сырьевой структуре экономики. Патологическая зависимость от экспорта продукции добывающей индустрии лишает стимулов развивать отрасли перерабатывающей промышленности и сферу высоких технологий. Подобная проблема существует и в Азербайджане. Украинская экономика может предложить своим черноморским соседям только продукты металлургической промышленности и сельского хозяйства. Реальные перспективы экономического роста таких бедных в ресурсном отношении стран, как Гру-

зия и Армения, крайне туманны. Сфера торгово-экономических взаимоотношений в Причерноморье, в основном, сосредоточена в энергетическом секторе, частично — в туристическом, и стимулы к их диверсификации практически отсутствуют.

Политическая нестабильность на отдельных территориях государств региона, структурные экономические проблемы, неэффективность государственной власти, бедность и прочие негативные факторы способствуют развитию транснациональной преступности: контрабанда, торговля наркотиками и людьми. Предпринимаемые странами ЧР контрмеры носят, как правило, декларативный характер. Нелегальный бизнес для большого количества людей стал постоянным источником дохода; их, как правило, покрывают коррумпированные региональные, а иногда и государственные структуры, не заинтересованные в борьбе с данным видом преступной деятельности.

Перечисленные выше проблемы стратегической безопасности представляют собой комплекс взаимосвязанных вопросов, решение которых требует системных мер по изменению на национальном и международном уровнях в социально-экономической, политической и правовой сферах. Однако в реальности объективные предпосылки для подобных изменений в ближайшее время не появятся. Противоречия между государствами региона невероятно велики. Турция и Россия, несмотря на дружественные отношения на современном этапе, являются объективными геополитическими соперниками. Оба государства несколько веков позиционируют себя региональными державами, претендующими на лидерство в Причерноморье. Эпоха русско-турецких войн за контроль над регионом закончилась, но геополитические противоречия между странами не изменились. Российско-грузинские отношения, вследствие признания Южной Осетии и Абхазии, оказались испорченными едва ли не на десятилетия. Правительства Румынии и Болгарии нацелены большей частью на сотрудничество с ЕС и НАТО, чем с государствами ЧР. Значительное влияние на стратегическую безопасность Причерноморья продолжает оказывать США (непосредственно и через структуру НАТО).

Попытка государств ЧР взаимодействовать в сфере экономики через ОЧЭС представляется маловероятной по нескольким причинам. В частности, данная организация имеет достаточно широкий состав (12 государств, из которых 6 имеют непосредственный выход к Черному морю) и объединяет слишком разных, порой конфликтующих между собой членов (Сербия и Албания, Россия и Грузия, Армения и Азербайджан), большая часть которых ориентирована на интеграцию в ЕС, не рассматривая многостороннее черноморское экономическое сотрудничество как основной приоритет. Как правило, экономика стран-членов ОЧЭС не отличается стабильным ростом и сбалансированностью развития. В целом, торгово-экономическое сотрудничество в регионе не носит многосторонний характер, страны чаще решают внешнеэкономические вопросы в обход структуры данной организации и имеют налаженные контакты и динамичные торговые отношения в лучшем случае с 2–3 членами ОЧЭС¹⁰.

Другое интеграционное объединение BlackSeaFOR (BlackSeaNavalCooperationTaskGroup, или Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия, созданное в 2001 году и включающее в себя Турцию, Россию, Украи-

ну, Румынию, Болгарию и Грузию¹¹), также не справляется с возложенными на нее задачами в сфере обеспечения военной безопасности и развития военно-морской совместности между столь разными по военному потенциалу государствами-членами. Идея членства в одной организации потенциальных противников провалилась в августе 2008 года. Отдельную трудность в функционировании созданного регионального института внесла инициатива НАТО на Черном море под названием «Активные усилия», целью которой является борьба с терроризмом. В итоге изначально рыхлый механизм BlackSeaFOR (в структуре которого отсутствует штаб-квартира) окончательно потерял перспективу развития из-за глубоких разногласий стран членов (Россия и Грузия) и вмешательства посторонней международной организации (НАТО).

Отсутствие единого гегемона в ЧР и наличие полюсов силы, с одной стороны, создает фундамент для формирования многополярной системы стратегической безопасности, с другой — странам региона вследствие многоакторности и наличия зон конфликтов крайне не просто прийти к взаимовыгодному решению, сформировать стабильно развивающиеся интеграционные институты, которые могут стать залогом взаимозависимости и безопасности причерноморских стран.

В ближайшее время не стоит ожидать нового витка интеграции в ЧР. Болгария и Румыния заняты решениями вопросов дальнейшей интеграции в Европейский Союз, Россия прикладывает активные усилия для формирования таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; у турецкого правительства все более отчетливо проявляется акцент на ближневосточный вектор внешней политики; Украина находится в состоянии выбора между интеграцией в постсоветское или европейское пространство. Таким образом, вопросы черноморской интеграции не являются приоритетными в настоящее время для крупных государств Причерноморья. Скорее всего, это временный процесс, к реализации которого страны региона вернуться, решив наиболее насущные для себя на современном этапе вопросы.

Однако замедление интеграционных процессов не свидетельствует о кризисе стратегической безопасности ЧР. Внимание к этнополитическим конфликтам (главной угрозой мира и безопасности региона) со стороны причерноморских государств и внешних акторов в любом случае не ослабнет, так как их урегулирование не потеряет своей актуальности в долгосрочной перспективе. Вследствие высокой степени антагонизма в этнополитических проблемах ЧР, не стоит ожидать появления «дорожной карты» и окончания роста военных расходов.

Прогресс в разрешении проблем в социально-экономической сфере также представляется туманным. С одной стороны, политические элиты причерноморских стран постоянно ведут риторику о модернизации экономики, развитии демократии, борьбе с бедностью и коррупцией, с другой — в современных условиях практически отсутствуют реальные предпосылки для проведения в жизнь официально декларируемых целей. В целом, руководство стран ЧР, несмотря на структурные экономические проблемы, сложную социальную обстановку, не мотивировано на модернизацию.

Системный характер коррупции политических элит, огромное влияние, которым обладают военные, недостаточно развитое гражданское общество —

все эти фундаментальные факторы, существующие в причерноморских государствах, как минимум, в ближайшем будущем будут являться объективной преградой для решения комплекса политических и социально-экономических проблем в регионе.

Примечания:

¹ *Зажигаев Б.* Большое Причерноморье — ворота в Евразию // Издательский дом CAJCC Press® АВ. — URL: <http://www.ca-c.org/journal/2011-02-rus/09.shtml>

² *Язькова А. А.* Регион Большого Причерноморья: возможности развития сотрудничества и источники противоречий // Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / Под ред. Н. П. Шмелева, В. А. Гусейнова, А. А. Язьковой. — М., 2006. С. 21.

³ *Воркунова О. А.* Средиземноморье — Черноморье — Каспий: «пограничье» в мировой политике // Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / Под ред. Н. П. Шмелева, В. А. Гусейнова, А. А. Язьковой. — М., 2006. С. 78.

⁴ *Челак С.* Формирование черноморской региональной идентичности // Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / Под ред. Н. П. Шмелева, В. А. Гусейнова, А. А. Язьковой. — М., 2006. С. 50.

⁵ *Кифу Ю.* Большое Причерноморье в поисках концепции стратегической безопасности // Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / Под ред. Н. П. Шмелева, В. А. Гусейнова, А. А. Язьковой. — М., 2006. С. 55.

⁶ Там же. С. 55.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Военные расходы Азербайджана продолжают расти / Информационный портал «Контакт». — URL: <http://www.contact.az/docs/2011/Politics/101210490ru.htm>

⁹ EconomicOutlookofTurkey / Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции. — URL: <http://www.mfa.gov.tr/prospects-and-recent-developments-in-the-turkish-economy.en.mfa>

¹⁰ *Тассинари Ф.* Синергия черноморской региональной кооперации // Информационный портал Гарвардской программы по безопасности Черного моря. — URL: <http://www.harvard-bssp.org/static/files/243/tassinari.pdf>

¹¹ Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия BLACK-SEAFOR / Информационный сайт «Корабельный портал». — URL: http://www.korabley.net/news/chernomorskaja_voenno_morskaja_gruppa_operativnogo_vzaimodejstvija_blackseafor/2011-04-15-825

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

*В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В. А. Луков**, доктор философских наук, профессор, академик РАО **Л. П. Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П. С. Гуревич**.*

Гуревич П. В ночь с 14 на 15 августа 1947 года над древними бастионами Красного форта в Дели взвился трехцветный флаг. Длительная борьба Ганди против английского колониального владычества завершилась. Маленькому, хрупкому человеку удалось повести за собой миллионы людей. Казалось, никакой Левиафан не мог обрушить этого великого исторического деятеля. В нем жила несокрушимая сила. И в наши дни его имя произносят с таким пиететом, с каким называют святых. Духовный лидер индийской нации Махатма Ганди всю свою жизнь боролся против раздирающих его страну религиозных распрей, против принуждения. Но история оказалась безжалостной. Он сам пал на склоне лет жертвой насилия.

Проблема роли личности в истории не нова для философии. Задолго до Маркса эта тема привлекала многих мыслителей. Кажется неоспоримым, что историю творят вожди, великие личности. В истории древности мы склоняемся перед именами Перикла, Фемистокла, Александра Македонского, Дария, Ксеркса, Конфуция, Юлия Цезаря, Августа, Спартака. Однако философия истории поставила социальную мысль перед иной альтернативой. Не исключено, что в мире правят законы общественного развития. Личность, могущая повлиять на ход событий, случайна. А законы социальной динамики неотвратимы.

Герой рассказа Марка Твена «Путешествие капитана Стормфилда на небеса» всю жизнь мечтал стать великим полководцем. Но его мечта осталась нереализованной. Уже на неземном свете он просит ангела показать ему самого великого военачальника. Но тот объясняет, что на небесах многие из людей, порой нам даже неизвестных, из породы башмачников, коновалов, точильщиков, простолюдинов, которые за всю свою жизнь не держали в руках меча и не сделали ни одного выстрела, в душе были великими воителя-

ми. Здесь они по праву занимают свое место, а Цезарь, Наполеон и Александр Македонский вынуждены отойти на задний план. Величайшим военным гением, иронизирует Марк Твен, был каменщик из-под Бостона. Где бы он ни появлялся, туда моментально сбегались толпы. Но сколько раз он при жизни не пытался записаться в армию рядовым, его не брали, поскольку у него не хватало двух больших пальцев и двух передних зубов. Теперь Цезарь, Ганнибал, Александр и Наполеон служат под его началом...

Выходит, мало кому из достойных удается оставить след в истории. Из логики ироничного рассказа М.Твена следует и другая мысль: далеко не всегда те, что вели за собой народы, были самыми достойными.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Может ли личность оказать мощное воздействие на судьбу страны или мира?

2. Какие законы действуют в истории?

3. Как можно объяснить феномен десакрализации власти в современном мире? На кого сегодня может уповать российский народ?

1. Может ли личность оказать мощное воздействие на судьбу страны или мира?

Буева Л. Тема личности в истории не относится к числу новых, неожиданных. Новейшая история располагает богатейшим материалом по сравнению с тем, которым владел, к примеру, Георг Гегель или русский философ Петр Лавров. Мы знаем имена современных властителей, которые оказали немалое влияние на историю. Но нам известны и исторические злодеи, чью погибель, по Пушкину, можно было встретить «с жестокой радостью». Сравним для начала героизацию личности в истории, которая одушевляла социальную философию, и горькое разочарование при осмыслении темы тирании, деспотизма, а также несменяемости власти. Мы располагаем сегодня солидным опытом, который свидетельствует о негативном воздействии личности на историю. По крайней мере, нам приходится сегодня спорить, можно ли считать Сталина гением социальных достижений. Мы ощущаем также, что уход в небытие крупных восточных вождей не позволяет дать их деятельности однозначную оценку.

Луков В. Да, вопрос, разумеется, риторический. Ответ не вызывает сомнений. Об этом сказано и написано так много, что понятна и ирония Марка Твена. Сатирик шутит по поводу незаменимости властителей, полководцев.

Гуревич П. Не кажется ли вам все же, что в данном случае тема личности в истории обретает неожиданный поворот? Герой, спаситель отечества традиционно в социальной философии воспринимался как желанный небожитель. Обозначим это так: роль неотвратимой личности в истории.

Буева Л. Мне кажется, есть еще одна черта, которая характеризует тему, как она звучит в наши дни. Ее можно назвать так — «судьба диктаторов». Ни Гегель, ни Михайловский, ни Бердяев не обсуждали эту тему в полном объеме. Мучители на троне считались коварной шуткой рока. Конечно, самовластных злодеев в истории хватало. Но сегодня они все, что называется, на

виду. Американский журнал «Тайм» составил даже рейтинг десяти пошатнувшихся диктаторов. Внутри этой десятки они расставлены по убывающей опасности падения. Первым стоит президент Египта Хосни Мубарак, уже объявивший о своем уходе. Тотальный триумф демократии и целый парад самодержцев. Все пишут о том, что судьба любого диктатора, Каддафи ли, Мубарака или Пиночета, одинакова. Однако не похоже, что век «вечных полководцев» уходит.

Луков В. Даже и в том смысле, что история переосмысливается и переписывается, еще не став такой давней, чтобы и свидетелей не было. Вот только что сообщили, что в Чили министр образования одобрил решение Национального совета по образованию не называть дальше Аугусто Пиночета диктатором и дал указание школам так излагать историю страны с 1973 по 1990 год, чтобы эти времена назывались не диктатурой, а «военным режимом». Соответственно меняются и школьные учебники: в стране не было диктатуры. Как это знакомо! Ключевые фигуры новейшей истории многократно приобретают и теряют свои узнаваемые черты. И роль СМИ и системы образования в этих переменах мнений огромна. Современнику событий в отношении великих людей довольно часто остается придерживаться правила Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим».

Гуревич П. Толпа свергает властителя. Но вопрос: чего хочет толпа? Оказывается, она хочет вождя. Не случайно Бердяев назвал демократию «человекообожествлением». Он писал также о различии рыцарей духа и плебеев. Александр Блок, напротив, славил бунт, мятеж, революцию. А как иначе можно свести исторические счеты? Как вернуть утраченный ритм историческому Провидению? Французский философ Жозеф де Местр считал революцию провиденциальной, ниспосланной за грехи прошлого.

Буева Л. «Рыцари духа» — они же герои истории. Между прочим, когда социальные философы затрагивают тему личности в общественных процессах, они говорят обычно о политиках, государях, императорах, королях. Духовные вожди, как правило, остаются за пределами темы. Однако это несправедливо. Вот что пишет, к примеру, канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол о Вольтере: «Сейчас трудно определить силу воздействия Вольтера на современное ему общество. Он был самой знаменитой личностью XVIII века. Хотя он не был ни философом, ни создателем цельной философской школы, именно ему было суждено определить направление развития всего XIX века».

Луков В. Для России это особенно характерная черта. Пушкин стал «нашим всем» и был оскорблен пожалованным ему званием камер-юнкера двора Его Императорского Величества — самым низшим в придворной иерархии. Уход и смерть на станции Астапово Льва Толстого стали важнейшим событием дореволюционной России. Паустовский описал, как он, тогда киевский гимназист, встретил эту весть. Позвольте, процитирую его хотя бы во фрагментах, настолько это выразительные строки. «Вот в такой день пани Козловская открыла дверь на звонок почтальона, взяла газету, охнула и засеменила ко мне в комнату. «Костик, — сказала она, — несчастье с графом Толстым!» Я вскочил, выхватил у нее газету, пахнущую керосином, и начал читать первые телеграммы об уходе Толстого... Два или три дня занятия в

гимназии шли кое-как. Потом таким же промозглым утром я увидел экстренные выпуски газет с траурной каймой, растерянных людей на улицах, толпы студентов около университета. Они стояли молча. На рукавах шинелей у всех студентов были креповые черные повязки. Незнакомый студент приколот мне на мою серую шинель черную повязку. Я пошел в гимназию. Казачьи разъезды медленно проезжали вдоль тротуаров. Во дворах стояли кучками городовые. По дороге я догнал своих товарищей по классу — у всех, как и у меня, были траурные повязки. В раздевалке мы откололи эти повязки от шинелей и надели на рукава курток. В гимназии было особенно тихо. Даже малыши не шумели».

Даже малыши не шумели — так в далеком Киеве скорбели по ушедшему из жизни Толстому, совсем не полководцу, да еще отлученному от церкви. А казалось бы — что он Гекубе, что ему Гекуба? Почему народ реагирует на своих властителей так по-разному — от глубочайшего почтения до глубочайшего презрения? Очевидно, здесь дело не столько в самой фигуре великого человека, сколько в том его соединении с народом, когда народ осознает сам себя как что-то общее и ценное, и у этой ценности возникает человеческое лицо — лицо великого человека.

Буева Л. Все вроде так. Но совсем недавно один из видных православных деятелей отозвался о Толстом весьма нелицеприятно. Даже к духовным вождям отношение не только меняется, но остается крайне противоречивым. Что же тогда говорить о политиках или государственных деятелях? В годовщину отмены крепостного права в России о Петре Столыпине было написано много восторженного. Но ведь нашлись ученые, которые поставили перед собой задачу развенчать этого реформатора, доказать, что именно его деятельность привела к искривлению российской истории.

Гуревич П. И все-таки нельзя не увидеть, что социальные философы, обращаясь к теме нашего обсуждения, имели в виду отнюдь не духовных лидеров, а государственных деятелей. Не кроется ли здесь определенная опасность для понимания самой проблемы? Когда мы говорим о духовном вожде, мы имеем в виду, прежде всего, этический смысл. Но при оценке государственного героя мы склонны основное внимание уделять «полезности» его усилий. И в этом случае нравственная оценка, по сути дела, растворяется.

Луков В. Разумеется, здесь возникают уже иные мотивы. Ужасаемся ломке традиций, которую произвел Петр I, но воздаем ему должное: не будь этих преобразований, что стало бы с Россией? То же самое нетрудно увидеть и при анализе деятельности Столыпина. На первом месте сюжеты целесообразности, борьбы с отсталостью, косностью. Но оправдана ли с нравственной точки зрения ломка вековых традиций, общинного самосознания? Не аукнулось ли насилие, которое сопровождало реформу не только в виде устранения рабства, но и в желании подстегнуть историю, которое затем оказалось фатальным, непоправимым?

Гуревич П. Мне кажется, только за последнее время социальные философы обратили внимание на роль духовных пророков в истории. Как выглядела бы судьба человечества, не будь в ней Иисуса, Будды, Конфуция или Мухаммеда? Я опираюсь в данном случае на книгу профессора Салама Керимовича Гусейнова «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея

до наших дней». Пушкин сравнил Петра Чаадаева с Периклом: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес». Но в оценке исторической личности могут быть и другие масштабы, глубинные нравственные критерии. У немецкого философа Готхольда Лессинга есть плодотворная идея: человечество возникает тогда, когда эта общность осознается. Без напряженного самосознания никакое единство не создается. Только постепенное осознание духовной одинаковости способствует рождению такого универсального образования, как человечество.

Луков В. И само собой понятно, что здесь не обойтись без определенных стадий, конкретных этапов и реальных властителей дум, через которые эта идентичность осмысливается.

Гуревич П. С этой точки зрения не выглядит архаичным воззрение Лессинга, согласно которому человеческий разум рассматривается как державная сила истории. Мы постоянно соотносим развертывание общемировой цивилизации с развертыванием производительных сил, хозяйственных связей, средств коммуникации или политической воли великих вождей. Но не всегда отдаем себе отчет в том, что эти объективные факторы создают только предпосылки для Вселенской Соборности. Человеческому роду надлежит еще осознать свою общность: к этой мысли мы сейчас привыкаем.

Луков В. Но Лессинг придает огромное значение Провидению. Речь идет о том, что история развивается не только по воле людей. В ней есть божественный план, предначертания Провидения. Людям ведь с давних пор было понятно, что помимо явных и понятных причин в движении событий участвуют некие скрытые факторы, которые на всех языках именовались провидением, роком или судьбой. Зададимся вопросом: в чем разгадка «осевого времени»?

Буева Л. Когда мы бросаем общий взгляд на историю, то, естественно, видятся какие-то более значительные, масштабные повороты событий. Лессинг усматривает своеобразные вехи истории человечества, которые он связывает с тремя религиями — язычеством, иудаизмом и христианством. Каждая из них — этап восхождения человеческого рода. Неизвестно, сколько миллионов лет, рассуждал Лессинг, человеческий разум блуждал бы по ложным путям. Но Богу было угодно придать проблескам человеческой мысли верное направление.

Луков В. Вы, Павел Семенович, хорошо излагаете эти идеи Лессинга в работах по философии культуры, и здесь это как нельзя кстати. Вообще, к фигуре Лессинга в аспекте нашего разговора можно было бы не раз вернуться, он действительно не архаичен.

Гуревич П. Понятно, что Лессинг рассуждает о провиденциальном плане истории. Долгое время историки первое универсальное изменение культуры усматривали в переходе от язычества к христианству. Однако Карл Ясперс предложил рассмотреть более раннее событие в истории человечества, которое он назвал осевым временем. Ось мировой истории, по его словам, можно обнаружить только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть. Кажется поразительным, что в течение сравнительно недолгого в масштабах истории периода одновре-

менно произошли кардинальные прорывы в разных точках земного шара. Можно сказать, что случился поворот от племенной, мифологической культуры к подлинной истории человечества.

Луков В. Но Бог, коли верить в него, реализует свои цели через конкретных исторических деятелей. Вот, скажем, древнекитайский философ Конфуций. Он, как реформатор, не был похож ни на одного из подобных деятелей истории. Конфуций не внес в жизнь своего народа ничего нового, что было бы плодом его внутренней умственной и духовной работы. Все, о чем он учил и что проповедовал, было раньше возведено древними мудрецами.

Буева Л. И в то же время конфуцианство можно назвать глубочайшим учением о нравственности, которое охватывает весь быт китайского народа, весь его образ жизни, его духовное состояние, весь государственный строй. Не случайно нынешние лидеры Китая стремятся возродить конфуцианство в его современном варианте. Вот пример великой роли личности в истории!

Луков В. Собственно, и другие духовные реформаторы, ставшие подлинными учителями человечества, не придумывали новое, а внимательно наблюдали за повседневными отношениями людей и соизмеряли их с идеалом, который виделся им достижимым. Они дали импульс миллиардам людей считать, что этот идеал достижим при соединении веры и деяния — высокой веры и достойного деяния.

Гуревич П. Имена Конфуция, Будды, Моисея, Иисуса Христа, Мухаммеда, а из более близких нам времен — здесь уместно назвать Махатмы Ганди. Как оценивать роль духовных реформаторов, ясно. Но как судить об историческом значении императоров, королей, полководцев? Здесь сразу возникает множество критериев и социальных подходов. Бальзак писал: «По существу существуют два вида власти — власть от народа, снизу, которая называется демократия, и власть сверху, от Бога, которая называется монархия. Вторая система власти мне ближе».

Буева Л. Французский писатель по существу развивает тему сакральной власти. Монарх, полководец могут пренебрегать интересами народа, мало заботиться о благосостоянии людей. Но при этом блистательно решать исторические задачи.

Луков В. Пушкин восторгался гением Петра, который Россию поднял на дыбы. А Бердяев полагал, что император изнасиловал женственную душу русского народа. Часть людей в России вообще считали его антихристом. Русская интеллигенция, подчеркивал философ, целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался, мол, непреодоленным и привел к страшной катастрофе — к падению России как великого государства.

Гуревич П. Пока мы рассуждаем о первой части поставленного вопроса. Да, в восемнадцатом веке люди, занимавшиеся философией истории, все сводили к сознательной деятельности личностей. Как известно, об этом писал Плеханов. Он иронизировал над сочинениями французского мыслителя Габриэля Мабли, который рассуждал о том, что критский царь и законодатель Минос целиком создал социально-политическую жизнь и нравы критян, а законодатель и политик древней Спарты Ликург оказал подобную же услугу Спарте. Если спартанцы «презирали» материальное богатство, то этим они

обязаны были именно Ликургу, который «спустился, так сказать, на дно сердца своих сограждан и подавил там зародыш любви к богатствам». А если спартанцы покинули впоследствии путь, указанный им мудрым Ликургом, то в этом виноват был Лизандр, уверивший их в том, что «новые времена и новые обстоятельства требуют от них новых правил и новой политики».

Буева Л. Мы в наши дни заново оцениваем глубинную философскую традицию, которая на протяжении многих веков славилась выдающихся государственных деятелей. Разве речь идет только о Мабли? Поэтизация героя — в сочинениях Сэмюэля Кольриджа. Будучи противником революции, он все же считал, что только герои, пророки, мистики способны радикально повлиять на ход исторических событий. А размышления Петра Лаврова о критически мыслящих личностях, способных изменить вектор истории с помощью революции? Подчеркнем, что идеал будущего он связывал с возможностью аналитически суровой оценки наличного порядка вещей. Он полагал, что творческие личности могут по своему разумению развернуть историю в любую из сторон. Коль скоро они считались главными двигателями человечества, то им принадлежало право создавать новые модели общества и даже реализовать на практике. Но если эти мыслящие деятели оказывались несостоятельными, то они же и должны нести ответственность за собственные провалы. Народ же считался безликой массой, призванной идти за своими лидерами, если даже эти вожди оказывались недостойными руководителями. Понятное дело, что при такой трактовке истории ее осмысление ограничивалось описанием деяний королей, царей, монархов и войнами. Причем с приходом нового суверена историю переписывали заново в угоду новым властителям. И Валерий Андреевич отметил, что эта тенденция не исчезла. И сегодня нередко всю общественную летопись сводят к политической истории.

Луков В. В философских трудах послемарксистского времени об этих социально-философских исканиях было сказано много негативного, разоблачительного. Но ведь действительно великие исторические решения связаны с именами выдающихся политических деятелей. Мы вспоминали на одном из наших обсуждений, как в VI в. до н.э. граждане Афин медленно вступали в полосу кризиса. Город был во власти евпатридов, аристократов по рождению, которые контролировали власть, владели большей частью земель и, пользуясь своей властью, закабалили бедных земледельцев. Когда афиняне столкнулись с разделением общества на бедных и богатых, с экономической нестабильностью и угрозой революции, они в отчаянии призвали Солона и предоставили ему все полномочия. Придя к власти, Солон своим первым законом упразднил долги, по которым земли изымались у крестьян, и освободил из рабства всех граждан. Если говорить современным языком, то он законодательно утвердил дефолт. Афиняне называли это «страхивание бремени». Но на практике это означало уничтожение долговых обязательств. Освободив как отдельных людей, так и нацию от долговых цепей, он восстановил общественное равновесие. В Афинах вскоре стало расти благосостояние общества, а вместе с тем распространились и демократические идеи.

Буева Л. В прошлом можно найти массу примеров, подтверждающих величие тех или иных общественных начинаний. Прав был Карл Маркс, когда высмеивал авторов, из сочинений которых вытекало, будто в истории дей-

ствуют одни глупцы. Но у этой тенденции есть и свой опасный, негативный аспект. Возникает апология любого государя. В социальной философии мы постоянно встречаемся с такими суждениями: «он дал нам свободу», «он выиграл войну», «он обеспечил рыбок», «он покончил с патриархальностью». Выходит, история — это социальный фон, на котором чудесничают великие вожди. Юный наследник северокорейской власти еще не успел ничего сотворить, как только что был объявлен в своей стране военным гением. Вполне понятно, скажем, стремление Гегеля развенчать эту идею. Ну, хотя бы показать, что в истории действуют люди, которые ставят перед собой цели, что в ней сталкиваются и перекрещиваются их стремления, а в результате этого образуется еще нечто, что не входило в намерения и цели действующих лиц.

Гуревич П. Но при этом, как бы мы ни восхищались властителями, всегда есть основание для самых разноречивых оценок их деятельности. Зачем Наполеон предпринял свои безумные походы в погубившую его даль? И почему Пушкин назвал его самовластительным злодеем? Если полагать, что создание империй — благое историческое предназначение, то Александр Македонский действительно — герой истории. Ему нужно было образовать великую монархию и объединить Восток и Запад. Да ведь и задолго до него в древнем Египте, Ассирии, Вавилоне, Персии возникало устремление к образованию всемирной истории. Но эти исторические цели вызвали огромные жертвы. Монархи бесконечно воевали друг с другом. А это страдания и смерть. В конечном итоге, порой сталкивались имперские амбиции. И вот потрясенный Гамлет произносит:

*Двух тысяч душ, десятков тысяч денег
Не жалко за какой-то сена клоч!
Так в годы внешнего благополучья
Довольство наше постигает смерть
От внутреннего кровоизлиянья.*

Луков В. Но именно так становились реальными таинственные силы истории. Выковывалось единство человечества, шествовало историческое провидение.

Буева Л. Плеханов, захваченный идеей материалистического объяснения истории, низводит легендарную, мудрую личность до случайного фактора. Но исторические примеры внушительны. Генрих IV — величайший король Франции. Невыносимо сложный жизненный путь. В стране бушует гражданская война. Он приходит к власти, когда страна лежит в руинах. Размер государственного долга превышал 348 млн ливров, колоссальная сумма по тем временам. Путем мудрых решений удалось обесценить государственный долг. А через десять лет восстановилось и единство Франции.

Гуревич П. Мало ли примеров? Королева Елизавета I считается самым выдающимся монархом в английской истории. Ее правление характеризуется экономическим подъемом и становлением Англии как первой среди всех морских держав мира. Время ее правления называют «золотым веком Англии», как в связи с расцветом культуры (так называемые «елизаветинцы»: Шекспир, Марлоу, Бэкон и др.), так и с возросшим значением Англии на мировой арене (разгром Непобедимой Армады, Дрейк, Рейли, Ост-Индская кампания).

Луков В. И все же при оценке личности в истории возникает поразительный разброс мнений. Это касается не только результатов деятельности лидеров истории, но и их оценки как личностей.

Гуревич П. Да, хочу привести пример, который меня поразил. О 28-м президенте США мне было известно по работе З. Фрейда, которую он написал совместно с У. Буллитом. Издавая совместный труд, авторы старались определить свое отношение к этому политическому деятелю. Обычно, рассуждает Фрейд, когда автор высказывает свое мнение об исторической личности, он начинает с уверения, будто работа написана без «гнева и пристрастности». Но немецкий психоаналитик сразу заявляет, что личность Вудро Вильсона, с самого начала появления на европейской арене, не вызвала у него симпатии. Зато антипатия становилась со временем сильнее.

Буева Л. Я помню, Фрейда потрясла фраза политика, который, став президентом, заявил: «Богу было угодно, чтобы я стал следующим президентом США. Ни тебе, ни другому смертному не удалось бы помешать этому».

Луков В. Напоминает российские реалии...

Гуревич П. Похоже. Фрейд, анализируя детство президента, а также его личность, все время подчеркивает серьезные невротические реакции, которые тот испытывал и как ребенок, и как руководитель государства. Постепенно осваивая биографический материал, Фрейд стал испытывать и другие чувства к герою своего исследования. Однако это чувство, скорее всего, жалость. Конечно, замысел книги не состоял в том, чтобы показать В. Вильсона патологическим типом. Но что имелось в виду, то и обозначено в книге: «Великие достижения столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга».

Буева Л. Опять недоумки и психопаты.

Гуревич П. Да, но в книге недавно ушедшего из жизни Анатолия Ивановича Уткина Вудро Вильсон не выглядит психопатом. Можно, разумеется, смеяться над самообожанием президента, но ему пришлось возглавлять страну в один из труднейших этапов в развитии США. Труд А. И. Уткина, как отмечено в аннотации, не только подробная биография, написанная детально, как настоящий исторический роман. Это серьезнейшее исследование событий Первой мировой войны и становления нынешней роли США в мировой политике.

Луков В. Кстати, вот что он подчеркивает: «Чтобы понять современный мир, важно обратиться к периоду, когда ведущие трансформации начала XX века только начинались. Без ясного видения первого броска США к мировому могуществу невозможно понять последующую эволюцию крупнейшей державы в XX и XXI веках».

Гуревич П. Вот видите, все знают работу Анатолия Ивановича Уткина, но не все помнят, что писал об американском президенте Фрейд. Да, Анатолий Иванович называет Вудро Вильсона выдающимся государственным деятелем. При нем провинциальная политика США превратилась в мировую. Но именно в эти годы в Соединенных Штатах произошла беспрецедентная концентрация власти. И именно поэтому Вильсону довелось сыграть ключевую роль в формировании нового характера международных отношений.

Буева Л. Мне кажется, тенденциозность Фрейда очевидна. Он сразу ошарашивает сильным заключением: «Глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества, и не только тогда, когда они были знатного происхождения». Фрейд и его соавтор рисуют В. Вильсона нарцисстической личностью. Вильсон искренне удивлялся, почему люди проявляли повышенный интерес к его личности. Он полагал, что наибольший интерес должны вызывать дела политика, а не его личность.

Гуревич П. Мы, замечает А.И. Уткин, исходя из опыта хотя бы последнего столетия, знаем, сколь важен субъективный фактор, насколько велика роль личности в истории. Поэтому автору монографии удастся рассказать о реальных делах президента, не скрывая парадоксальности его натуры. Его характер сложился в постоянной жизненной борьбе. С ранних лет он привык полагаться на себя, на неорганизованность других смотрел отстраненно. Вильсон умел находить выход из почти непреодолимых социальных катаклизмов.

Луков В. Политическая психология в нашей стране только складывается. Хотелось бы, чтобы традиции, заложенные в ней, сохранились. Как много неизученных тем! Речь идет о феномене харизмы, об образах злодеев и героев в истории, о наваждениях толп, о пиаре и манипуляции. Но, разумеется, разработка этих тем важна не только для политической практики, для эффективности политики или для выработки трезвого политического мышления. Политическая психология, как это и показал в свое время З. Фрейд, может в значительной мере обогатить и общую психоаналитическую теорию. Она может раздвинуть горизонты психологического и исторического знания.

2. Какие законы существуют в истории?

Гуревич П. Да, роль личности в истории несомненна. Но мы отвлеклись от мудрой мысли Марка Твена: историческую личность рождают социальные обстоятельства. В полемике с Плехановым, который критикует субъективный подход к истории, не упустить бы на самом деле реальную историческую предопределенность, значимость многих факторов в общественном развитии.

Луков В. Плеханов как раз и выступает против беспредельной вариативности истории. Он не хотел бы видеть историю как процесс, который великие личности растаскивают в разные стороны.

Буева Л. Но он хотел показать, что ход истории предопределен. За спонтанной активностью исторических героев неумолимо просвечивает закономерность. По сути дела, в истории нет выбора. Но это означает, что нет и кумиров. Не будь Петра I, его миссию выполнил бы другой правитель, раз уж назрела историческая надобность.

Гуревич П. Но у известного писателя Фазиля Искандера есть такая мысль: отсутствие выбора возможно лишь как результат выбора, сделанного неверно. Сталкиваясь с вечным круговращением истории, с ее прерывностью и непрерывностью, мы и сегодня хотим установить законы социального развития, обуздать историческую стихию.

Луков В. Известный реформатор Фридрих фон Хайек писал, что история, как и рынок, является процедурой открытия таких фактов, которые не пред-

определены заранее, а потому она в принципе непредсказуема. И шанс человека в истории связан не с открытием законов, а со свободой перешить свою судьбу, выбрав из возможностей набора какую-то одну.

Гуревич П. Разумеется. Но, утверждая монизм истории, Плеханов исходил из марксистского убеждения, согласно которому социальную динамику определяет экономика. Сегодня социальные философы показывают, что любая культурная эпоха предстает перед нами в виде сложного спектра культурных тенденций, стилей, традиций и манифестаций человеческого духа. Если ход истории обусловлен, то личности оказываются простыми «накладными расходами» в этом движении событий. История при этом, можно сказать, теряет человеческое лицо. Ее обнаружения анонимизируются. Хочешь понять историю, изучай конкретные социальные констелляции.

Буева Л. Само собой понятно, это крайность. Такая же, как мельтешение незаурядных лиц в истории.

Гуревич П. Гегель, мы знаем, был категорически против анализа субъективной мотивации великих вождей. По его мнению, незачем выявлять мотивы поступков и деяний властителей, поскольку они обусловлены историей, ее запросами. Немецкий философ не согласен с теми исследователями, которые выводили движение истории из индивидуальных качеств ее действующих лиц. Не стоит, мол, оболящаться мыслью о том, что все исторические подвиги Александра Македонского были вызваны его личной страстью к завоеваниям. Это позволило будто бы ему сначала захватить часть Греции, а затем и Азии. Не резонно, согласно Гегелю, искать благородные мотивы в деятельности Наполеона. Он, дескать, просто страдал властолюбием, амбициозностью, и поэтому выполнил некие исторические задачи.

Луков В. А Гегель-то прав. Какой смысл сводить реформаторскую деятельность Петра к результатам его вспыльчивого характера, болезненным обнаружениям духа? Впал, мол, в депрессию и решил прорубить окно в Европу. Раз мы заговорили о законах истории, то нам стоит исходить из того, что люди, проживающие эту историю, ее, можно сказать, носители, оказывают на нее не одно и то же воздействие. Польский социолог Петр Штомпка, обобщая эти различия, выделяет три группы людей. Первая включает обычных людей, тех самых, которые едят, пьют, разговаривают, работают. Вторая — это собрание исключительных людей. Исключительных — благодаря их личным качествам — знаниям, таланту, силе, хитрости, харизме и т. д. Они действуют в интересах других людей или манипулируют ими, подавляют их. В третьей группе оказываются люди, занимающие позиции, которые обеспечивают им особые полномочия: правители, законодатели, менеджеры, полицейские и т. д. Лишь иногда среди них есть те, кто может быть отнесен и во вторую группу (Петр I, например), но полномочий бывает достаточно, чтобы решения даже заурядного человека могли повлиять на ход событий. На ход событий — хочу подчеркнуть, — а не на историю. Ее-то и определяют, в конечном счете, те самые обычные люди, которые едят, пьют, разговаривают, работают. Только в этих пределах и реализует себя великая личность.

Буева Л. Интересно было бы посчитать, сколько таких «великих» было в истории.

Луков В. Трудная задача со многими неизвестными, хотя касается людей известных. В свое время вычислить долю великих людей в общем числе жителей попытался Вернер Зомбарт, немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры. Путь его расчетов был таков: он разделил число жителей за исторически известный период на число лиц, оставшихся в истории. По его расчетам, со времен Перикла до 1850–1870-х годов число жителей на Земле составило около 46 млрд. человек, а «великих» — около 1 млн человек. Из этого следует, что один «великий» приходится на 450 тыс. человек. Численность населения России на 2011 год — 142,9 млн человек. Значит, если верить Зомбарту, у нас 317 «великих» есть в наличии. А мест в Госдуме 450 — всем бы хватило. Но вся загвоздка в том, что «великие» не разбросаны равномерно на каком-то пространстве, заполненном однородной людской массой. Закономерность как раз и состоит в том, что это не статистическая величина, «великого» человека призывает великое дело. Это касается любой области. Вот научные открытия — и здесь видим, как при достижении определенного культурного и технологического уровня открытия начинают сыпаться, как из рога изобилия. В такие времена полно случайных открытий, имеющих большое значение для человечества. В 1879 году химик Константин Фальберг не вымыл руки после одного из опытов. Итог — создание сахарина, заменившего сахар. Физик Анри Беккерель в 1896 году не провел опыт с ураном из-за пасмурного дня и спрятал оборудование в темный ящик. Итог — открытие радиоактивности. Микробиолог Александр Флеминг, уезжая в 1928 году в отпуск, случайно не убрал рабочий стол. Итог — открытие пенициллина. Открытия идут иногда чередой, но только в результате того, что они подготовлены даже не только развитием науки — всем жизненным устройством и переустройством.

Буева Л. В политике, наверное, случайно не убранный стол не имеет большого значения.

Луков В. Это как сказать! Вспомним Эжена Скриба, пьеса которого «Стакан воды» не теряет своей актуальности уже больше полутора веков. У пьесы, между прочим, название длиннее, чем пишут в театральных афишах: «Стакан воды, или Причины и следствия». А в пропущенном — как раз авторская идея. Главный персонаж скрибовской пьесы — виконт Болингброк дает очень яркую характеристику «теории малых причин»: «Никогда не надо пренебрегать маленькими величинами, потому что через них мы приходим к большим. Вы полагаете, вероятно, как, впрочем, и большинство людей, что политические катастрофы, революции, падения империй вызываются серьезными, глубокими и важными причинами... Ошибка! Герои, великие люди покоряют государства и руководят ими; но сами они, эти великие люди, находятся во власти своих страстей, своих прихотей, своего тщеславия, то есть самых мелких и самых жалких человеческих чувств». Болингброк добавляет пример из личного опыта: «...я стал министром потому, что умел хорошо танцевать сарабанду, и перестал им быть потому, что схватил насморк». И, наконец, политическая рекомендация Болингброка: «Талант вовсе не в том, чтобы соперничать с провидением и выдумывать события, а в том, чтобы уметь ими пользоваться. Чем ничтожнее они, тем, на мой взгляд, они важнее. Великие следствия малых причин!.. Вот моя система!».

К этому можно добавить, что «великий человек» может сознавать значение своей деятельности как деятельности исторически значимой, а может и не сознавать. Колумб делал свое дело, он не открывал Америку. Маркс, Ленин, Горбачев сознательно меняли мир.

Гуревич П. Вот почему в гуманитарном сознании правомерно царствует сегодня психоистория. Психоисторики считают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории.

Луков В. Но психоистория не предлагает нам вернуться к догегелевским представлениям. Социальная философия в течение нескольких столетий, по сути дела, навязывала нам жесткую альтернативу: либо личность, либо законы истории. Между тем сегодня важно проникнуть вслед за Марксом в сложную диалектику объективных и субъективных факторов. Психоистория сложилась под влиянием идей эго-психологии (Г. Гартман), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурантропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека. На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США.

Буева Л. Получается, что мы в каком-то смысле опять возвращаемся к личностному фактору истории. Конечно, мы теперь гораздо больше знаем о личности, о том, как ее индивидуальные особенности сказываются на историческом процессе. Но ведь еще с большим тщанием психоисторики изучают социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего характерные особенности ее духовной атмосферы.

Луков В. Да, согласен с вами. Продолжая традиции психобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и политики, созданных З. Фрейдом, и биографики К. Ясперса, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к тому, чтобы показать, как отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи.

Гуревич П. Здесь новая постановка вопроса заключается в том, что внутрличностные конфликты великих людей соотносятся не с общим ходом истории, а с социально-психологическими конфликтами времени. Петр не смог бы в силу свойственных ему черт характера поставить Россию на дыбы, если бы культура того времени не отвечала этим запросам. Но это, как говорится, не консонанс, а глубокая драма истории. Недаром русский философ писал о Петре, что законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него.

Луков В. Главной методологической установкой психоистории стал своеобразный принцип, который постулирует принцип психосоциального соотношения интимно-личностных и социально-исторических коллизий. Таким образом, фиксируется важнейший «исторический момент», который определяет судьбы истории.

Буева Л. Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные императивы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. При этом мы часто ока-

зываемся свидетелями конфликтов между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и массовом уровне.

Гуревич П. Вот видите, социально-политическая история часто не получила адекватного объяснения. Однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение. Психоисторический метод часто называют генетическим, поскольку он подчеркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени. Они показывают, как социальные травмы — война, голод, экономические кризисы, эпидемии — отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства.

Луков В. Мне кажется, что Маркс был близок к такой методологии. Хочу в этой связи напомнить блестящую работу Эриха Соловьева «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса».

Буева Л. Да, я тоже хотела напомнить о ней. Ведь известная парадоксальность этого исследования состоит в том, что она показывает изнанку нашей проблемы.

Луков В. Да, в ней речь идет о том, как рождается психологическая фикция «великой личности». Фридрих Энгельс, обращаясь к работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», описывает исходную задачу, с которой столкнулся ее автор. Следовало объяснить государственный переворот, героем которого оказалась Луи Бонапарт — личность, абсолютно не соизмеримая с действительным историческим масштабом этого переворота и его значением для судеб страны.

Гуревич П. Я помню это исследование Эриха Соловьева. Оно действительно ставит психоисторические проблемы. Было бы наивно полагать, будто Маркс рассказывает о человеке, который, не имея оснований, претендует на роль великой личности в истории. С точки зрения домарксистской социальной философии, такой политик не мог иметь успеха, и был бы обречен. Но Эрих Соловьев, следуя Марксу, задается вопросом: как могло случиться, что человек с редуцированной личностью оказался победителем в напряженнейшей политической борьбе, которая, казалось бы, должна была требовать максимального развития личностных качеств?

Буева Л. Одним словом, для Маркса это не проблема случайности в истории. Общественно-историческая ситуация анализируется не просто как некое сцепление обстоятельств, но как живое, динамическое переплетение поступков, совершенных реальными субъектами исторического действия. Эрих Соловьев подчеркивает, что в этот анализ включаются такие специфические личностные характеристики, как самосознание, иллюзии, установки, эмоции. Судьбы классов рассматриваются поэтому в категориях трагедии и фарса, убежденности и цинизма, чести и бесчестия.

Гуревич П. Это экзистенциальный аспект проблемы. А психологический ее инвариант в том, что Луи-Наполеон воспринимался массами через призму другого героя истории — Наполеона. Социальная философия показывает,

какую огромную роль в истории играют психологические фикции, образы харизматических героев и их девальвированные копии.

Луков В. Однако в психоисторических исследованиях тема исторической безответственности, личной паранойи, преступного нарциссизма рассматривается как важный фактор, влияющий на судьбы мира. Работа Эрика Эриксона, посвященная фигуре Мартина Лютера, позволяет увидеть историю через причуды психопатологической судьбы.

Буева Л. Но ведь судьба Лютера в чем-то обычная. Но в ней — провозвестие исторической драмы. Поначалу все как у людей. Мартин Лютер был честолюбивым сыном честолюбивого отца, горнорабочего, все помыслы которого были направлены на то, чтобы преуспеть в качестве среднего адвоката, и буквально вдалбливал в голову своему сыну эту мысль. Мартин выделялся в школе и хотел изучать юриспруденцию. Но вместо этого он оказался в тяжелом внутреннем кризисе. Под влиянием пережитого во время грозы сильного страха и навеванных им размышлений, к которым его душа была «подготовлена», Мартин решил уйти в монастырь Святого Августина в Эрфурте. Когда он сообщил об этом отцу, тот впал в крайнюю ярость. Он настаивал на том, чтобы молодой Мартин стал адвокатом. Получается, что личная семейная драма оказалась спроецированной на историю.

Гуревич П. Без Лютера не было бы четырех столетий буржуазного общества. Дело даже не в психологических чертах политика или духовного лидера. История, по удачному выражению британского историка Джорджа Коллингвуда, это жизнь самого духа, который является духом лишь в той мере, в какой он живет в историческом процессе и вместе с тем осознает себя самого живой его частью. Лютер восстал против собственного отца и стал нуждаться в силе Бога, чтобы укрепиться в своей позиции.

Луков В. Но можно ли в данном случае говорить только о личности и совпадении исторического запроса? Для психологического мира Лютера важна совесть, но массы могли только верить. Личная вера, о которой он просто сообщал разным людям, оказалась сильнейшей и абсолютной альтернативой схоластической догме. Так Лютер стал выразителем эпохи, которая находилась в движении и развитии.

Буева Л. Сколько еще аналогичных тем. Психоистория получила достаточно быстрое развитие. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Американские специалисты не раз применяли методы культур-антропологии и, в частности, концепцию «модельной личности» к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась также полезной для понимания массовых фантазий и движений, основанных, например, на рабской ненависти.

Луков В. Вообще, за психоисторией или за исторической психологией, что две стороны одной и той же медали, большое будущее. Об этом еще раз мне напоминает только что вышедшая книга нашего ведущего психолога Анатолия Лактионовича Журавлева, возглавляющего Институт психологии РАН, «Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии». Исторической психологии он посвящает целый параграф и отмечает, что в настоящее время ее развитие — явление не рядовое, а крайне важное для развития психологической науки в целом. Он, среди прочего, отмечает тесную связь исторической и социальной психологии. Здесь это важно отметить, поскольку даже когда мы говорим об исследовании личностных качеств вели-

ких людей, нас в первую очередь интересуют те психологические качества, которые способны привлечь массы людей, переконструировать их картины мира, дать импульс к определенному действию.

Буева Л. В этой связи, Павел Семенович, мы можем снова обратиться к фигуре Ганди — вы упомянули его в начале обсуждения, причем в аспекте психоисторической проблемы. И снова вернуться к Эриксону, автору книги «Истина Ганди», в которой отражено проведенное им психобиографическое исследование того, как родились идеи Ганди о непотворении злу насилем (под влиянием Льва Толстого, между прочим). Книгу пока не перевели на русский язык.

Гуревич П. С этим историческим деятелем связано испытание сатяграхи на широком социальном фоне. Давайте подумаем, что мы можем извлечь из этой работы сегодня для оценки российских реалий. Итак, во время ненасильственной конфронтации между тысячами индийских рабочих и владельцами текстильных фабрик Ганди возглавил рабочих. Во время этого противостояния Ганди соблюдал пост. При этом для него важнее всего было подать личный пример, а не заставить владельцев фабрик пойти на уступки, вызвав у них чувство вины или страх перед социальными последствиями в случае его смерти. Он прекрасно понимал, что соблюдение поста из гордости и ради устрашения легко могло стать рычагом власти.

Луков В. Историки справедливо хотят, чтобы психоаналитики больше знали о фактах и методологии истории. А психоаналитики справедливо хотят, чтобы историки, рассуждая о влиятельных личностях, больше знали о психологии. Ибо когда историки отрицают какой-либо интерес к психологии и утверждают, что для объяснения поступков определенного исторического персонажа опираются лишь на «здравый смысл», — не более чем самообман.

Буева Л. Имплицитно это подразумевает, что человек ведет себя, руководствуясь исключительно сознательными мотивами, и не испытывает бессознательных влияний.

Гуревич П. Однако книга о Ганди — это вовсе не патографический портрет индийского лидера. Пытаясь понять эту фигуру, Эриксон задается вопросом: «Что было в нем главным?» А вот что: в Индии, для которой характерны максимальные религиозные и кастовые различия, нашелся человек, сумевший за короткое время соединить и воплотить в себе все идентичности «человека» и начавший разрабатывать метод, с помощью которого, как он надеялся, удастся создать справедливую совместную жизнь, основанную на силе правды.

Луков В. Пример Ганди показывает, что многие острейшие социальные проблемы можно решать без оранжевых революций, без насилия и бунтарства. Но здесь важна роль такого лидера, который мог бы объединить множество идентичностей, множество социальных интересов. Но, разумеется, без политической демагогии и культа абстрактно понимаемой стабильности.

3. Как можно объяснить феномен десакрализации власти? На кого может уповать российский народ?

Гуревич П. Сегодня многие эксперты и политики говорят об исторически значимой деятельности Путина, о его незаменимости. Но все это звучит на фоне резко обозначающейся десакрализации власти. В Интернете можно на-

ткнуться на слова, по сравнению с которыми лозунг «Долой самодержавие!» может показаться интеллигентским всхлипыванием. Говоря о роли личности в истории, социальные философы постоянно наделяли власть священным статусом. Так было всегда, возможно, уже при аграрной стадии развития человечества. Этот феномен мы обнаруживаем во многих культурах. А сегодня?

Буева Л. Феномен десакрализации власти, безусловно, существует. Но, во-первых, у этого процесса есть свои пределы. Здесь важны оттенки. С одной стороны, президент Российской Федерации обладает такой властью, какой не пользовался ни один абсолютный монарх. В этом смысле власть сохраняет обрядовость. Она возвышает правителя над рядовыми политиками, поскольку он обладает правом формировать элиту. Его верховенство опирается на закон. Российская конституция упрочивает абсолютную монархию номенклатурного типа как форму государственного правления. Власть сегодня тоже разнолика. Культ диктатора целиком укладывается в сакральные каноны. Похороны забальзамированного тела Ким Чен Ира — священный акт истории Северной Кореи.

Луков В. Но в чем все-таки суть действительного процесса десакрализации власти? Жизнь властителя, его быт становятся легендами, но они лишены божественного. Газеты рассказывают о том, как никому не известный организатор афроамериканской общины в одном из районов Чикаго стал президентом. Желтая пресса сообщает, что Буш нелепо подавился соевым рогаликом. Из многих достоинств Обамы известно, что он в один миг способен убить муху, хотя от ударов других политиков она может легко уклониться. Мы узнаем, наконец, что Буш был невысокий, белый и туповатый. Обама, напротив, высокий, темнокожий и умный. Буш злоупотреблял алкоголем, Обама — классический трезвенник. Жена гоняла Буша, а Обама — примерный семьянин.

Гуревич П. Но ведь этот процесс начался не сегодня. Сакральность слиняла с европейских правителей в XVIII в. Власть становилась театрализованной. Людовик XIV, по натуре человек простой, изображал великолепие, чтобы укрепить свою власть и ослабить позиции знати. Елизавета I играла роль роскошной, обвешанной с головы до ног драгоценными камнями девственницы, чтобы защитить себя от власти мужчин и самой напрямую осуществлять власть.

Луков В. Вообще, как всякий сложный социальный и культурный феномен, власть обладает многосмысленностью и многоликостью, и в этом плане десакрализация одновременно может сопровождаться сакрализацией, которые в современных тезаурусах оказываются совместимыми без каких-либо переходов и специальных комментариев. Удивительный пример — Наполеон. При жизни властитель с изменчивой судьбой, проигравший войну, повторное возвращение во власть, не являвший пример добродетели ни в чем, пожалуй, разве что в том, что спал 4 часа в сутки. Не красавец, не верный семьянин, не примерный отец семейства, вдобавок узурпатор. И что же? Австрийский поэт барон Иосиф Христиан фон Цедлиц, участник, кстати сказать, антинаполеоновского похода 1809 года, который закончился тем, что Наполеон разбил австрийцев и через месяц уже был в Вене, — так вот, Цедлиц пишет балладу «Ночной смотр», знаменитую у нас в переводе В. А. Жуковского:

*В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом...*

Буева Л. Но это все же сакрализация личности, а не власти как таковой. Когда Мишель Обама пытается обнять на приеме английскую королеву, она нарушает вековые традиции Англии, но сакрализируется не конкретная правительница.

Луков В. Извините... Всегда ли есть различие? Но позвольте досказать о Наполеоне. Ему «армия честь отдает», пароль же, который он сообщает своим маршалам, а те — всей подымающейся из могил армии — «Франция». Стихотворение Пушкин помещает в первом номере своего журнала «Современник», а бывший с Наполеоном партизан Денис Давыдов об этом строчит в письме Жуковскому: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга». Пять лет спустя Цедлиц пишет балладу «Корабль призраков», еще более знаменитую у нас из-за того, что перевел ее М. Ю. Лермонтов. Мертвый император вновь обретает зримый облик:

*Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.
И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.*

Те, кто должны были пылать ненавистью к Наполеону, прославили его, подняли на пьедестал романтического героя. Это совсем не значит, что в этот момент они изменили себе, стали антипатриотами и бонапартистами. Особенность сакрализации состоит в том, что образ способен совершенно оторваться от носителя, начинает жить своей самостоятельной жизнью. Но точно так же действует и десакрализация.

Буева Л. Мы об этом можем размышлять совсем не абстрактно: на наших глазах, а в каких-то моментах при нашем участии, произошла десакрализация советского пантеона героев.

Луков В. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — в первом эшелоне лишенных не то что былого почти обожествления, но и даже признания ума, образованности, профессионализма в областях их деятельности и т. д. Во втором эшелоне — Дзержинский, Горький, Макаренко и многие другие. В переписанных на деньги Сороса учебниках истории совсем другие перечни великих людей и их дел.

Гуревич П. Но десакрализация советской власти — ответ на конкретный исторический этап российской истории, который никак не может быть написан теми красками, какими писался 70 лет.

Луков В. Разумеется, и с годами портрет страны становится более прорисованным и многокрасочным, сегодня — уже и без эйфории ожиданий от демократов новой, более счастливой и справедливой жизни. Но это заметки по ходу обсуждения, остается же главный вопрос...

Буева Л. Да — вопрос о том, феномен десакрализации власти связан с конкретной ситуацией или несет в себе черты устойчивой тенденции в обществе?

Луков В. В одном из комментариев в Интернете к митингу на проспекте Сахарова было написано так: «Нам не нужны политики. Нам нужен обычный КОНТРОЛЕР, который контролирует, как выполняется воля народа. А мы ему за это зарплату платить будем. Слово власть по отношению к чиновникам меня бесит. Тошнит уже от трепета некоторых перед «властью». В этих рассерженных репликах, кроме частной реакции на конкретное событие, можно увидеть и нечто другое. В них приоткрывается то общество, которое социальные философы называли «информационным», а Мигель Кастанельс окрестил «сетевым».

Буева Л. Вы имеете в виду, что митинги собирались с помощью интернет-коммуникаций?

Луков В. И это тоже. Вообще-то в нашей истории это первые столь масштабные применения интернет-коммуникаций в политике. Но о сетевом обществе есть смысл говорить в масштабе глобальных перемен, которые нас ждут. Надо сказать, сетевые отношения были и в античности, и в средние века, и век, и полвека назад. Иными словами, сама организация повседневной жизни всегда имела дело с сетевыми отношениями, где те или иные сообщества реализовали свои задачи и были достаточно автономны. От чего автономны? От других сетей, но также и от властной иерархии. Видимо, надо считать уже прошедшими времена, когда Интернет и компьютерные игры были примерно одним и тем же, а именно способом уйти от повседневной рутины и от необходимости принимать ответственные решения по жизненно важным проблемам. Игры остаются, и зависимость от них по-прежнему рассматривается как психологическая проблема. Но уже говорить, что «потеряться в сети» — значит уйти в виртуальный мир, а в политике, что это форма абсентеизма, вряд ли можно. Напротив, из виртуального мира все настойчивее звучат вызовы миру реальному, и в требовании перемен виртуальный и реальный миры смыкаются, становятся чем-то единым.

Гуревич П. Но в этом соединении реального и виртуального не появляется ли новое свойство власти, замещающее сакральность?

Луков В. Думаю, в этом и гвоздь проблемы. Когда мы говорим о голосе сетей, мы не можем не признавать, что информационное поддержание сетевых отношений предполагает не только их автономию, но и определенный уровень взаимодействия этих автономных фрагментов, некоторый метауровень управления ими. Вполне вероятно, что сетевая активность, проявившаяся в «арабской весне», как называют революционные события, начавшиеся 18 декабря 2010 года в арабском мире и охватившие здесь почти одновременно 20 стран, — так вот сетевая активность совсем не является локальной, то есть раздельно относящейся к революциям в Тунисе, Египте, падению в Ливии режима в результате гражданской войны, восстаниям в Бахрейне, Сирии, Йемене, протестным выступлениям в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко,

Омане, Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Западной Сахаре и т. д. Оставим в стороне влияние космических факторов, хотя без них дело не обошлось. Мы даже можем отодвинуть в сторону фактор работы спецслужб, на время представив, что они ни при чем.

Гуревич П. В этом «очищенном» виде еще более странным становится такой всплеск протестной энергии в странах, где он мог бы возникнуть гораздо раньше или гораздо позже, но, во всяком случае, не одновременно. Вполне вероятно, что информационное общество столкнется с некой внешней могущественной силой, которая в этих событиях уже в потенции есть, а именно с силой ноосферного давления на реальные общества.

Буева Л. Ну, и что об этом свидетельствует?

Луков В. Попробую показать на аналогии. В 1999 году в Нидерландах по телевидению показывали передачу о группе людей, на месяц помещенных под стеклянный купол в аризонской пустыне. Смотрел передачу и некто Джон де Мол из городка Хильверсум, и его «осенило»: он придумал конструкцию реалити-шоу, ставшего известным под названием «Big Brother» («Старший Брат»), иногда переводят дословно «Большой Брат»).

Вначале новый проект был показан на небольшом частном телеканале «Вероника». Там передача сразу завоевала немыслимую популярность. Проект перекупили крупнейшие телевизионные корпорации, и сразу в 27 странах мира были пущены в эфир программы по этой модели. Успех феноменален в денежном измерении: компания «Entertainment» Джона де Мола была у него выкуплена испанской корпорацией «Telefonica» за 5,4 млрд долл.

Буева Л. Но вас, похоже, интересует феноменальный успех «Старшего Брата» в ином аспекте — социальном, воспитательном.

Луков В. Да, что же такого в этом проекте, когда в Великобритании около десяти миллионов молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет приняли участие в рейтинговом голосовании относительно «Старшего Брата» и передач-конкурентов? Вопрос станет еще более интересным, если учесть, что в то же время ожидалось участие молодежи во всеобщих выборах на уровне полутора миллиона человек. «В этом нет ничего удивительного, — утверждает Зигмунд Бауман, — то, что показывается в передаче «Старший Брат», поразительно схоже с жизненным опытом зрителей. Участники программы, двенадцать мужчин и женщин с неизвестным прошлым и туманным будущим, должны провести в обществе друг друга несколько недель, «с нуля» наладив отношения, никоим образом не претендующие на прочность и продолжительность. Они заранее знают, что всем им суждено одному за другим покинуть эту команду, и задача каждого — добиться, чтобы другие сделали это раньше тебя... Если этого не удастся, то тебя исключат те, кого ты пощадил или не смог вовремя вытеснить. На протяжении этого транслируемого по телевидению состязания «не на жизнь, а на смерть» весь остальной мир остается невидимым; ни участники, ни аудитория не знают, откуда поступают продукты или игрушки и кто решает, каким будет следующее испытание. «Старший Брат» становится обобщенным названием этого «внешнего мира», который снова и снова предстает перед зрителями и участниками шоу причудливым и непредсказуемым, преподносящим один сюрприз за другим, при этом никогда не раскрывающим своих карт. И зрителям кажется, что все это они уже

давно подозревали и инстинктивно чувствовали, но лишь не могли составить складного рассказа из разрозненных деталей. Теперь им все ясно. И они могут утешиться: отныне они знают (во всяком случае, им наглядно это продемонстрировали), что невзгоды, казавшиеся им результатом их собственных ошибок или невезения, заложены в самом порядке вещей, что так устроен этот мир». Как оказалось, что придуманная конструкция мира буквально захватила мир?

Буева Л. Здесь-то уж американские спецслужбы вряд ли виноваты.

Луков В. Вот именно. В аспекте нашей темы в «Старшем Брате» с его анонимностью и свойствами демиурга по отношению к простому человеку можно увидеть, как сакральность власти вновь возвращается в общество совсем с другой стороны, а именно не из силовых арсеналов государства. Информационные сети становятся носителями иного типа тотального управления, нежели те, которых опасались Оруэлл, Замятин и другие авторы антиутопий. Это управление идет в новых условиях не из внешнего для человека источника, оно принимает форму самоуправления. Возможно, самоуправляемое общество при нынешних, а тем более будущих информационных возможностях, совершенно иначе поставит и проблему великой личности в истории и освободит политиков от сакральности их деятельности, наделив ею, этой сакральностью, лиц, отождествляемых с великим и могучим «Старшим Братом».

Гуревич П. Мы постоянно повторяем: история не имеет сослагательного наклонения. Между тем, это неверно. Получается, что в истории не было никаких случайностей, развилки. Многие современные эксперты так не думают. Вот Леонид Млечин рассуждает: представьте себе, что в октябре 1917 года в Петербурге не было бы ни Ленина, ни Троцкого, не произошла бы революция. Осенью 1939 года никто не хотел воевать. Кроме одного человека — Гитлера. Если бы он умел рационально мыслить, то не решился бы на войну, которую Германия ни при каких обстоятельствах не могла выиграть. Многие немецкие писатели, к примеру, Альфред Андерш, отвергали всякий фатализм в истории. Они стремились разобраться в тех роковых просчетах национальной Истории, которые принесли неисчислимые бедствия народам Европы и привели саму Германию к сокрушительной катастрофе.

Луков В. На кого же можно уповать в политической жизни? Здесь, вероятно, могут быть самые разные идеи. Например, в Мексике для того, чтобы обеспечить честные и свободные выборы президента, обратились даже к Национальной ассоциации колдунов, уповая на их заклинания. Чего только не встретишь в современном мире, где подорвана власть традиции и каждому приходится создавать, как говорит Юрген Хабермас, полностью индивидуальный жизненный проект, чтобы оставаться самим собой. В этих условиях «объединенным в общество индивидам остается только возможность рискованного самоуправления посредством в высшей степени абстрактной тождественности Я».

Гуревич П. Но тогда и великий человек оказывается не у дел, он не нужен, чтобы поддерживать тождество каждого с его индивидуальным жизненным проектом.

Луков В. Иногда и в самом деле складывается впечатление, что в народе зреет отторжение любого, кто претендует на роль спасителя России. В «Опав-

ших листьях» В. В. Розанова нахожу похожую реакцию вековой давности: «Всею великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся. Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа)». Вполне социологический взгляд. При перекормленности народа обещаниями власти лучших времен и постоянных свидетельств того, что прогресса не намечается, вновь усиливается значение ориентации на фигуру «среднего» человека, от которого ожидается не оригинальность, а эффективное функционирование «на своем месте». В конкретных условиях это действительно ведет к утере значимости «великого человека».

Буева Л. Но это — временное явление?

Луков В. Как сказать... Все-таки, видимо, в современных условиях, когда произвол великого человека в достижении только ему одному ведомой цели перестает быть оправданной стратегией общественного развития, на передний план выступает умение того, кому доверено управлять людьми, страной, улавливать импульсы, идущего от народа, и следовать им. Такая стратегия вполне осуществима, а ныне — более, чем когда-либо в прошлом, в силу новых свойств социума, идущему семимильными шагами к информационному, а значит, к сетевому, обществу.

Гуревич П. Но современная власть абсолютно убеждена в том, что ей одной ведомы веления истории. Она свято верит в то, что никто, кроме нее, не сможет реализовать запросы времени. Одновременно критикуется оппозиция, у которой, как подчеркивается, нет никакой программы. Курьезно, что при этом проблема ЖКХ аранжируется как судьбоносная. Меняется век, преобразуется эпоха, а власть все равно мыслит на уровне совнархозов.

Луков В. В этой связи мне вспоминается мое первое прикосновение к социальной философии, когда в пединституте мы с братом писали студенческую работу по историческому материализму именно на тему о роли личности в истории. Тогда мы натолкнулись на один эпизод в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, который и сегодня не дает покоя своей ясностью и одновременно многозначностью. Эпизод такой: Андрей Болконский находится рядом с Багратионом во время сражения под Шенграбенем, где его отряд должен сковать превосходящие силы французов и обеспечить маневр, спасительный для русской армии. В общем, это смертный бой, когда весь успех зависит от умелого руководства. Но у Толстого это руководство выглядит как-то не так, как принято. Вот это место из романа: «Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и к удивлению замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью».

Буева Л. Тут полно всяких аллюзий.

Луков В. Мне представляется, политический лидер, на которого могла бы уповать страна, должен обладать именно этими качествами в обществе, где авторитарный стиль управления уже не способен дать ожидаемого эффекта, хотя у многих людей именно на такой стиль первых лиц государства есть расчет, есть надежда. Ситуация противоречива, взрывоопасна. От руководителей требуется багратионовский такт (который, возможно, был толстовской идеей, а не свойством реального лица).

Гуревич П. Мне кажется, обсуждение показало, что в традиционной и вечно возобновляемой теме, связанной с ролью личности в истории, немало новейших оттенков. Сколько раз социальная философия обращалась к данной проблеме, изнемогая от непонимания ускользающей логики истории. Неужели в ней царствует случайность? Не выглядит ли история измученной жертвой деспотов, самозванных героев, новоявленных кумиров? Но нет ли в ней и фатальной приговоренности к сизифовым мукам революционных потрясений?

Испанский философ Мигель де Унамуно произнес странные слова: «Господь несуществующий! Услышь в своем небытии мои моления...» Я воспринимаю эту строчку как страстный призыв к Провидению, которое должно все-таки внести осмысленность в исторический процесс. Но в наши дни традиционная тема действительно, как показало наше обсуждение, обрастает новыми смыслами. Половину тысячелетия Европа, которая сама по себе отнюдь не самая значительная часть света, властвовала над миром. Она и сегодня притязает на то, чтобы подарить всему миру частную собственность, информационный прогресс, демократию. Но история демонстрирует тектонические сдвиги, в ходе которых рушатся многовековые традиции. Слетают троны восточных властителей. Возникают новые центры власти, которые не имеют ничего общего с привычным формированием общественного мнения. Роль народа в истории обнаруживается уже не только в неизбежной политизации или пассивном следовании за вождями. Неожиданно обнаруживает себя «упрямство» толп и масс, выражающих иную логику событий. Незримо вызревают новые исторические смыслы. Платону казалось, что рабство оправданно. Русским царям мнилось, что крепостничество неизбежно. Нынешняя знать не сомневается в законности своего процветания. Но сегодня идея справедливости, право каждого человека на прижизненное благоденствие захватывает гигантские массы людей. Солидарность, единомыслие реализуются теперь не через партии, ловко придуманные политтехнологами, не через телевизионные картинки, а окольным путем, в сетевых недрах. Власть же, упоенная конъюнктурными целями, утрачивает историческую зоркость. Ее не убеждают неизбежные крутые виражи общественной динамики.

Марксистов всегда упрекали в том, что они зачарованы общим планом истории, убежденностью в неодолимом разворачивании тех закономерностей, которые открыла социальная философия. Однако сегодня очевидна историческая ответственность властителей. Благодаря психоисторическим исследованиям и социальной практике мы убеждаемся в том, что для любой страны важно, обладает ли ее лидер достаточным умом, зрелостью, совестью и ответственностью перед людьми? Не упоен ли он своей властью, нет ли в его дей-

ствиях обычного человеческого упрямства, гордыни, нарциссизма или других психопатических свойств? Не одержим ли он властной убежденностью в том, что люди не имеют права мешать ему выполнить свою историческую миссию.

Мощной тенденции десакрализации власти противостоит стремление найти новые резоны для ее обожествления. С одной стороны, нередко цитируют слова русского историка В. О. Ключевского, который пришел к выводу: жития святых так же похожи на биографию, как икона на портрет. Мы знаем сегодня, что Александр Невский не более, чем золотой миф средневековья, что другой великий объединитель русских земель Дмитрий Донской был хитрым и беспринципным политиканом. Позолота смывается с кумиров, и они оказываются простыми идолами. Но, с другой стороны, в современных японских школах изучают не фактическую историю данной страны, а ее мифологию. Вера в великую миссию Японии заменяет реальную историю державы. Сторонники нынешней власти в России тоже пытаются сакрализировать собственную миссию, они призывают народ не раскачивать лодку. Они уверяют людей в том, что любая стабильность лучше, чем социальные потрясения любой окраски. Власть демагогически спекулирует на естественном для народа отторжении бунтарства и общественной встряски. Но стабильности социума в еще большей степени угрожает убогое заигрывание с народом, щедрость подачек и обещаний, параноидальная незречность властителей. Белорусская девочка, которая на наигранный тон президента ответила простым вопросом «Дядя Саша, ты дурак?» заставляет нас еще раз вспомнить о мудрости сказочника Андерсена.

Евгений Замятин впечатляюще рассказал нам в свое время о Мудром Благодетеле, которого миллионы «нумеров» единогласно переизбирают каждый год, боясь заразиться опасным вирусом под названием «душа». Конечно, феномен десакрализации власти опасен не менее, чем тоталитарный хлыст. Мольер высмеивал в своих комедиях короля Людовика. Но его не покидало при этом неизменное почтение к тысячелетней престолонаследной власти. В начавшемся президентском марафоне в США интересуются, не является ли претендент на власть геем или наркоманом. И это закономерно, но сопряжено и с профанацией самой идеи власти. Политик не голливудская звезда. Народ все яснее понимает, что стабильность общества зависит не от длительного пребывания хозяина возле распределения постов и кредитов. Его интересует мудрость правителя, его способность испытывать роптания стыда и совести, его ответственность перед историей.

Правитель не может быть дураком, но ведь и мы, наверное, тоже.

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий БОЧАРОВ

НЕБО. ПОЛЕТЫ. БЕЗОПАСНОСТЬ*

Время, в которое я предлагаю сегодняшнюю духоподъемную публикацию, пожалуй, худшее для авиации России. Только в прошлом году в стране произошло самое большое количество авиакатастроф, инцидентов и опасного сближения самолетов в воздухе и на земле. Причина: 80% — человеческий фактор. Но и остальные 20% нельзя сбрасывать со счетов. Именно они часто определяют поведение пилота в воздухе и на земле.

Человек и техника, психология и технология, пожалуй, нигде так тесно не взаимодействуют друг с другом, как в авиации. Все усилия специалистов во все времена были направлены на то, чтобы минимизировать в этом процессе неизбежные противоречия.

То есть самолеты вроде бы не должны сталкиваться лоб в лоб и, тем не менее, образно говоря, они находят друг друга в необъятном пространстве неба, как две пули, выпущенные в разное время с разных концов земли.

Обманчиво простая на первый взгляд проблема столкновений самолетов таит в себе все существенные риски авиационной деятельности. Природа рисков — сложнейший психологический узел. Узел незримых взаимозависимостей.

Об этом написано огромное количество работ, в том числе и автором этой публикации, в «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Российской газете» и других изданиях.

Столкновения воздушных судов и поиски средств их предотвращения держат в неослабном напряжении целую армию ученых, экспертов, специалистов — людей, преданных авиации. Научные работы ведутся по всему миру. И Россия — не исключение.

Управление воздушным движением (УВД) всегда и везде осуществляется с помощью известных всем радаров. Однако любая их модернизация, как и любые дополнительные средства сочетания с другими методами управления, не давала нужного эффекта. ИКАО (Международная организация гражданской авиации) вводила в строй одну новинку за другой. Но все они оказывались тоже малоэффективными.

Перед проблемой столкновений оказывалась бессильной самая высококлассная, всепроникающая электроника.

---

* Окончание. Начало см.: Вестник аналитики, № 3, 2011.

Но вот после бесчисленных и тщательнейших испытаний ИКАО одобрило использование так называемой системы TCAS. Оборудованные ею самолеты получили высокую гарантию от столкновений. Национальные авиационные администрации обязали авиакомпании внедрить TCAS в практику. Директива была издана и в России. Определены сроки. Меры ответственности, источники финансирования.

Сроки прошли. Чиновники, отвечающие за модернизацию, поменялись. Финансы, не нарушая шумовых авиационных стандартов, исчезли. О распоряжении забыли. Появилось второе. Его ожидала судьба первого.

Стало ясно: и TCAS, при всех несомненных плюсах, проблемы не решило. Поиск продолжался. Как часто бывает в мучительных поисках неординарных решений, они находятся перед глазами ищущих. При использовании на воздушном судне спутниковых навигационных приемников наземное оборудование становится несравнимо с радарами, дешевле и проще.

Этот принцип и лег в основу предложенного ИКАО мировому авиационному сообществу метода автоматического зависимого наблюдения радиовещательного типа (АЗН-В). Упрощая техническое существо метода, определим его самыми доступными формулировками: «каждый слышит каждого» и затем — «каждый видит каждого». А это уже совершенно новое качество. Не только земля увидит расположение всех самолетов, но и на каждом воздушном судне будет автоматически отображаться вся воздушная обстановка. Тем самым благодаря новой технологии будет достигаться самое необходимое: визуальная осведомленность пилотов. Цифровые сигналы без особых проблем отображаются на дисплеях, дисплеи устанавливаются в кабинах самолетов и в наземных станциях АЗН-В. Это и гарантирует безопасность.

Австралия, США, страны Европы заявили о намерении объявить новый вид наблюдения обязательным. Сроки полного внедрения АЗН-В определили как 2015–2020 годы. В России предусмотрели развертывание и использование новой системы в те же годы. И в том же обязательном режиме.

Отечественная промышленность в принципе оказалась готовой к разработке и производству всего спектра наземного и бортового оборудования для АЗН-В. А также для линий передачи данных. Многие уже сегодня реализовано на практике. В решение многогранной инновационной программы включились все профильные научные центры страны.

Итак, АЗН-В — это метод безрадарного наблюдения. Это глаза и уши наземных служб УВД; воздушных судов; транспортных средств аэродромов. С его помощью можно получать абсолютно точную информацию о местоположении самолета. На базе той же линии передачи данных, на которой реализуется АЗН-В, на борту получают информацию о погоде, о внезапно закрываемых зонах для полетов и др. Можно узнавать о намерениях любых мобильных объектов. Прежде всего, конечно, воздушных судов. И все это с помощью бортовых навигационных систем. То есть система АЗН-В позволяет информировать пилота не через диспетчера, а напрямую.

Эксперты особо подчеркивают: система АЗН-В в будущем упразднит немодифицированные радары. Вместо них устанавливаются недорогие наземные станции АЗН-В. А на бортах — несопоставимо более дешевые и малогабаритные транспондеры, размером — не более футляра для очков.

Таким образом, путь к решению проблемы безопасности был найден. Но только путь. Как правило, с препятствиями. Одно из первых, по мнению главного конструктора «ГОСНИИ авиационных систем», признанного лидера в области внедрения АЗН-В в России Эдуарда Фалькова — психологическое. Человек привыкает к чему-то одному. И очень долгое время привычное худшее (отопление дома дровами, например) ему кажется намного лучше, чем самое лучшее новое (подключение дома к газовому отоплению). Такова природа человека. Чтобы ее переломить, в любом деле необходимы годы.

Второе препятствие: скаредность. Однажды при встрече с зарубежными специалистами к Фалькову подошел знакомый эксперт и сказал: «Эдуард, я абсолютно согласен с тобой. АЗН-В грандиозная вещь. Говорю это искренне». «А почему же тогда, — спросил Фальков, — некоторые наши коллеги пытаются затянуть ход дел?» Эксперт объяснил: «Допустим, я разрабатываю электронные коробочки-транспондеры для АЗН-В. Разрабатываю, производжу и продаю заказчику. Сколько они будут стоить? 50–70 тыс. долл. А сейчас я продаю привычные радары. И получаю миллионы. Разница! Так что, может быть, лет 20 еще протянем на радарях?» И засмеялся: «Радарная мафия легко не сдастся».

Известно, что производство радаров для УВД — бизнес серьезный. Мощная отрасль промышленности. И в любой стране она не бесхозна. Тем не менее, уже в связи с предписанием об обязательном внедрении системы АЗН-В Федеральная авиационная администрация США, например, объявила о постепенном, к 2020 году, выведении из строя 800 модернизированных радаров.

Пример не слабый. Инновации утверждаются государственной волей. Неплохо бы следовать такому ведению дел и нам.

Две проблемы — одно решение

В последнее время интерес к особому виду авиации — беспилотникам — невероятно возрос. Их модели, количество и сферы применения растут в геометрической прогрессии. Ведущие позиции — у США и Израиля. С самой большой эффективностью их используют военные.

Гражданские возможности беспилотников также безграничны. Но, в отличие от военной сферы, в гражданской, даже в США, они реализованы минимально. Между тем с их помощью можно контролировать лесные пожары; добывать необходимую информацию в труднодоступных местах — в Арктике, на малозаселенных территориях; контролировать линии электропередач; ледовую обстановку, спасательные работы на воде; отслеживать контрабандные маршруты, вести поиск заблудившихся людей; проводить мониторинг газо- и нефтепроводов. Почти все это можно теоретически. А практически — нельзя. Доступ в общее воздушное пространство для них закрыт. Законодательно. Причина? Та же, что и у пилотируемой авиации, — непреодолимый риск столкновений. Да еще не только между собой, а и с пассажирскими самолетами. Которые десятилетиями не могут избавиться от этой беды, от страшных и беспощадных встреч друг с другом.

Специалистам стало ясно: у беспилотников и общей авиации проблема одна. И появилась она не в разное, а в одно и то же историческое время.

Значит, и решать одну проблему двух разных видов авиации нужно не разными, а одним способом. Не традиционным, а новаторским. То есть с помощью АЗН-В.

Начались испытания. В «поле», в небе, на стендах. Требовалась техника, площади, средства. Авиаторы буквально выпрашивали «на пару деньков» беспилотники у редких фирм-владельцев. Выкручивались, как могли. Настойчивость, вера в успех, энтузиазм и упорство привели к определенному результату. Руководство ГосНИИАСа с благословения Минтранса России и Росавиации приняло решение о проведении масштабного эксперимента — испытать АЗН-В в совместных полетах пилотируемой авиации и беспилотников в общем воздушном пространстве.

Риск? Да. И немалый. Но не топтаться же на месте. Топтание на месте в любом деле давно стало для России профессиональным видом спорта.

А тут ритм был задан высокий. Пилотируемые суда ВВС, ФСБ, МВД, используя опытные образцы аппаратуры АЗН-В, совершали испытательные полеты в самые труднодоступные районы страны и мира, в зоны особо напряженного движения. АЗН-В как система работала безукоризненно.

Одновременно готовили к эксперименту и беспилотники. Оснащали аппаратурой, наземной станцией АЗН-В. Определяли место проведения полетов, состав участников и экспертов-наблюдателей. Основные силы, разумеется, уходили на организацию эксперимента.

Местом же его проведения был выбран район военного аэродрома Сиверский Ленинградской области.

Два беспилотника вылетели навстречу друг другу. Наблюдатели отсчитывали секунды, которые оставались до их неизбежного столкновения. Когда секунды и расстояние уже, казалось, не оставляли никаких надежд на расхождение, беспилотники элегантно ушли в разные стороны. В следующие минуты в небо поднялись пилотируемые суда. И одновременно снова беспилотники. Сближение и разлет тех и других происходили идеально. За экспериментом наблюдали 50 зарубежных и российских специалистов, члены рабочей группы ИКАО по беспилотникам. Наблюдали промышленники и представители государственных российских организаций.

Сценарий эксперимента предполагал нестандартные и конфликтные ситуации. И в воздухе, и на земле вплоть до выезда на взлетно-посадочную полосу автомобиля при заходе беспилотника на посадку. Не проблема — беспилотник легко ушел на второй круг. В сущности, имитацию предпосылки к потенциальному сближению обоих типов воздушных судов и препятствий предполагал каждый элемент эксперимента.

Безупречное «отлично».

Это был первый в мире успешный совместный полет беспилотников с пилотируемыми судами в общем воздушном пространстве благодаря использованию АЗН-В.

Внедрение этой системы с линией передачи данных режима 4 даст России реальную возможность создать конкурентоспособный мировой продукт.

Эта работа, как и реализация пилотных проектов, не терпит пауз и искусственных затяжек. Мир уважает наши прорывы, но от опережения не отка-

зывается. И не откажется. Очень важно побыстрее начать реальное внедрение АЗН-В. А дальше дело пойдет само собой. Пойдет. Но если заниматься им будут не только профессионалы-одиночки, даже высочайшего класса, и не только на отраслевом, но и на федеральном уровне власти. Постановлений достаточно. Нужна реальная поддержка. В противном случае даже самое важное постановление, подписанное высшим лицом государства, но строжайше не контролируемое, не способно само по себе реализовать хотя бы что-нибудь стоящее и тем более предотвратить гибельное столкновение самолетов, несущихся друг другу навстречу.

Не может же , в самом деле, слово остановить, например, время.

Мария ФЁДОРОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Что означает мыслить политически сегодня — в условиях социальных разделений, принципиальной нередуцируемости и гетерогенности разнообразных образов мысли и действия, в условиях социальной и политической плюральности, когда и само общество, и политическая рефлексия, и политическая рациональность переживают «испытание инакостью»? Что представляет собой в этих условиях пространство политических идей, представлений, ценностей, политических мифов? Что может дать их изучение для понимания общей политической ситуации вообще и конкретно в нашей стране, одновременно и входящей в модерн, и расстающейся с ним? И, наконец, что же представляют собой эти «тонкие материи» и как их вообще можно изучать? Каковы когнитивные средства, которые позволяют политическому сознанию формировать, осознавать и сохранять свою идентичность? В любой своей форме политические идеи представляют собой необходимые компоненты воспроизводства общества со всеми присущими ему структурами неравенства и насилия.

Природа современного демократического общества такова, что публичная сфера является средоточием не столько единообразного и всеобщего, сколько основой, на которой разворачиваются и сосуществуют различные человеческие практики и идеи, по-разному вписанные в общество и в историю. И вопрос, который, как представляется, должен сегодня стоять перед исследователем этой сферы, заключается не в выявлении «истинности» или «ложности» приписываемых идеям и практикам символических значений, а в выявлении их действительности в качестве исторически значимых. Политические символы и идеи не являются только объективным отражением политической реальности, они создают ее идеализированный образ — они значат.

Известный французский социолог Ален Турен, характеризуя изменения, связанные с ролью идей в публичном пространстве современного общества, говорит о том, что «легитимность, определения добра и зла сегодня не исходят более от институтов, будь то светских или религиозных». «Повсеместно и в самых разнообразных формах наиболее желанным считается признание индивидов и групп как несущих в самих себе право быть признанными и уважаемыми помимо разного рода законов или норм, выработанных институтами»¹.

* Статьи представлены редакцией журнала «Философия и культура».

¹ *Touraine A. Penser autrement. P., Fayard, 2007. P. 15.*

Сегодня речь идет о том, чтобы открыть политическое мышление для целого ряда моментов, которые оно прежде отвергало; о том, чтобы в принципе изменить отношение между политической рефлексией и политической реальностью, т. е. между политическим мыслителем, его концептами и референциями, с одной стороны, и практикой, которую он пытается осмыслить, — с другой. В этом отношении нужно выйти из извечной парадигмы «конфликт/примирение» (платоновский конфликт между мнением и знанием, гегелевское примирение Реальности и Разума в Духе и др.) и попытаться найти иные основания соотношения философии и политики.

Динамика развития современного российского пространства политических идей в контексте развития публичного пространства, т. е. пространства формирования общественного мировосприятия и миропонимания, характерна для стран, находящихся в переходном состоянии: ей присущ неравномерный, волнообразный характер. *Специфика России и ее отличие от стран западной демократии в данном контексте состоит в тесном переплетении и взаимозависимости процессов формирования политических представлений и различных идентификационных логик: политические представления в России определяются не столько отношением, например, к рыночной экономике или активной социальной политике или правовому государству, но скорее цивилизационно-идентификационными моментами, имеющими глубокие корни в российской политической культуре.* Этим обусловлены, в частности, возникшие у нас деформации традиционно сложившегося в мировой практике спектра «правых» и «левых» идеологий, даже с учетом их современных трансформаций, конвергенций и модификаций, а также сохранение традиционно присущей российскому общественному сознанию персонификации политической власти.

Развитие отечественных идеологий, в отличие от эволюции идеологии в любой из западных стран, не имеет плавной многовековой истории — оно исполнено внутренних разрывов, мучительных поисков собственной «особости», «инакости» и вместе с тем остро переживаемого стремления доказать собственную причастность к западным цивилизационным достижениям. В его основе нет почти пятисотлетней истории протестантской культуры с ее духовной поддержкой активности личности и социально обусловленным пониманием политического.

Патриархальная основа миропонимания российского общества практически полностью исключает социальную рефлексию в сфере политики и подразумевает последнюю скорее в платоновском смысле как стремление к всеобщему благу, нежели свойственную модерну форму соревнования социальных рефлексий в развитии. Формирование классических идентификационных парадигм политического мышления (разумеется, при учете национальной специфики, обусловленной всей отечественной политической культурой) в XIX столетии было приостановлено нашедшим в патриархальности православия благодатную почву победным шествием социалистической идеологии, растянувшимся на семь десятилетий.

Здесь напрашивается некоторая (далеко не полная, ее ни в коем случае нельзя рассматривать как модель) историческая аналогия, связанная с процессами становления западных идеологий. Конечно, не в столь значительной

степени, как в России, но развитие либеральных идей во Франции также оказалось отмеченным весьма примечательными разрывами. Как известно, сложные конфигурации политического ментального пространства эпохи Великой французской революции привели постреволюционных французских либералов к значительной корректировке своей доктрины: якобинское воплощение руссоистской идеи «суверенитета народа» потребовало кардинального переосмысления соотношения понятий «либерализм» и «демократия». Именно этому «идеологическому разрыву» в итоге мы обязаны концептуализацией либеральной демократии, т.е. качественному обновлению либеральной доктрины на основаниях, совершенно не мыслимых в рамках классической либеральной теории.

Иными словами, «прорывные» политические идеи зачастую рождаются именно из разрывов в ткани политического. Но процесс этот не простой и не быстрый — скорее наоборот, мучительный и затяжной. И в этом отношении можно предположить, что специфика политических идей в публичном пространстве России проявляется в том, что они возникают и формируются на пересечении двух традиций: западной (политический проект модерна) и традиционно российской, с присущими ей архаичностью и доминированием идей патриархальности и богоданности политической власти².

Конечно, ситуация в постсоветской России была значительно тяжелее и сложнее: ей требовалась не столько идеологическая ревизия, сколько идеологическое «строительство» практически «с нулевого цикла». Традиции отечественной политической мысли оказались основательно забытыми, их хотя бы частичная реконструкция заняла достаточно длительный период времени и еще и сегодня далека от своего завершения. Идеологический багаж России при вступлении в посткоммунистическую эпоху оказался достаточно скудным: помимо отчетливо осознанного отказа от марксистской идеологии в нем имелся только весьма скромный опыт отечественного диссидентства, сосредоточенный по понятным причинам на естественно-правовой проблематике, да идеи западного либерализма, освоенные в то время главным образом сквозь призму «критики различных буржуазных концепций».

И опять-таки, как уже не раз бывало в нашей истории, «либеральный импульс» был задан сугубо «по-большевистски» — сверху. Вероятно, именно это — а не только тяжелейшие последствия первых экономических реформ и приватизации — и явилось причиной отторжения либеральной идеи в массовом политическом сознании. Она была не «выстрадана» всей историей, но привнесена и изложена на примере западных образцов, чуждых большинству общества, чье миропонимание, в том числе понимание политики, выросло на основе патриархальности и единовластия по принципу «один Бог на небе — один Царь (генсекретарь, президент и пр.) на земле». Главные социальные элементы, продуцирующие и потребляющие либеральные идеологические конструкты, в то время еще не были оформлены. Катализатором процесса было вызванное ельцинской политикой первичного накопления капитала стремительное абсолютное и относительное обнищание основных групп насе-

² Об особенностях российской политической культуры см.: *Бондар А. В., Динес В. А.* Российские политические традиции и российская государственность // *Власть*, № 4, 2008.

ления России, массовая «утечка мозгов», воспринимавших и принимавших либеральные ценности и западный опыт.

Малопродуктивным для формирования российской публичной сферы как сферы дискуссий и диалога на значимые для всего общества темы стал и весьма кратковременный (обозначенный в нашей интеллектуальной истории как период думских выборов 1996 года) либерально-консервативный синтез. О кратковременности этого союза приходится только сожалеть, ибо в чисто теоретическом отношении, т. е. с точки зрения логики развития политической идеи консервативно-либеральный синтез представляется очень плодотворным для решения целого ряда вопросов (скажем, о природе социальной связи, о роли традиции в жизни общества и т. д.). Вероятно, уход с этого теоретического поля в значительной степени ослабил политические позиции правых партий в российском публичном пространстве последних лет.

Зато последние политические события, имевшие место не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и по всей России, стали весьма значимыми для развития отечественного идеологического символического пространства. Они достаточно наглядно продемонстрировали, что, вопреки усилению государственных по форме и «державных» по сути интересов власти, в обществе заявил о себе достаточно обширный спектр политических идей и представлений, готовых предъявить свои права не только на политическое видение текущих социально-исторических процессов, но и на формирование на их основе политических практик. Эти события, а также предшествовавшие им злключения с правыми партиями, показали, что сегодняшнее российское общество испытывает потребность и в идеологии, и в институтах право-либерального и консервативного толка. Эта потребность, исходящая уже из недр самого общества, подготовлена и произошедшими социальными изменениями, и — в чисто теоретическом плане, в логике развития самих идей — длительными дискуссиями-размышлениями об идентификационных особенностях России. Все эти факторы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что идейное пространство требует к себе особо пристального внимания, которое позволило бы не только выявить внутреннюю логику развития политических представлений в публичном пространстве, но и раскрыть механизмы их влияния на формирование институциональной сферы.

В недавно вышедшей книге «Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы» (М., РОССПЭН, 2011) один из ее авторов, известный российский политолог О. Ю. Малинова, совершенно справедливо отмечает, что «производство смыслов является существенным условием Политики в эпоху модерна, ибо в соответствии с современными принципами легитимации власти принятие политических решений предполагает постоянную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания»³. Она выделяет два подхода к анализу идейно-символического пространства, обозначаемые ею (на наш взгляд, не совсем удачно) как «материалистический» и «идеалистический».

³ Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О. Ю. Малиновой. — М., РОССПЭН, 2011. С. 5.

Первый подход рассматривает динамику идейно-символического пространства как обусловленную политическим режимом и политическими институтами (и поэтому, видимо, его следовало бы обозначить как «институциональный»); второй же сконцентрирован на выявлении внутренней логики существующих и формирующихся политических представлений, убеждений, ценностных и когнитивных установок. Автор отмечает, что в российской политической науке неявное предпочтение отдается именно первому подходу, что объясняется сложившимися в политической науке позитивистскими установками, ориентированными на выявление «объективных» отношений, связей, а также «неразработанностью методологического «инструментария», позволяющего рассматривать идеи систематически и «всерьез»⁴.

Очевидно, разобраться в вопросе разработки соответствующего политико-эпистемологического инструментария для изучения ментального политического пространства помогло бы обращение к старому спору, вспыхнувшему еще в середине прошлого века между критикой идеологий (Франкфуртская школа и Хабермас) и герменевтикой (Гадамер). В самом общем виде дилемму, возникшую в ходе этих дискуссий, можно сформулировать следующим образом: критика, обращенная против «ложного сознания», разрывов в человеческой коммуникации, за которыми скрыто господство или насилие, или же признание историчности условий всякого человеческого познания и духовного производства, подчиненных режиму конечности, и соответственно объяснение исторических корней и интерпретация возникших в сфере политического духовных продуктов? Направляющий познание *интерес* или *традиция*, как «точка пересечения истории и свободы» в формировании представлений? Наконец, *объяснение*, не исключающее каузальных связей (но принимающее их в их специфике для сферы духовного производства) и приводящее к истине, или *понимание* как конституирующая составляющая опыта человека о мире и обществе, основанное на работе истории? Саморефлексия или действительно-историческое сознание?

Первое из этих направлений, возвращающееся к традициям трансцендентальной философии, выступает за познание «политических вещей» через критику «ложного сознания», т. е. разрывов в человеческой коммуникации, за которыми скрыто господство и насилие. Здесь вопрос о специфике политического знания ставится именно в трансцендентальном порядке: каковы логические условия и в какой когнитивной форме политическая рефлексия могла бы совместить эмпирическое содержание знаний о политике и утопические чаяния? Что способно возвысить политический дискурс до формы истины и универсальности? Второе же, идущее в русле хайдеггериянской философии и тесно связанное с эволюцией феноменологии и философской герменевтики, утверждало онтологический статус историчности человеческого бытия, увязывало возможность интерпретации различных элементов ментального пространства с традициями и предрассудками изучаемой эпохи, избегая, однако, ловушек ретроградного консерватизма.

⁴ Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О. Ю. Малиновой. — М., РОССПЭН, 2011. С. 11, 21–22.

Каждое из направлений обладает определенными преимуществами, позволяющими высветить специфические стороны и аспекты политических представлений и идей. Так, главный тезис, выдвигаемый критикой идеологий, состоит в неразделимости двух моментов в любом идеологическом образовании — интереса и рационального момента. С этой точки зрения, неверно было бы полагать, будто мнения и убеждения не рационализируемы, коль скоро они субъективны. Они рационализируемы в «практическом» смысле — через публичные дискуссии и рациональную аргументацию интересов, непосредственно выражаемых в мнениях и убеждениях. Истина не бессильна в политике — она просто отлична от истины научной, теоретической и объективной, она носит практический и соответственно интересубъективный характер. Если же теория мыслится как критика, то у нее нет готовых рецептов, она не может иметь никакого технологического смысла применения к реальной практике. В качестве критики у нее есть только одна функция — побуждать процесс рефлексии, которая позволит очиститься от иллюзий и самое себя, и общество.

Герменевтика же, опираясь на хайдеггеровское утверждение понимания как важнейшей составляющей опыта человека о мире и обществе и выдвигая проблему понимания в качестве основы социальной и политической жизни, полагает, что понимание и интерпретация являются методом познания социальной и политической реальности, который, в не меньшей степени, чем критика, может претендовать на объективность и истину, отличную, впрочем, от истины естественных наук. При этом «историчность» (т. е. принадлежность познающего субъекта определенной эпохе, социальной и культурной среде, и т. п.) — не только не препятствие, но и первейшее условие, весьма продуктивный факт для осмысления идей и их роли в публичной сфере.

Понимание той или иной из циркулирующих в обществе идей всегда начинается с предварения смысла, обусловленного специфической ситуацией, в которой находится познающий, с проекции особых предрассудков и предпонятий и предконцепций на изучаемый текст или идею. Продвижение по этому пути происходит медленно, через постепенное приведение в соответствие своих предконцепций с изучаемой реальностью. Содержание идей, представлений, ценностей всегда детерминировано конкретной исторической ситуацией; человек несет груз своего прошлого, с которым вынужден соотносить свои действия. Действенно-историческое сознание есть осознание субстанциональности истории, т. е. осознание того факта, что история всегда, постоянно работает в нас, и это знание никогда не может превратиться в знание абсолютного субъекта.

В этом гадамеровском понятии заключено скорее осознание собственных границ человека, предостерегающее от принятия принадлежащей модерну идеи достижения с помощью сознания полной транспарентности своего Я или общества. Поэтому-то «не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории. Задолго до того, как мы начинаем полагать себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем. Субъективность фокусируется системой кривых зеркал. Самосознание индивида есть лишь вспыш-

ка в замкнутой цепи исторической жизни. Поэтому предрассудки отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения, составляют историческую действительность его бытия»⁵. Безусловно, этот момент крайне важен для сегодняшних попыток описать и понять не просто содержание или логику развития той или иной идеи в политическом пространстве, но и проследить влияние, оказываемое ею на развитие политической культуры в целом или на эволюцию политического режима.

Эти различные методологические основания (и можно даже сказать больше — различные онтологии) обуславливают и тот элемент, в котором фокусируется все исследование, который и формирует сознание в соответствии с символическими представлениями и нормативными структурами, которые всякий раз задают его особым образом. Речь идет об интересе и традиции. Собственно, задача критики идеологий состоит в выявлении интереса, связанного с познанием. Интерес здесь и позволяет ввести понятие идеологии как внешне незаинтересованного знания, но, по сути, служащего сокрытию интересов. И основной предмет критики — это «идеологически замороженные» формы отношений зависимости, реификации. Иными словами, критикой руководит интерес к освобождению от всех форм зависимости и господства. «Саморефлексия определяется эмансипаторским познавательным интересом. Критически ориентированные науки разделяют его с философией»⁶.

При этом следует учитывать, что Смысл, о котором идет речь в хабермасовской критике, гетерономен (в отличие от автономии смысла в герменевтике Х. Арендт и Х.-Г. Гадамера), так как он заключен не в явном содержании той или иной политической идеи, и даже не в исходной интенциональной целостности, а скорее в трансформации этой интенциональности в явное содержание. Критика и есть внутренняя способность поиска деформаций коммуникации в политическом пространстве. Идеологии как коллективные иллюзии коренятся в глубинных желаниях, которые не могут зафиксировать свой объект в реальности. Они обладают общественной значимостью и используют свой «публичный» язык. Они занимают особое место в ряду символических продуктов, являя собой резервуар архивированного смысла для всего общества.

Однако раскрытием смысла идеологических представлений задача критики не исчерпывается: глубина анализа должна уступить место строгости обоснования. Ведь до тех пор, пока критика относится к политическому как критика идеологии, она остается всего лишь анализом господства. Здесь рефлексия о природе политической связи остается еще по эту сторону от своего предмета, и анализ господства сфокусирован лишь на деформации интересу-объективных связей. И хотя в «герменевтике традиций» Гадамера (а также в феноменологических концепциях Арендт, Лефора, Касториадиса) политическое не смешивается с господством, его понимание (совершенно разное у разных авторов: политическая связь как консенсус у Арендт или как разделение

⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — С. 328–329.

⁶ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». — М., Праксис, 2007. С. 181.

у Лефора) не способно возвыситься от исследования оснований и истоков дискурса до обоснования претензий этого дискурса на истину⁷.

Как нам представляется, такой подход к изучению идей и теорий в публичном пространстве современной России, сочетающий в себе аспекты критической теории и герменевтики традиций, наиболее продуктивен сегодня, когда мы нуждаемся, с одной стороны, в тщательном и бережном выявлении и восстановлении наших традиций, а с другой — в пересмотре целого ряда идей, утративших свою экспликативную силу и лишь углубляющих разрыв между политическим и социальным миром и миром символических конструкторов.

---

⁷ «Вопрос о легитимации науки еще со времен Платона неразрывно связан с вопросом легитимации законодателя, — пишет в этой связи Ж.-Ф. Лиотар. — В этой перспективе право решать, «что верно, а что нет», не может не зависеть от права решать «что справедливо», даже если высказывания, подчиненные соответственно той или другой власти, имеют различную природу». Этот вопрос, полагает Лиотар, в современных условиях «не только не снимается, но становится все более актуальным. Поскольку он задается по самой полной форме, а именно как реверсия, которая делает очевидным, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В эпоху информатизации вопрос о знании более, чем когда-либо становится вопросом управления» (Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — СПб.: Алетейя, 1998. С. 27–28).

Дмитрий КУЗНЕЦОВ

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ

Развитие общества потребления начиная с 70-х годов XX века идет не столько по линии роста и диверсификации потребностей, сколько по распространению потребительства на независимые социальные сферы. Масштаб социальных изменений позволяет говорить ряду авторов (Д. Миллеру, М. Фезерстоуну, П. Стирнсу) о возникновении в последней трети XX века потребительской культуры.

Потребительская культура — трудноопределимое понятие, это некий конфликтный синтез буржуазной экономики и художественной культуры, в котором общество переопределяет свои ценности, последовательно уменьшая ценность художественной культуры. Это область обмена, которая наполнена структурами повседневности, идеологическими надстройками товаров, «культурными технологиями», в которой экономика начинает доминировать над обществом и культурой. Под потребительской культурой иногда понимают не позднесовременное состояние культуры и не что-то, что противостоит художественной культуре, а как личное мировоззрение человека, возникающее вследствие воспитания чувства умеренности в потреблении.

В западной литературе к понятию потребительской культуры близки следующие понятия: потребительский стиль жизни (М. Фезерстоун); культурное потребление, «наименьшая общая культура» (Ж. Бодрийяр); культурные технологии, глобальный консьюмеризм (П. Стирнс); индустрия культуры (Т. Адорно); господствующая культура (С. Жижек); культура потребления (Ф. Фукуяма).

Потребительская культура, как и идеология потребления, возникает на Западе, но ее распространение уже не может происходить так же, как распространение идеологии потребления, поскольку она входит в противоречие с локальными художественными культурами и, в целом, с мировой культурой.

В культуре общества потребления можно выделить три составляющие. Во-первых, массово-информационную культуру, возникшую на Западе в результате бурного развития масс-медиа. Во-вторых, потребительский стиль жизни, сводящий многомерное социальное бытие человека Запада к узкому набору действий, направленных на обладание материальными благами. В-третьих, глобальный консьюмеризм, задающий противоречивую механику взаимодействия стандартов потребления и культур разных стран мира.

Потребительский стиль жизни

«На» внутренней стороне формы материальной жизни изменения касаются индивидуального потребления. Для того чтобы утвердить потребительскую форму материальной жизни, буржуазные элиты должны были сконструировать определенное коллективное представление в обществе. Реальность была определенным образом эстетизирована. Принцип моды, временной ценности, сознательно принимаемой и вскоре отбрасываемой, обуславливает постоянный поиск новых образцов, новых стилей, нового опыта. Вариативность этого поиска ограничена материальными благами. Материальность нужно как бы сначала оспорить, усомниться в ней, для того чтобы затем через демонстрацию благ подтвердить значимость самой вещественности. Не общественные или межличностные связи, а потребительская деятельность (практика потребления) выступает теперь главным формообразующим фактором жизни человека.

Позднесовременный потребитель — это гиперматериальный человек. Идеология потребления вынуждает его постоянно означивать с помощью предметов свою деятельность, свое окружение, свои мысли и чувства. Человек на Западе сопоставляет себя с другими не как субъект, а как объект. Человек в обществе потребления соотносит с окружающими людьми не себя, а различные атрибуты, связанные между собой внешней идеологией, наделяя их совокупность собственной сущностью. Следствием этого является некая дезориентация во внутреннем мире человека, его чувственном мире и внешнем предметном мире. Человек, живущий в потребительском стиле жизни, не только экономит денежные средства, но и контролирует эмоциональные затраты, подсчитывает нервное напряжение, пытается калькулировать наслаждение. Разум человека Запада подчинен своеобразному грубому синтезу культуры и математики, взятыми в их профанированной, «рыночной», форме.

Этот синтез порождает новых героев потребительской культуры, которые являются частью идеологии потребления и которые действуют в пространстве массово-информационной культуры. Эти герои нужны для того, чтобы потребительский стиль жизни постоянно оставался жизненным проектом каждого человека и был исчерпывающе полным отражением его индивидуальности. Главное, чем обладают герои потребительской культуры, это чувство стиля, способность структурировать, пусть и спонтанно, свои вкусы, четко следовать моде и отбрасывать то, что уже «неактуально».

Если задачей героев потребления 50–60-х годов XX века была демонстрация расточительности, то теперь новые герои должны, прежде всего, отражать стиль и индивидуальность, но не взятых самостоятельно, а только лишь в той мере, в какой это позволит соотнести себя с какой-либо группой, классом. То есть, только для того, чтобы отразить внутреннее разделение общества, а точнее как-то оправдать, легитимизировать социальное неравенство.

Организованное идеологией потребления структурирование вкуса идет вразрез с классовым делением общества, и это позволяет сглаживать явные различия в благосостоянии. Диктуемые идеологией потребления статусные сходства и различия только камуфлируют продолжающееся влияние классовых различий и не могут их устранить. Ж. Бодрийяр демистифицирует бур-

жуазную идею о свободной социальной мобильности, говоря, что потребительское равенство скорее указывает на социальную инертность. Индивид, принимая ценность потребления, оказывается в действительности пассивным и рефлексивным, поскольку приобретение продукта с определенной знаковой стоимостью позволяет ему довольствоваться прежде всего идеей, неким прибавочным наслаждением, заложенным в продукт. Поэтому индивид вовлечен высшими кругами в иллюзию о том, что обладание предметами продвигает его в социальной иерархии.

Потребление в классовом обществе представляет собой обширную социальную деятельность, оперирующую предметами. В условиях массового производства приобретение и пользование вещами перестает подчиняться только функциональной и экономической логике. Решающими теперь являются логика символического обмена и логика стоимости/знака. Потребление представляет собой не столько приобретение предметов, сколько приобретение означаемого, вложенного в них средствами идеологии потребления. Создается особый дискурс о предметах, закрепляющий обладателя некоторых «предметов-свидетелей» за определенной «культурой», сегодня в большой мере заменяющей его принадлежность к классу¹.

Иными словами, общество ориентировано на производство различий, призванных идентифицировать индивидов, придать им определенный статус, закрепить его за определенной потребительской группой. В связи с этим, потребление оказывается тесно связанным со стратификацией общества, оно фактически маркирует социальные страты с помощью предметов. Так, человек на Западе стремится сопоставить жизненную практику (получение образования, карьерный рост, профессиональные достижения) с практикой своего отношения к предметам, то есть окружить себя определенными товарами-символами. Таким образом, социальная мобильность обуславливается тотальным вовлечением человека Запада в демонстративное потребление.

Потребительский стиль жизни не только преувеличивает значение материальных благ и заставляет человека связывать свою судьбу с историей своих покупок. Изменения касаются и самих предметов потребления. В продукте может находиться что-то, кроме самого продукта. Это прибавочное наслаждение является следствием старательного и долгого убеждения многих людей. Так, кока-кола включает в себя дух Америки, новаторства, хотя сам напиток, согреваясь и «выдыхаясь», обнаруживает свою истинную субстанцию². Книги, скажем, Ричарда Бротигана тоже содержат дух Америки, причем существенно богаче выражают этот дух. Невосполнимым пробелом является разрыв между крохотными «идейными» наполнениями продуктов и идеями, содержащимися в произведениях искусства. Очевидная задача буржуазных элит состоит в том, чтобы, чрезмерно упростив какую-либо идею (образ, «дух»), привязать ее к какому-либо продукту так, чтобы человек ощущал свою сопричастность этой идее (образу, «духу»). А ведь Кола является одним из сильнейших брендов

¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — М.: Библион – Русская книга, 2004. С. 19–20.

² Жижек С. Хрупкий абсолюте, или Почему стоит бороться за христианское наследие. — М.: Художественный журнал, 2003. С. 30–40.

(торговых марок) в мире. Нечего и говорить, что остальные 99% брендов существенно занижены по «идейной» выразительности.

В силу диверсификации и усложнения системы потребления, человек вынужден проводить больше времени в «общении» с торговыми марками, чем с книгами (музыкой, картинами, скульптурой, кинофильмами, театральными постановками). Его свободное время превращается из времени собственного развития во время потребления. Потребительский стиль жизни разделяет жизнь человека на рабочее время и время потребления. В свободное время человек вынужден воспроизводить себя в качестве потребителя.

Кроме ложного и предельно простого сверх-продукта, возникают также и специфическим образом инвертированные без-продукты. Сегодня можно зафиксировать такие феномены, как война без войны (доктрина К. Кэмпбела: если нет потерь с нашей стороны, то и войны нет), секс без секса (виртуальный секс, который чувственное пытается передать через бесчувственное), кофе без кофеина, сливки без жира³. Здесь речь идет о том, что из формы исключается то, что должно заключаться в ней, что в продукте уже нет того, что в нем должно быть.

Таким образом, потребительский стиль жизни осуществляет четыре трансформации формы материальной жизни человека. Во-первых, внимание человека сосредотачивается на поверхностном, материальном, сугубо телесном аспекте мира. Фундаментальный вопрос «для чего жить» подменяется вопросом «как обустроить жизнь». Человеку уже как будто все равно, для чего, главное — каким-то образом оформить свое существование.

Во-вторых, идеологией потребления постоянно поддерживается иллюзия о том, что приобретение товаров способствует восхождению человека в социальной иерархии. Накопительство и потребление как бы способствуют личностному и культурному росту. Хотя очевидно, что потребление ведет преимущественно к росту пренебрежения к другим людям, самомнения, заносчивости.

В-третьих, нехватку содержательной силы во всем буржуазном сообществе приходится постоянно восполнять наскоро сработанными образами, идеями, символами (часто, и событиями, новостями), которые суггестивно (через многократное убеждение в СМИ) связываются с товарами, с производящими компаниями, с торговыми центрами (или с какими-либо идеалами, тревогами, угрозами). Вещи как бы претендуют на то, чтобы заменить книги, картины, добротное кино весьма спорными «духами» Америки, свободы, удовольствия, наслаждения, уважения и пр.

Наконец, последнее — это изымание действительной сущности и замена ее каким-либо суррогатом, подделкой.

Таким образом, человек, соглашаясь на потребительский стиль жизни, встраивается в достаточно сложно организованную систему потребления, манипулирующую знаками, суррогатами, «духами» стран и человеческих личностных качеств, пустыми или значительно упрощенными смыслами, фальшивой художественностью.

³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 17.

«На» внешней стороне формы материальной жизни происходят сложные социальные преобразования. Дело в том, что перестроить жизнь отдельного человека, который коллективен по природе, недостаточно. Нужно создать как бы некий классовый субъект потребления, то есть класс, который бы ощущал себя таковым через участие в потреблении, а не через участие в производстве или управлении. На ценностном уровне этот класс разделяет потребительские ценности, следует идеалам потребительской культуры. Таким классом на Западе стала новая мелкая буржуазия. Производственные отношения ее членов уже проистекают из воспринятых потребительских форм материальной жизни, образцы которой они почерпнули из идеологии потребления.

Классовый субъект потребления — это некий синтез, развивающийся по диалектическому контуру от коллективного субъекта потребления, через его отрицание в пользу индивидуального субъекта потребления. А затем продолжает развиваться, как бы группируясь заново, но уже на классовой, а не на семейной основе.

Коллективный субъект потребления имеет важное значение для противодействия потребительским ценностям, которое осуществляется благодаря анти-консьюмеристским протестам.

Глобальная потребительская культура

Если внутренней, личностной и конкретной составляющей потребительской культуры выступает определенный стиль жизни социального субъекта (индивида, группы, класса), то внешним, общим, очевидным для всего мирового сообщества проявлением потребительской культуры является глобальный характер потребления, который воплотился в глобальном или международном консьюмеризме. Глобальное значение потребления проанализировали Э. Гидденс, Р. Бокок, М. Фезерстоун, П. Стирнс и др. Если по отношению к 50–60-м годам XX века консьюмеризм в узком смысле — это идеология консьюмеризма, идеология потребления, потребительская идеология, то по отношению к последней трети XX века консьюмеризм в узком смысле — это, скорее, потребительская культура.

Согласно П. Стирнсу, наиболее четко структурировавшему осмысление этой проблемы, глобализация потребления включает *четыре вида новообразований в консьюмеризме последней четверти XX века: усовершенствование консьюмеризма; новое сопротивление консьюмеризму; появление глобального потребительского аппарата; специфическую локальную культурную комбинацию потребительских стандартов*⁴. В данной статье остановимся на первых двух.

Фундаментальным усовершенствованием консьюмеризма является расширение потребительского поведения на области, которые до 1970–1980-х годов не являлись частью потребительской сферы и не охватывались в таких масштабах идеологией потребления. Это изменение коснулось политики, высшего образования, искусства и культурного наследия, брака и спорта.

⁴ Stearns P. Consumerism in World History. — С. 139.

В *политике*, пишет П. Стирнс, кандидаты на выборах стали «упаковываться» как потребительские товары. Для них маркетинговыми и рекламными консультантами и PR-специалистами подобран эмоциональный стиль и стиль одежды. Это приводит к тому, что «кандидатов раскладывают, как каши на торговой полке», и воспринимают как «живой» продукт. Объект рекламирования здесь обретает субъектность лишь в той мере, в какой он отходит от избранной стратегии продвижения⁵.

В *высшем образовании* студенты стали отождествляться с потребителями, а «профессоры и курсы оцениваются так же, как отели»⁶. Система тестирований, рейтингов, отчетов заменяет на Западе систему отношений «наставник — ученик», автоматизирует процесс обучения. Вместо диплома скоро можно будет получить акт выполненных работ.

В отношении *искусства и культурного наследия* можно выделить, кроме ориентации искусства на потребительский рынок, две другие негативные составляющие: привлечение работ мастеров искусства для потребительской упаковки (мыла, кетчупа); посещение музеев и достопримечательностей с целью покупок в сувенирных магазинах. «Покупка памятных сувениров занимает больше времени, чем осмотр»⁷. Потребительские «воспоминания» состоят уже не в ярких впечатлениях от увиденного исторического богатства или ощущения глубинной связи с уникальным местом (святым, культурным и т. д.), а в обязательной последующей демонстрации сувениров, формально связанных с посещенным объектом культуры.

В *браке* семейная жизнь стала фокусироваться на досуговой и атрибутивной частях потребления, а не на традиционных целях семейного союза. Цель бракосочетания изменилась. Теперь союз двух работающих супругов создается, чтобы увеличить «суммарную» покупательскую способность. Хрупкость таких мотивов подтверждается огромным числом разводов в США и Британии.

Спорт теперь стал способом значительных финансовых инвестиций на уровне индивидуального потребления. мода проникает в такую функциональную область, как спортивная экипировка. Кроме этого, П. Стирнс говорит о росте числа краж в дорогих спортивных магазинах. Если раньше нужно было сосредоточиться на правильной организации тренировок, физических упражнениях, то теперь необходимо «не отставать» от бегущей вперед моды, «тренируемой» идеалами консьюмеризма.

Итак, базовым изменением консьюмеризма в последней четверти XX века стало стирание «различий между потребительскими и не-потребительскими видами деятельности»⁸.

Характерной чертой международного консьюмеризма является также *сопротивление консьюмеризму — анти-консьюмеристские протесты*. Прежде протесты были характерны для американской молодежи 1960-х. Тогда протестующие стремились утвердить личные отношения, а не вещи в

⁵ Stearns P. Consumerism in World History. — С. 141.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 142.

⁸ Там же.

качестве фокуса интересов социальной группы, продемонстрировать отказ от того, чтобы работать только ради потребления (критика принципа *work-to-consume*), утвердить простые стандарты жизни. В результате процесса, который П. Стирнс называет коммерциализацией культуры, правящие элиты успели сконструировать новый потребительский тип, при котором *протестность* и *эпатажность* вошли в состав консьюмеристской идеологии. В результате такого построения идеологии консьюмеризма с 1970 года на Западе не остается значительных «субкультурных» сил для антиконсьюмеризма. Новые протесты стали базироваться на трех основаниях, у которых был глокальный (соединяющий глобальное и локальное) статус.

Первое основание — *религиозное*. Здесь выделяется *индуистское движение* против конкурсов красоты и моды, которые выдвинули незамысловатый, но точный тезис, против которого они выступили, — «сама женщина превращается в товар»⁹. Критике подверглась вся система, сгруппированная вокруг этих конкурсов. Это и непристойные изображения в многотиражных изданиях, и навязывание изделий иностранных домов моды. *Исламское движение* подобным образом подразумевало отказ от моды для сохранения религиозного образа жизни, справедливо видя в потребительском образе жизни непосредственную угрозу для разрушения религиозного уклада.

Второе основание — *экологическое*. Здесь потребительство связывается с негативным влиянием на окружающую среду¹⁰. Загрязнения, производимые странами с высоким уровнем потребления, в первую очередь происходили по вине США. Р. Роббинс и В. Шива критикуют обильное потребление с позиции глобального капитала. Они говорят о том, что фактически перепотребление в развитых странах ложится на плечи стран «третьего мира»¹¹. Престижное потребление на Западе будет, вероятно, и дальше сопряжено одновременно с эксплуатацией и недопотреблением в среде «подчиненных» стран.

Самоидентификационное основание антиконсьюмеризма состоит в критическом отношении к тому, что смешение культур происходит под значительным доминированием западной потребительской культуры. Ведущую роль здесь играют запросы самого Запада. Так, африканские ремесленники «подстроились» под специфическое *западное понимание* того, какими должны быть предметы народного промысла африканской культуры. Глубокая противоречивость этого явления проявляется в том, что диктатура моды и спроса оказывается властной даже для архаических традиционных форм культуры. Соблазн глобальной востребованности африканских декоративных ремесел превышает идентификационное видение своей собственной культуры. В этом состоит доминирование глобального консьюмеризма, позднейшей составляющей потребительской культуры.

Если говорить о коллективном субъекте анти-консьюмеристских движений на Западе, то здесь есть ряд проблем. В эпоху поздней, жидкой, подвижной, рискованной современности новое подобие класса формируется на основе потребительских ценностей. Если пролетариат нуждался в материальных

⁹ Stearns P. Consumerism in World History. — С. 145.

¹⁰ Там же. С. 144.

¹¹ Shah A. Effects of Consumerism. — URL: <http://www.globalissues.org>

благах, то у нового «класса» потребителей (новая мелкая буржуазия) существует избыток материальных благ. Как и почему, в таком случае, они будут участвовать в анти-консюмеризме? Ведь они образуются как класс именно в качестве потребителей, принимая и разделяя потребительские ценности¹². *Если они выступят против консюмеризма, они разрушатся как класс.* Между тем, в обществе потребления самым действенным способом мог бы выступить именно анти-консюмеристский протест. Это противоречие и является основной дилеммой в первую очередь для обществ Запада, но также и для незападных обществ, где уже в достаточной степени распространена идеология потребления.

Представители новой мелкой буржуазии скорее будут отстаивать свое право на избыточное потребление, чем выступят против него. Они слишком много вкладывают в свой престижный образ жизни, чтобы отказываться от него и ограничивать консюмеризм. К тому же сложность состоит в том, что новая мелкая буржуазия воспринимает собственный консюмеризм как результат свободного выбора, а не как следование интересам системы капиталистического производства.

Пока это противоречие о возможности классового анти-консюмеризма остается неразрешенным.

Вывод

Таким образом, потребительский стиль жизни скрывает необходимость глубоко разбираться в смысле социального бытия, поскольку человек постоянно должен ориентироваться на потребление материальных благ. Через реформирование материальных форм жизни каждого человека достигается легкость в принятии потребительской стратегии. Идеология потребления в 1970–1980-е годы через потребительский стиль жизни вызывает масштабное практическое принятие потребительских ценностей. В результате в обществе зарождается и складывается подобие нового класса, в основе отношений которого лежит консюмеризм. Этот класс назван новой мелкой буржуазией. Этот класс понимает свое положение в обществе через уровень потребления материальных благ и довольствуется преимущественно этим.

Потребительский стиль жизни, возведенный в принцип, оказывает негативное воздействие на непотребительские сферы. Многие общественные сферы испытывают давление потребительской культуры, которая входит в противоречие с устройством таких коллективных структур, как политика, образование, культурное наследие, семья. Проблема потребительской культуры здесь является частью общей проблемы абсолютизации принципов капитализма. Насколько всеобщим и полным может быть принятие капиталистического способа производства? Часть теоретиков считает, что кризисное состояние многих сфер просто нуждается в дальнейшем развитии. Другая часть теоретиков не видит по ту сторону капитализма какой-то приемлемой формы материальной жизни, а видит только новые формы неравенства и отчуждения.

¹² Featherstone M. Consumer Culture and Postmodernism. — С. 87.

Современные стандарты потребления привлекают тем, что обеспечивают высокий уровень материального благосостояния. Ни один коллективный субъект (общество, класс, семья, народ) не откажется от самого изобилия благ. Проблема состоит в том, что потребительская культура парадоксальным образом делает его бессмысленным, поскольку другие жизненные стратегии вытесняются. Иное целеполагание считается ошибочным, не поддерживается в цикле воспроизводства материальной формы жизни, вытесняется из общественной сферы. Иными словами, человек вынужден воспроизводить себя только в качестве потребителя, что в пределе отрицает его как субъекта.

Глобальная потребительская культура сталкивается не только с локальными культурами, но и с анти-консьюмеристскими протестами. Часть из них благодаря идеологии потребления удается нивелировать, включив в себя (студенческие бунты 60х годов), другая часть внутренне противоречива (классовый субъект общественного движения), третья часть вынуждена отстаивать традиционалистские позиции, в какой-то степени противостоять, препятствовать современности (религиозное основание протеста).

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

СТРЕМЛЕНИЕ К СЧАСТЬЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ

**Арендт Ханна. О революции.
М., 2011. 464 с.**

Х. Арендт (1900–1975) — немецко-американский философ и политолог. Основные мотивы ее философии — свобода и гуманизм. Свобода для нее не только фундаментальная характеристика человеческого существования, но и основной критерий оценки социального и духовного прогресса. Она показывает противоречивость общественного развития. Идеи Х. Арендт о социальной активности и тоталитаризме сыграли важную роль в формировании современной политологии. Ее публицистическая и культурно-политическая активность получила высокую оценку широких кругов общественности.

В связи с возросшей гражданской активностью в нашей стране слово «революция», по существу, утерянное современным политическим лексиконом, неожиданно воскресло и приобрело многие новые смыслы. Эксперты вновь твердят о революционной ситуации в России, анализируют факторы, которые могут радикально изменить поступательное развития страны.

Развитие слова «revolution» демонстрирует многократный процесс метаморфозации: от слова с конкретным значением («откатывание», «оборот») к астрономическому термину, затем — к политическому и, наконец, к социальному термину. Семантика слова становилась многослойной, слово сохраняло в себе «память» о предыдущих семантических сдвигах. Так, астрономическое представление о *revolutio* как сложном движении (Земля вращается вокруг своей оси и одновременно обращается вокруг Солнца) отразилось в появившемся в XIX веке представлении о социальном развитии как движении по спирали. В то же время и самое абстрактное значение слова «революция» унаследовало в метафоризированном виде изначальную семантику движения, резкого и отрицательного сдвига.

Х. Арендт показывает, что войны существовали всегда, но революции в собственном смысле слова, до Нового времени, не существовали. Они — одни из самых новых политических явлений. *«Первые оправдания войн, наряду с первым разграничением войн на справедливые и несправедливые, мы находим в римской Античности. Эти оправдания не затрагивают проблему свободы и не проводят грань между захватническими и оборонительными войнами»* (с. 8). Х. Арендт выражает пророческое предостережение: если XX век не станет столетием войн, он останется временем революций.

Тема политического тиранства, казалось бы, осталась в прошлом. Однако деспотия прорастает, несмотря на призывы к демократии. Тираны вообще приходят к власти, как и во времена Античности, благодаря поддержке низших слоев общества. Их шанс удержаться у власти базируется на свойственном человеку желании имущественного равенства. Да, можно согласиться с Х. Арендт, что до революций XVIII века различие между богатыми и бедными считалось столь же естественным и неизбежным для государственного организма, сколь и различие между здоровьем и болезнью для человеческого организма.

Но сегодня, в условиях расширения прав и демократии идея справедливости имеет иное основание. Народы настаивают на том, что богатство должно быть у всех. Иначе какой смысл в демократии, в утверждении различных социальных прав? *«Америка, — пишет Х. Арендт, — стала символом «общества без нищеты задолго до того, как наше время с его небывалым техническим прогрессом открыло практические способы ее устранения»* (с. 22).

Нынешнее понимание революции неразрывно связано с представлением о том, что она открывает новый этап истории, создается новая историческая обстановка, которой никогда не было. Оправданием революции оказывается массовое ожидание перемен. Она вообще сначала возникает в умах. Без образа буревестника, подаренного М. Горьким, никакая греза об ином устройстве не получила бы полной реализации. Однако сегодня в нашей стране нет образа будущего, которое взывает переиначить настоящее.

Между тем социальные брожения способны сотрясать страну. Вновь вызревает убеждение, что страну можно катапультировать в иное счастливое состояние, и свобода, наконец, станет реальной. А вот соображение Х. Арендт: *«Мы также знаем, что свободу, увы, лучше сохранили в тех странах, где революции удалось избежать даже вопреки открывавшимся вопиющим фактам о власти, и что гражданские свободы больше распространены там, где революции потерпели поражение, а не там, где они одержали победу»* (с. 156).

Исследовательница напоминает о фантастической долговечности отживших политических систем. Использование термина «свобода» нередко в истории, по мнению Х. Арендт, оказывается более политически действенным, нежели развернутое философское сочинение. Философы Просвещения имели ничтожно малое значение для истории философии, а их вклад в историю политической мысли нельзя сравнить с вкладом, который внесли оригинальные труды их предшественников в XVII и начале XVIII века. Суть в том, что они стали использовать слово «свобода». Для этих людей свобода могла существовать только публично. Люди понимали, что невозможно быть полностью «счастливыми», если счастье будет ограничиваться только частной жизнью.

Весьма актуальной, мне кажется, мысль Х. Арендт о тирании и ее возможных нынешних метаморфозах. Любая тирания, показывает исследовательница, лишает человека всеобщего счастья. Иначе говоря, деспотия в ее современных формах вынашивает идею, сообразно которой люди должны уйти из гражданской сферы и заняться частными делами, своим домашним хозяйством. Вот почему неожиданная гражданская активность, обнаруженная на российских просторах, подвергается изобличению, дискредитации, в ряде случаев даже осмеянию. В самом деле, зачем люди пренебрегают правом на собственное счастье?

Изобилие и безграничное потребление, по мысли Х. Арендт, являются идеалами бедных. Они оказываются миражами в пустыне нищеты. Но можно ли поставить знак равенства между революцией и борьбой за освобождение? Устранив в наши дни диктатора, стоявшего у власти, страны Африки не только не обеспечили счастья для всех, но, напротив, ввергли народы в обнищание. *«Между властью и авторитетом не более общего, чем между властью и насилием»*, — утверждает Х. Арендт (с. 247). Здесь исследовательница входит в ту сферу, которая рельефно обнаруживает себя в настоящее время. Прежде предполагалось, что главная задача политика — обеспечить заключение договора между странами.

Однако сегодня ни договора, ни обещания, на котором основываются договоры, недостаточны для того, чтобы обеспечить долговечность, иначе говоря, дать человеку ту меру стабильности, без которой они были бы не в состоянии оставить в этом мире для своих потомков что-то, что пережило бы их самих. Сегодня в условиях десакрализации власти политики прибегают к вовлечению священников в светские дела. *«Римский закон, в остальных отношениях не имевший ничего общего с греческими законами, также нуждался в трансцендентном источнике авторитета, и если и испытывал потребность в помощи богов — одобрительном кивке головой, которым, если верить римской религии, боги выражали свое согласие с решениями людей, — то не в большей степени, нежели любое другое значительное человеческое деяние»* (с. 258).

Современные политики держатся за веру, даже если она кажется им устаревшей. В ходе революций быстро обнаруживалось, что религиозная санкция для человеческих законов весьма важна. Она немыслима без веры в «загробное воздаяние и наказание» в качестве «единственного основания моральности». Но эта сила может проявить себя через мощь насилия. Здесь значительна также роль социальной мифологии. Миф об «основании», порой все равно чего именно, получает тиражирование. «И эти времена перехода от рабства к свободе должны приковывать воображение политиков, поскольку легенды в один голос говорят о великих лидерах, которые появляются на исторической арене именно в периоды разрыва исторического времени. Римская история буквально вращалась вокруг идеи «основания», так что ни одно из фундаментальных политических понятий, таких, как авторитет, традиция, религия, закон, не могло быть понято без обращения к великому делу.

Немалую ценность имеет наблюдение Х. Арендт о том, что политики нередко руководствуются примерами из истории других стран, но при этом невнимательно прослеживают опыт собственной державы. Между тем политическая свобода либо означает право быть участником в управлении, либо не означает ничего. Выступления граждан России против фальсификации результатов выборов при всей своей радикальности не стали прологом к осмыслению общей направленности российского пути. В основном речь шла об участии в верхних эшелонах власти представителей среднего класса.

Книга Х. Арендт основана на обширном историческом материале. Но при этом она предельно злободневна. Это подтверждает главную мысль исследования: история имеет склонность повторяться, но без учета обретенных уроков.

Эльвира Спицова

АНТОЛОГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СРЕЗЫ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

К выходу в свет трудов: «Россия в глобальном мире. 2000–2011»:
Хрестоматия в шести томах /
Рос. совет по межд. делам. —
М.: Аспект Пресс, 2012;
«Международные исследования в России».
Справочник / НП РСМД;
— М.: Спецкнига, 2011. — 648 с.
Оба труда под общей редакцией
д.и.н. И. С. Иванова.

Недавно созданный распоряжением президента России **Российский совет по международным делам** (его учредителями стали МИД и Минобрнауки России, соучредители —

РАН, МГУ, МГИМО, СПбГУ и Фонд «Русский мир») представил российской и международной общественности свой первый капитальный труд — шеститомник «Россия в глобальном мире. 2000–2011», а также справочник «Международные исследования в России».

«Внешняя политика уже давно не является прерогативой исключительно внешнеполитических ведомств, в ее выработке и осуществлении участвуют и экономические круги, и неправительственные организации, — отметил Сергей Лавров, выступая на первом общем собрании Совета 20 июля 2011 года. — И советы, подобные тому, который мы сейчас выпускаем в жизнь, существуют в большинстве развитых стран и играют очень важную роль».

И первое творение молодого Совета наглядно подтверждает слова главы российского внешнеполитического ведомства. Это — всеобъемлющая хрестоматия, четко структурированный сборник статей и выступлений известных российских политиков, политологов и международных экспертов, опубликованных в российских и зарубежных периодических изданиях и на электронных ресурсах России и зарубежья, специализирующихся на внешнеполитической проблематике. В их числе журналы «Международная жизнь», «Россия в глобальной политике», «Международная экономика и международные отношения», «США&Канада», «Современная Европа», «Азия и Африка», «Латинская Америка», «Вестник аналитики» и др.

Несомненным плюсом труда является то, что он, по сути, выходит за тривиальные хрестоматийные рамки, его можно рассматривать как серьезное научно-практическое исследование внешнеполитических проблем. Каждый его раздел предваряют специально подготовленные для данного издания статьи видных российских политиков, практиков-международников, руководителей ведущих научных и исследовательских центров страны, признанных экспертов. Среди них И. С. Иванов, Е. М. Примаков, А. Г. Арбатов, С. М. Рогов, Ал. А. Громыко, А. А. Дынкин, М. Л. Титаренко, В. В. Наумкин, А. М. Васильев, А. В. Торкунов, Д. В. Тренин и др. Далее следуют подразделы, излагающие официальную позицию и экспертные мнения ведущих специалистов по рассматриваемой проблематике. Все это намного облегчает уяснение и оценку позиций, излагаемых авторами статей в основной части раздела.

Такая форма подачи материала представляется удачной, так как она позволила наиболее полно и широко представить читателям практически весь спектр мнений и подходов к внешнеполитическим проблемам, что особенно важно и для практической международной и внешнеэкономической политики, в частности для действующих политиков, принимающих решения, и для тех, кто готовит себя к деятельности на этой стезе.

Вполне оправдан и выбор периода, охватываемого представленными в труде материалами (2000–2011 годы). Первые десять лет российской «независимости» — это период сумбурной, не имеющей четкого вектора перестройки (если не сказать разрушения) советского внешнеполитического, внешнеэкономического и дипломатического наследия, период разброда, шатания и неопределенности, поиска новых внешнеполитических приоритетов. Да и весь мир после окончания холодной войны находился в состоянии неустойчивого равновесия. Перестало существовать четкое разделение основных мировых сил на два противоположных лагеря, на союзников и вероятных противников, «своих» и «чужих». Нарастала борьба между двумя тенденциями построения нового мирового порядка — моно- и полицентричностью, причем роль мирового гегемона готовились взять на себя Соединенные Штаты, оказавшиеся единственной супердержавой, намного превосходящей другие страны своей экономической и военной мощью, политическим авторитетом, усиленным ореолом «победителя» в третьей мировой — холодной войне.

России же пришлось строить свою внешнюю политику по существу заново, и серьезные усилия для этого были приложены именно в последнее десятилетие. Более или менее внятная внешнеполитическая стратегия России сложилась лишь к концу 1990-х годов, а мало-помалу претворяться в жизнь стала в последние десять лет. Представленные в объемном труде РСМД материалы как раз и показывают главные срезы российской внешней политики в это десятилетие по основным ее направлениям: в отношении США и Европы, Африки и Латинской Америки, Большого Ближнего Востока, Южной Азии и АТР. Отдельный том посвящен постсоветскому пространству.

Составителям хрестоматии удалось решить и такую непростую задачу, как объективное отражение в представленных материалах основных особенностей сложившейся сегодня геополитической и международной ситуации в мире, коренным образом отличающейся от недавнего жестко сбалансированного периода холодной войны. А особенности эти лишней раз подтверждают

те сложности, которые стояли перед российскими властями, научным и экспертным сообществом в формировании как концептуальных подходов к внешней политике, к обеспечению безопасности и обороны страны в новых условиях, так и к осуществлению практической деятельности в этих областях.

Во-первых, международная внешнеполитическая сфера намного усложнилась. Это потребовало и намного более сложной и изощренной внешней политики. Дипломатия «Мистера Нет» в реализации внешней политики времен биполярного мира и холодной войны сегодня уже не годна.

Во-вторых, у России по сравнению с советским периодом существенно сократилось количество рычагов влияния на ситуацию в отдельных регионах мира, как и на международную ситуацию в целом. Исчез такой мощный консолидирующий фактор, как коммунистическая идеология, которая к тому же позволяла до предела упростить картину мира. Двухцветный мир, мир разделенный, грубо говоря, на «красных» и «белых», не требовал особого умствования при принятии важных международных решений и проведении внешнеполитического курса.

В-третьих, существенное влияние на построение двусторонних международных отношений и в целом на внешнеполитическую линию страны стал оказывать крупный капитал, с влиянием и интересами которого приходилось считаться и внешнеэкономическая деятельность которого требовала государственной поддержки.

В-четвертых, в мире усилилась борьба за энергоресурсы, за контроль над их источниками. Для богатой нефтью и газом России этот фактор не мог не повлиять на внешнеполитическую стратегию.

В-пятых, после распада СССР и Варшавского договора коренным образом изменилась военно-стратегическая обстановка в мире, и особенно на границах России. Западные страны во главе с Соединенными Штатами (которые обладают несопоставимыми с другими странами военной мощью и военными технологиями) получили неоспоримое преимущество, которое сохранится, скорее всего, на обозримый период и которое вынуждает другие страны строить свою внешнюю политику с учетом этого факта.

В-шестых, появление новых угроз глобального характера, с которыми приходится считаться при проведении внешнеполитического курса, отвлекать на борьбу с ними огромные ресурсы: международный терроризм и трансграничная преступность (включая главное зло — наркоторговлю), экологические проблемы, истощение продовольственных и водных ресурсов. Нейтрализация этих угроз требует широкого международного сотрудничества на существенно более высоком уровне, чем в недалеком прошлом.

И последний, но не по значению, фактор — это распад СССР и превращение его в постсоветское пространство, образование на этой территории новых независимых государств, отношения с которыми пришлось выстраивать заново, с учетом как общепризнанных международных норм, так и национальной специфики.

Труд четко структурирован.

В I томе рассматриваются общие тенденции и перспективы международной деятельности России, концептуальные и теоретические основы, подходы к развитию международных отношений на современном этапе.

II том — внешняя политика России в условиях современных вызовов безопасности в контексте актуальных мировых экономических тенденций и глобальных гуманитарных проблем.

III том — тенденции политического и экономического развития стран Северной Америки, Европы и Латинской Америки, особенности их взаимоотношений с Россией.

IV том — посвящен Азиатско-Тихоокеанскому региону, Южной Азии, Ближнему Востоку и Африке, специфике российской внешней политики в этих регионах.

V том — рассматриваются особенности развития постсоветского пространства, становление новых государств, специфика их отношений с Россией и региональное сотрудничество.

В VI томе собраны документы, определяющие основы внешней политики Российской Федерации в 2000–2011 годах, в том числе выдержки из посланий Президента России Федеральному Собранию.

Первый труд РСМД, как представляется, вполне отвечает тем главным задачам, которые ставит перед собой эта новая организация. Он не только будет содействовать проведению исследований по основным направлениям внешней политики России, но и послужит весьма серьезным пособием для подготовки специалистов-международников, как, впрочем, будет полезен и для опытных профессионалов — политиков и дипломатов, как готовящих решения, так и принимающих. Свой вклад внесет он и в развитие взаимодействия с зарубежными экспертными организациями и исследовательскими центрами соответствующего профиля.

Неоспоримую практическую ценность носит и разработанный РСМД капитальный справочник «Международные исследования в России». По существу его составителями проделана большая и нужная работа по инвентаризации организаций, научных и исследовательских центров и организаций, занимающихся международной проблематикой (в справочнике приведено около 80 таких организаций федерального и регионального уровней), дается их краткая характеристика, внешнеполитическая проблематика, которой они занимаются, главы организаций и их структурных подразделений. Приводится также внушительный список российских экспертов-международников (около 500 человек).

Одна из главных задач сегодняшнего дня, которая стоит перед Россией, — формирование полноценного гражданского общества, совершенствование взаимодействия институтов гражданского общества и государственных институтов. Президент РСМД И. С. Иванов подчеркивает, что именно в этом он видит одну из главных задач РСМД. И представленный Советом труд, по нашему мнению, вносит неоспоримый вклад в формирование эффективных связей между представителями различных профессиональных сообществ для решения конкретных внешнеполитических задач.

Вагиф Гусейнов

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov. THE ELECTIONS ARE OVER. AND WHAT FURTHER?

1. The country's political future is becoming more topical subject every day. Many our citizens live excitedly waiting for quick changes. There are few doubts, that they are to follow, but their vector, we assess, is difficult to forecast; details of the political landscape might change, the political system beneficiaries might be replaced, but, as far as the Russian society's current condition is concerned, it is unlikely to suggest cardinal changes.

2. Perhaps, the only important novelty that in fact has to do with the fundamental principles of the current governance vertical, is, suggestedly, the Russian Federation entity heads electing by direct vote of the citizens of the regions. It is not going back to full-fledge governors elections of the 1990s kind yet, as the nominees for region heads are to be additionally screened/filtered — either by the President, or by the parties. But, if to keep in mind the authorities previous consistent limitation of the regional leaders' self-dependency, introducing even the trimmed elections means, in fact, a cardinal turn in the Kremlin regional policy.

3. If the authorities let matters drift, they are to face the next wave of the economic crisis in so weak a condition, that any sneezing would knock them down. It is most likely, the authorities understand it and will act — they still have the choice. It is most likely, they will act along all the lines — to press the opposition leaders, carry on talks to them, make advances to nationalists, look for a billion roubles for regional and municipal authorities, fix whipping boys, speak of or even try to introduce some liberal reforms.

4. Today, the governance is far from being monolithic. Each fraction in the ruling group will do what is just advantageous to it, ideologically closer to it, or what it used to do. Thus they are willy-nilly going to hamper each other. As a result, they will have no liberal reforms, nor the qualitative economic policy based on something else. Everything would be done by halves and in a slapdash way. All this fussing around is to make the new crisis nearer. And what kind of crisis it is going to be, no one knows today.

PRESSING TOPICS

Valery Buyanov. PROBLEMS OF POST-SOVIET RUSSIA'S IDENTITY

1. Collapse of the Socialist system has aggravated the problem and led to the situation when the Russian identity turns from non-completed into indefinite. There are grounds to assert this. First, the collapsed old has not been replaced with the conceptually formulated goals of the future. Over 20 years we are living in the "new" country, but we still do not know which way we go and what we are building. Second, the wild "capitalization" of Russia and the negative consequences of it undermine the Russian genome that had been weakened as it was due to the major calamities of the 20th century. Third, the outside world, too, has no clear understanding what today's Russia is how it is to be perceived. Today, the Russian Federations is perceived either as a "transitive" country, or as a quite weakened power with the imperial instincts remained, or as a state going on by the way of self-destruction.

2. The Russian identity is inconceivable without the statist foundation. The centuries-old idea of the mighty Russian power has become the integral part of the people's culture. People did not identify the power with the state; they might not love the power or even to overthrow it, but they had never been indifferent towards the state, both when it was powerful and when

it “became hurtful to think of the State”. Defeat in the cold war, collapse of the USSR and bringing the country down from the superpower pedestal to the level of a regional state — all these has caused the psychological breakdown in the considerable part of the Russian society. The mass of the people suffer the complex feeling of bitterness, misunderstanding, confusion, and, besides, grudge to the rest of the world, that is in our nation’s nature after major historical defeats.

3. Disputes on Russia’s future will go on and on for a long time, and the post-imperial nostalgia will not disappear soon. Will Russia succeed in overcoming its current unhealthy state and become the great power again — it is for the future to show. To break through the period of decline and move forward many conditions are needed. But one is obligatory: it is needed to have the program for the future. Not numerous “strategies”, but the historical project in proper sense of the term. Both the Imperial Russia and the Soviet Russia, the true great powers, had such programs. It is difficult to tell the same of the present time, for no perspective, nor the very ideal upon which the Russian identity rests are seen yet.

Pavel Gurevich. IN THE WORLD OF IMAGES THAT THE HISTORY PROVIDES

1. Nowadays, the social philosophy offers quite a lot of ‘scenarios’, ‘models’, and ‘prognosis’ contradicting to each other. One might often takes an impression the history is fraught with tectonic shifts. The computer plays the role of oracles. Playing through various scenarios of “storming the future” the researchers try to convince us, that the history is liable to be invited to any idyllic or venturesome adventure. Quite often in modern futurology, the historical process is described as a series of eventual alternatives, which results in the fear of dictatorship of a chance that time and again threatens to draw the mankind into catastrophe. The history itself looks like the unfortunate exhausted victim of the self-organizing prognosis. Suddenly, any soothsaying may take hold of peoples consciousness and become a guideline for their behavior.

2. Today, the civilized world more and more often is taken by surprise at some Eskimos are still living on this earth. We are mesmerized by the civilization monotony, but have to unexpectedly meet modern ethnic groups that have no knowledge of an integrated progress of the human history. Thus, Jean Baudrillard with extreme surprise describes ceremonies and rituals natural for New Guinea. Kula and potlatch are kinds of symbolical exchange that gets the social system reflecting the importance and social status of the people organized. Georges Bataille makes the European consciousness acquainted with another economy project that opposes the bourgeois experience of rationality and thrift. At that, he is based upon ethnographic researches by Marcel Mauss and Franz Boas of the North American Indians with their practice of the excessive expenditure causing moral defeat. So, the European world runs into principally different forms of public organization.

3. The human being lives in the world of the intense and controversial motives, aspirations and expectations. One needs support all the time. One has to correlate one’s behavior with some personified image. This process carries one away beyond one’s own environment — into the world of images that the history provides. The work under review offers us the whole set of personifications — Defender of the Oppressed, Freedom Protector, The Great Statist, The Iron Reformer, The Enlightened Reformer. We can use these images as indicators of the state of Russia’s modern population collective unconsciousness. Thinking of any public transformations, we cannot put these archetypes off. They are very weighty in our country today.

GEOPOLITICS

Eugenie Vertlib (France). RUSSIA AND THE GEOSTRATEGY OF THE GREAT BRITAIN (Conc.)

1. The “Leviathanians” had succeeded in meeting head-on the enemies “squared” — the Anglo-Saxons and the mutually-rival Germany and USSR. In 1929, while meeting President Hoover in the Russell’s Centre, the American business elite pointed out at the looming crisis,

and stated, the USA might avoid the tough situation that would arise only by changing the alignment of forces in the world. To do so, was said, Russia has to be helped in definite overcoming the devastation caused by the Civil War, and Germany has to be assisted in getting rid of the Versailles Treaty grip. "But to do so money is needed", retorted Hoover, "several billion dollars. And still, what do we need this for, what will happen afterwards?" The answer was — afterwards Russia and Germany will have to be brought into conflict to let the USA, having risen from the crisis, come face to face with just one of these rivals.

2. The fault of the new civilization outlined is its pregnancy with triggering a backlash resonance, repetition of the "world revolution" wrong way round. For the US foreign policy prime goal is the global democratization the American style. The policy of inciting "the world democratic revolution" is ruinous, including for the USA itself. The American President Barack Obama had enough feeling of this to remark to the UN General Assembly on September 23rd, 2009, "Democracy cannot be imposed on any nation from the outside. Each society must search for its own path, and no path is perfect. Each country will pursue a path rooted in the culture of its people and in its past traditions. And I admit that America has too often been selective in its promotion of democracy."

3. For the first time in the history the Russian-American relations a body where the parties shall discuss their ideological controversies has been created. This working group is conceived as "dialogue of the equals" — rather than to become a trial over "slowly reforming" Russia. Sergey Lavrov and his colleague William Haig to defrost the diplomatic relations between the two countries are being urgently invented some microwave oven. But isn't it a French mid-summer night dream of Herr Vertlib's? The "Kaiser dreams" of the 19th century (geopolitical dreams of Russia being just snow desert "upon the mossy swampy banks") has prophetically waken Russia up into the majestically-attributive Empire, that had no rivalry to the outside world, but was ready to wage a war against itself. It is not fig glamour of the post-confrontational world, but the only reality to save the planet for life — by means of voluntary refusal of violent export of happiness, be that the fire of a Communist revolution, or the "freedom march" of a Liberal extremism — the ANTICOMMUNISM'S BOLSHEVISM.

FOREIGN AFFEARS

*Sergey Oznobishchev. WAYS TO BUILD UP THE NUCLEAR-FREE WORLD
(on the joint project by the Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and
International Relations /IMEMO/ and the Nuclear Threat Initiative, Inc /NTI/)*

1. The nuclear deterrence and threat of nuclear war immanent in it can be fully eliminated by complete nuclear disarmament only. But this is a matter of far-away future, the mankind has to live with the nuclear weapons for many decades. Meanwhile, even in the nearest time, the project authors think, it is possible to outline some measures and start to act as to considerably decreasing the reliance on nuclear deterrence, its deep transforming and lowering the probability of nuclear war to an absolute minimum.

2. The nuclear deterrence transformation can go by way of mutual initial refusal of the concepts and forces of the first (counterforce) strike — through reducing nuclear arms at strengthening the strategic stability that presupposes the elimination of the stimuli and options to make the first strike. As a next step, Russia and the USA should come to agreement on refusal of planning retaliating counter strikes on the information from the missile advance warning systems.

3. In the foreseeable time, there are a number of issues that might undergo problem-solving in the concrete terms, including the new START implementing; beginning negotiations on the further reduction of nuclear armaments of the Russian Federation and the USA; negotiations on cooperation in setting up the Russia and US/NATO systems of PRO; the Nuclear Five (or at least Four to start with) allotment their nuclear fuel cycle enterprises under the IAEA control that might accelerate talks on the Fissile Material Cutoff Treaty (FMCT) and make the 1997 Additional Protocol universal; beginning negotiations on the Code of Conduct for Outer Space Activities, and then on outer space arms race prevention; hosting consultations on mul-

tilateral nuclear dialogue with the purpose to include the Great Britain, France and China into the system of the START limitations.

4. It is the return to the idea of nuclear disarmament as the final, no matter how far-away, goal of the major powers policy, that gives purposefulness to such rational and perspective measures as the new START and subsequent deeper reduction of nuclear armaments. The way to realisation of the Contract on prohibition of nuclear tests and ДЗИПМ, as major agreements on a joint nuclear disarmament and non-distribution opens. This paves way to implementing the Nuclear Test Ban Treaty and the FMCT, being the most important agreements at the interface of the nuclear disarmament and non-proliferation. It becomes real future involving the third nuclear powers and "states-outsiders" (India, Pakistan, Israel) into the process. The Nuclear Non-Proliferation Treaty and its regimes would get a powerful impulse for consolidation, as well as the chance to solve nuclear problems of Democratic People's Republic of Korea and Iran, the course on nuclear fuel cycle internationalization, provision of the high world standards for the nuclear materials safety.

Noha Bakr (Egypt). THE ARAB SPRING: THE ARAB REVOLUTIONS IN THE XXI CENTURY

1. mportant achievements were attained by Arab revolutions, it may not rise to the access of democracy yet, but there are positive indications on the political side, although the economic side is tremendously suffering. There are fears that the economic deterioration can have a negative impact on the political successes earned. Among the achievements of the Arab revolutions are the end dictatorships in Tunisia, Egypt, and Libya with the emphasis on the principles people will not accept injustice. People regained confidence in themselves, and their ability to lead change. The revolutions have also saved the region from going back to hereditary rule which was the plan of all the ruling dictators post the revolution. Egypt, and Tunisia have gone through free elections to build their legislative systems, elections that were assessed by the international community, as abiding to rules and regulations of democracy.

2. At this moment of history, it is subject to the international community and main powers to develop the strategy that will deal with the Arab world. An Arab world has chosen post their revolutions an Islamic ruling majority in pivotal countries such as Egypt, Tunisia, and Libya. The world powers are no longer dealing with dictators in the Arab world that will obey them for the sake of political and financials support. The international community is confronted now by a new Arab world were the people and the legislative systems has a say in the outcome of the policies. The Arab world has to be also aware that the international community has its rules and regulations in respect to international treaties signed and respected.

3. The success of these revolutions, needs to be supported by the international community to reach a safe shore. There are several mechanisms for this support such as, economic assistance, debt relief, and not meddling in the internal affairs of the transition period, or imposing on countries in revolutions certain rulers. It is highly recommended that the international community don't take the wait and see position. The international community support to countries in transition is an investment in their own national security, in a world governed by shared global security challenges that spills over the boarders to have regional as well as international impact.

Eldar Kasayev. THE QATAR'S INVESTMENT CLIMATE: POLITICAL, ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

1. Qatar's geopolitical risks coming from its nearest neighbors are nullified with the US-provided "umbrella of security". The Qatar government, in their eagerness to balance the pro-American list in the foreign policy, maintain well-leveled relations with France, Italy, Germany, Japan, China, India. Obviously, while Qatar is under the US military "cover up", the numerous geopolitical challenges addressed to it would be generously replicated in the media as various sorts of "horror and ghost stories", but they are unlikely able to directly touch upon the emirate's fundamentals. At the same time, the geopolitical state of affairs in the region is

unpredictable enough, and the situation around Qatar would depend on the level its foreign policy towards the nearest neighbors is balanced not to allow to transform the dangers coming from them into direct threats affecting the state's domestic stability.

2. The emirate government are conscious of topicality of domestic political threats and sequentially, without unneeded haste, carry out reforming to more liberalize the social and political life. Qatar is favorably positioned on geopolitical arena, popularizing the slogans of "political freedom and transformations» in the Arab world both officially, and through the Al Jazeera mouthpiece. It allows the emirate authorities to get the radical-conscious stratum of the Qatar society "exhausted" from time to time and to skillfully switch the public attention onto the needed topics, thus transporting the domestic political problems into the sphere of inter-Arab relations.

3. The Qatar economy seems to be stable, for the emirate is the world biggest CNG exporter. The Qatar economic foundation causes no fears due to low rate of inflation. It is not by chance, the US analysts pronounced Qatar the world leader in attracting the state investments. In general, the emirate is attractive to overseas capital investments, because the situation in the areas important to the state's investment climate is quite stable and, in our opinion, will remain the such in future.

Inna Shumilina. THE INTERNET ON NEAR EAST: VIRTUAL BECOMES REAL

1. Many analysts see connection between the outbreak of internal political activity of the Arab countries population and the last year's events in the region (the Arab Spring) and the Internet — they hint, and some even claim that the very events were the outcome of the popularity gained by the Facebook and Twitter social media and thus sometimes point at the "hand of Washington" behind all that. Certainly, the network flows from outside had impact on the course of events in Tunisia, as well as in other Arab countries. But have they been the source of decisive influence is to be subjected to analysis and discussion.

2. Over a period of several latest decades the social and economic problems in the Arab countries had been brewed. The governments in the region failed to solve the problem of adapting the younger generation to the socio-cultural environment and economic realities of the modern labor market. The discontent with the authoritative regimes, based on nepotism and overall monopolies of the ruling elites, was not just accumulated, but continually broke through the surface. Long before the Arab Spring events, the Arab internet users (some 15 million in 2009, of whom 12 million had accounts in Facebook and 600 thousand had blogs) attempted to use the Net to voice their disagreement with the way their countries developed, to expose corruption and even to condemn the repressions. The discontented found out each other in the Net by tags, sort of web-dissident groups were formed (Arab Bloggers, Cyberdissidents.org, Freetunisia.org, Nawaat.org).

3. Analysts go on to discuss, dispute and examine the causes of the Arab Spring. Critics of the so-called American «digital diplomacy» still see it as the cause of the events in the region, at that, they level the methods the US State Department used as «intervention in the internal affairs of other countries» (in particular, for example, the US opposition to introducing censorship restrictions in the Net, implementation of the US programs to support the opposition in the countries with authoritative regimes, etc.).

4. As to the place of the social media in the "Twitter-revolutions", in our opinion, it seems important to point out these resources as indisputable sources of influence in the region's new image-making. Facebook, Twitter, YouTube and the like networks and file exchangers have obviously become the «new format news» spontaneously done by common people with the camera in mobile devices (by the way, is has already been called the «civil journalism»). They helped to bring the information on the events to the outside observers. «New news» have become sort of the «people's cable channel». At that — as it was in Tunisia and Egypt — they also helped to accumulate the anti-government moods that had been brewed for years. To sum up, it may be safely stated, that availability of these services has changed the media environment.

Abrahr Yarlykapov. WHAT IS RUSSIA TO GAIN BY JOINING THE WTO?

1. According to the experts, Russia's system of state support meets the WTO requirements. The WTO does not forbid the situation when the whole economy is controlled by the state. There were times, when the countries with no private business whatsoever joined the WTO. For instance, the Socialist Hungary held the GATT membership, Czechoslovakia was one of the GATT founders and in foreign trade followed the established rules. The WTO most important restriction is applied to the nature of subsidies that the state grants to companies. Thus, for instance, the WTO forbids import-substituting subsidies. Practically, we have not got them. In those few sectors where they are available, we have agreed on the transition period. For instance, the agreements on auto-industrial-assembling provide for import-substituting subsidies, and have provisions on localizations, that is purchasing the components made in Russia.

2. In the long-term perspective, commerce development is to promote higher level of employment. According to the Ministry for Economic Development, only eliminating the barriers to the Russian export is to make up to 40 thousand jobs in the country (by other sources, by 2020, Russia's joining the WTO is to deprive of employment 19 million people, that would be almost one fifth there of able-bodied population in the country). By the CEFIR calculations, in the short-time run the economy's gain of joining the WTO might make up 0.4% GNP growth a year, in the long-term run — 0.96%. At the same time, to some sectors the WTO-membership might become painful — mainly, in the first years. Among the affected there can be enterprises in the food and light industries, and pharmaceutical companies.

3. Russia, considering the WTO conditions and requirements, has option to modify the state subsidies to the agro-producers by measures of the "green basket" kind. The major components of the model might be the principles, trends and instruments to reorient the state subsidies to agro-producers at the level of the Russian Federation entity (entities). To support the incomes it is especially important to pay for stimulating the growth and efficiency of the agrarian sector. Such a qualitative trend in the support, under conditions of the market, has more priority for the agricultural production, than the direct subsidies to compensate the costs which have no stimulating impact, but, on the contrary, deforms pricing that results in the produce price rise.

Vasily Koltashev. RUSSIA AND THE WTO: RISKS, BENEFITS AND PROSPECTS

1. The 'second wave' of the 2011 crisis ceased to loom over the horizon, it has come. The good accounting on profit in the domestic and Western banks should delude no one. Nor should deceive any one the prognosis made by some analysts on raw prices still going high. For the years of 2008-11 the paper money has gone down in value to gold for about twice. The price of oil of mark Urals in 100 dollars for barrel corresponds to the price in 50 dollars of the beginning of 2008. This is almost 1.6 times less, than oil was priced in the beginning of global crisis when the speculative lifting has not reached its peak yet. The Ministry of Economic Development assure, that the "black gold" prices is to remain high in 2012. But are they already low, if to value the money by its cost equivalent.

2. The option to freely import the goods into the domestic market will make senseless foreign capitals investment in the Russian industrial production. There will be no investment boom promised by liberal economists, after the WTO rules come into force in Russia. Commodity expansion into the Russian market is going to be facilitated by 80-percent-wear of the capital funds of the domestic enterprises. In general, the Russian firms are going to suffer a defeat in the competitive struggle. The Russian weak electronics industry, perhaps, has to be among the first to give up. The import-replacement will have no sense.

3. The domestic enterprises will have to solve the problem of high production costs. The defeat of many Russian producers would result in the real incomes of the population falling

and, consequently, in weakening the national market. Even the support of home consumption will benefit foreign producers. In theory, the possibilities to export the produce to the world market are going to expand. In fact, to enter it is needed to safeguard the positions in the market of our own. It is most likely, the aircraft engineering is bound to be ruined. The ruinous crisis might touch upon the production of road, construction and agricultural machinery, electric and industrial equipment. Hard times await even the chemical industry. The general squeeze of the real economy is going to negatively affected all spheres of production. Fall in the standard of living and unemployment growth are the expected outcome of the WTO membership.

4. There is a real alternative to the WTO, and it is Russia that is capable to introduce it. The alternative is to unite the neighboring economies within the common legal framework. Similar structures are already being developed in the Latin America and Asia. Expansion of the common economic space, coupled with the policy of the consumption and leading sectors development, might be attractive to many countries in the Eastern Europe and Central Asia. Russia's WTO membership and readiness to struggle against the growth of protectionism on the planet will not save the Russian authorities from its strengthening in other countries. Contrary to general talks, it is going to gain strength everywhere, thus reducing advantages of the domestic raw corporations from the WTO membership.

Ksenia Borishpolets, Stanislav Chernyavsky. THE CUSTOMS UNION
AND THE SINGLE ECONOMIC SPACE OF RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN:
PROSPECTS OF DEVELOPMENT

1. Though in general the Russian business has vast prospects to advance in the Belarusian market, there are many non-economic obstacles for that. They are, primarily, the national elite political ambitions that has no support in economic, or organizational, or in any other realities. The Belarus authorities aspiration for using any foreign help to get their ambitions implemented, while ignoring the real economic grounds for cooperation, also plays its negative role. The market's specific feature is also that many Belarusian firms prefer to make business inside the country, but to do settlements and pay taxes outside — through their branches abroad. Many programmers, construction and transportation companies, the firms providing educational, consulting and translational services are doing their businesses in offshore.

2. As to Kazakhstan, the Russian presence in its leading industry — oil and gas — is rather modest in real scales. Over 70% of the oil and gas resources are controlled by the Western companies, and the Chinese presence is leveled far above the Russian. As the Russian oil and gas companies have concentrated on «easy projects» that allow quick profit at the minimum investments, thus reducing long-term capital investments in geological prospecting and developing the deposits of higher complexity, the Kazakhstan party strives to be guided by cooperation with the Western and Asian corporations applying modern and effective technologies of deep processing the hydrocarbon raw materials. In other words, Russia ought to strengthen the accent on projects of deep oil and gas processing with wide assortment of products highly value-added.

3. It is necessary to upgrade the system of multi-vector economic cooperation of the Custom Union (CU), Eurasian Economic Community (EAEC) and Single Economic Space (SES) member-states in the context of enhancing their integration. In the economic case, the multi-vector nature is to play a major role, in particular, as the mechanism to attract non-raw companies of the developed industrial countries to modernization of the industrial sector, to activate the economic cooperation of the Central Asia countries with Iran and Turkey that still is lagging far behind the Chinese vector. It is important, that multi-vector nature actual costs are concentrated, mainly, in the sphere of political governance, differentiation of the interests of the elites taking part in distributing the public revenues.

4. The favorable prospects and considerable economic effect of the integrated cooperation between Russia, Belarus and Kazakhstan, and recently joined-in Kirghizia within the CU, EAEC and SES are caused by objective specifics of the multilateral interaction. However, implementing the complex integration project in the post-Soviet area, as well as moving by the

Eurasian Union trajectory, vitally depends on politically coordinated efforts of Russia and its partners, on strengthening the institutional component of supranational regulating the unifying tendencies.

Vyacheslav Kozlov. SOME ASPECTS OF PERFECTING
THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN SPHERE OF CUSTOMS SERVICE

1. The article 188 of the Russian Federation Criminal Code (CCRF) was known to consist of 4 parts, each of them qualifying criminal actions, as contraband of various crime categories. For instance, the first part provided for liability for committing the economic contraband. Sometimes it is called the «commodity contraband». This part has been fully decriminalized. Remember, it provided for the criminal liability for relocating in large quantities through customs territory of the Russian Federation the goods and other items, except for those forbidden to free circulation, made beyond or with concealment of the customs control, or with deceptive use of documents or the means of customs identification, or associated with non-declaring or unreliable declaring.

2. Now it is just the administrative responsibility that is provided for the mentioned illegal acts. At that, there is also no criminal liability for illegal importing and exporting foreign currency or the currency of the Russian Federation. According to the Agreement on the order of moving the physical cash and/or cash instruments by natural persons through customs border of the Customs Union, signed in Astana on July 5th, 2010, natural person importing and exporting the physical cash amount to less than \$10,000 equivalent are not subject to declaring in writing.

3. In the explanatory note to the presidential draft of the Federal law, the draftees substantiated the decriminalization of the "commodity contraband" with the practice in the countries with developed law systems, of non-considering the contraband of goods that have been not forbidden for circulation to be a crime that in the countries with the developed legal systems to a turn, is not a crime. Yes, it is so. But at the same time in these countries with the developed law systems there is the criminal liability for committing contraband of the excisable goods. Besides, in our country, the illegal deforestation is being carried out in mass order with following timber export abroad under faked documentation. It is unlikely to remedy the situation merely by means of customs control and measures of impleading persons to the administrative responsibility, for the Federal Law On Operational Search Activity prohibits to conduct operational search on the cases of administrative offences. For some reason, no one thought of that while working out the law draft. And, as it seems, we will have to return to it. And, probably, not just to it. Practice will show.

DEBUT

Alexey Zakvasin. THE PRINCIPAL PROBLEMS OF THE BLACK SEA REGION'S
STRATEGIC SECURITY IN THE 21ST CENTURY

1. The political instability in some territories of the states of the region, structural economic problems, governance inefficiency, poverty and other negative factors are conducive to the growth of transnational crime — smuggling, drug and human trafficking. Counter-measures undertaken by the Black Sea Region (BSR) countries are, as a rule, of declarative nature. For great many people the illegal business has become a permanent source of the income; they, as a rule, are covered up by the corrupted regional — and sometimes governmental — bodies that have no interest to fight against this sort of criminal activity.

2. Contradictions between the states in the region are excessively great. Turkey and Russia, despite their friendly relationship at present, are objective geopolitical contenders. For several centuries, both states position themselves as the regional powers contending for leadership in the Black Sea Area. The epoch of Russian-Turkish wars to control the region has ended, but the geopolitical contradictions between the countries have not changed. The

Russian-Georgian relations, due to the recognition of South Ossetia and Abkhazia, have likely to become spoilt for decades. The governments in Romania and Bulgaria have mostly goaled to cooperate with the EU and NATO, rather than with the BSR states. The United States still renders considerable influence over the strategic security in the Black Sea Area (directly by itself, or through the NATO frameworks).

3. In the nearest future, the new round of integration in the BSR is not foreseeable. Bulgaria and Romania are busy to solve the problems of their further integration into the European Union, Russia is proactive in forming up the Customs Union within the frameworks of the Eurasian Economic Community (EAEC); the Turkish government in its foreign policy has more and more evident accent on the Near-Eastern vector; Ukraine is still choosing to integrate either into the post-Soviet or into the European space. Thus, at present, the points of the Black Sea Area integration are not of priority in the agenda of the BSA big countries. It is most likely a temporary process; the countries of the region will come back to address it upon having solved the most topical for them present-day problems.

4. But slowdown in the integration processes is not a testimony of some crisis of the BSR strategic security. In any case, the BSA states and other actors will not relax their attention to ethno-political conflicts (the principal threat to the peace and security in the region), for their settlement is not going to loose its topicality in the long-term perspective. Because of the high degree of antagonism in the BSR ethno-political problems, it is not likely to expect some "road map" shall appear, or the military expenses will cease to grow.

«ROUND TABLE»

THE ROLE A PERSONALITY PLAYS IN HISTORY

The participants in the discussion were Professor V. A. Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University; Academician of the Russian Academy of Education, Professor L. P. Buyeva, Dr.Sc. (Philosophy).

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion —

1. Is a personality able to mighty influence the destiny of a country or the world?
2. What laws are effective in the history?
3. How the phenomenon of desacralization of the ruling power in the modern world can be explained? Who the Russian people may set the hopes upon today?

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. THE SKY. THE AIRCRAFTS. THE SAFETY

1. Equipping an aircraft with satellite navigation receivers makes the ground equipment incomparably cheaper and easier-to-run than a radar. That was the principle upon which the ICAO offer to the world aviation community was based — the method of automatic dependent surveillance, broadcast type (ADS-B). By simplifying the method's technical essence we shall come to define it in most easy-to-grasp terms — "everyone hears everyone", and then "everyone sees everyone". And this is absolutely new quality, now. Not just the ground is going to see how all the aircrafts are located, but the whole situation in the air shall be automatically displayed at each aircraft. Thus, thanks to the new technology, the most needed will be obtained — the pilots' visual awareness. Digital signals have no much difficulty to be displayed, the displays are mounted in the plane cabins and at the ground ADS-B stations. This is what guarantees the safety.

2. The ADS-B is a method of no-radar surveillance. It is the eyes and ears of the Air Traffic Department ground services; and of aircrafts; and of airfield means of transportation. It helps to get absolutely exact information on the plane location. Based on the same line of data trans-

mission which is used in ADS-B, the pilots get onboard data on weather, the information on zones suddenly closed for flights, etc. Intentions of any mobile objects can be learnt. First of all, of course, of aircrafts. And all this with the help of onboard navigation systems. That is, the ADS-B system makes it possible to inform the pilot not through the traffic controller, but directly.

3. Introducing the ADS-B into Russia's aviation, as well as implementing pilot projects, endures no pauses nor artificial delays. The world respects our breaks-through, but it does not refuse to overcome us. And it will never refuse. It is very important to start real introducing the ADS-B as soon as possible. Then the work will move by itself. Really so. But in case it is done not just by individual professionals, even ones of the highest class, and not just at the industry level, but at the one of the federal power. There are enough resolutions made. Actual support — that is what is needed. Otherwise, even the most important resolution signed by the highest person of the state, but maintained no strict supervision, is incapable to be self-realized something worthy and by that to prevent disastrous collision of the aircrafts rushing to each other. Really, is it not possible for a word to stop, say, the time.

Philosophy and politics

Maria Fyodorova. POLITICAL IDEAS IN THE MODERN RUSSIA'S PUBLIC SPACE

1. It is in the nature of contemporary democratic society that the public sphere becomes the focus of not so much the uniform and universal, but rather the basis upon which various human practices and ideas, that are in different way written into the society and history, are developed and co-exist. And the problem that seems to be solved by the researcher in this sphere today is not to reveal the "truthfulness" or "falsity" of the symbolic meanings attributed to ideas and practices, but to reveal their efficacy as historically significant ones. Political symbols and ideas are not just objective reflection of the political reality, they create its idealized image, they matter.

2. The recent political events took place not just in Moscow and St.-Petersburg, but throughout all Russia, had mattered a lot to developing the domestic ideological symbolic space. They have visually enough demonstrated, that, contrary to strengthening, the statist in form but "sovereign" in fact, governmental interests, in the society, a wide enough range of political ideas and notions made themselves known, ready to raise claims to not just their own political assessing the current socio-historical processes, but to setting-up, based on them, political practices. These events, as well as the preceding right-wing parties mishaps, have proved that the today's Russian society is in need both for ideology and for institutions of the right-liberal and conservative kind. This need coming from the depths of the society itself has been matured both by the social changes occurred, and — in purely theoretical case, within the logic of development of the very ideas — long discussions and speculations on Russia's identity features.

3. Comprehending this or that idea circulating in the society always starts with feedforward of the sense conditional on the specific situation which the one to comprehend is in, with projecting the particular prejudices and pre-notions and pre-concepts onto the studied text or idea. Going this way is slow, through gradual harmonizing one's pre-concepts and the studied reality. The matter of ideas, notions, values is always determined by the specific historical situation; the one bears the burden of one's past by which one's actions have to be correlated. The effective historical consciousness is comprehension of the substantiality of the history, i.e. comprehension of the fact, that the history is always, continuously works in us, and this knowledge can never turn into the knowledge of the absolute subject.

Dmitry Kuznetsov. CONSUMER CULTURE IN THE LAST THIRD OF THE 20TH CENTURY: A PROBLEM OF CONSUMERSHIP WAY OF LIFE

1. The consumer culture is a hard-to-define concept, some conflicting synthesis of the bourgeois economy and artistic culture, where the society redefines its values, serially reducing the

value of the artistic culture. It is the area of exchange that is filled with daily routine structures, the goods ideological superstructures, “cultural technologies”, where the economy begins to dominate over the society and culture. Sometimes, the consumer culture is seen not as the late-modern state of culture, not as something opposing the artistic culture, but as the person’s individual world outlook that comes into being due to training the sense of temperance in consumption.

2. The consumership way of life, elevated to the principle, affects the non-consuming spheres in a negative way. Many public spheres suffer the pressure of the consumer culture that contradicts to setting-up such collective structures as the politics, education, cultural heritage, family. Here, the problem of consumer culture is a part of the general problem of making the principles of capitalism absolutized. To what extent universal and full the acceptance of the capitalist mode of production might be? Some theorists think, that the crisis of many spheres just makes it necessary to go further. Some other theorists do not see any agreeable form of material living over that side of the capitalism, but see just new forms of inequality and alienation.

3. Modern standards of consumption are attractive because they provide for high level of material well-being. No collective subject (the society, class, family, people) will refuse the abundance of amenities. The problem is the consumer culture, in a paradoxical way, makes it senseless, for the other life strategies are being forced out. A different goal-setting is considered erroneous, it is not supported in the cycle of the material form of life reproduction, is forced out of the public sphere. In another word, the person is compelled to reproduce him(her)self just as a consumer, that in the limit negates him(her) as the subject.

4. The global consumer culture has to face not local cultures only, but the anti-consumership protests, too. The ideology of consumership has manage to level some of them by means of self-inclusion (the student’s revolts of the 1960s), others are internally controversial (the class subject of social movement), still others have to defend traditionalistic positions and, to some extent, oppose, impede the modern times (the religious grounds for protesting).

NOTES ON A BOOK’S MARGINS

STRIVING FOR HAPPINESS AND SOCIAL PERTURBATIONS

Arendt, Hannah On Revolution (Transl. into Russian).
M., 2011, circ. 1,000 copies, 464 pp.

1. Hannah Arendt (1900-1975) was the German-American philosopher and political scientist. Her philosophy’s principal motives were the freedom and humanism. Up to her, freedom is not just a fundamental characteristic of human existence, but also the basic criterion of assessing the social and spiritual progress. She has revealed the controversial character of the social development. Arendt’s ideas on social activity and totalitarianism have played the important role in formation of the modern political science. Her journalistic, cultural and political activities had been highly appreciated by the broad public.

2. It seems to me, Arendt’s thought on tyranny and its possible current metamorphoses is very topical. Any tyranny, proves the researcher, deprive the person of universal happiness. In other words, the despotism in its modern forms is pregnant with the notion to get people off the civil sphere, made them to be engaged in their private affairs, in their households. That is why the sudden civil activity, having been found in the vast Russian areas, is exposed and discredited, in some cases even is laughed at. Really, why people do disregard their right to their own happiness?

3. Abundance and limitless consumption, Arendt thinks, are the ideals for the poor. They happen to become the mirages in the desert of poverty. But can the equals sign be put between a revolution and liberation struggle? These days, the countries of Africa, having eliminated the ruling dictator, not just provided for no happiness to all the people, but, on the contrary, plunged them into impoverishment. “There is no more common between the power and authority than between the power and violence”, Arendt claims (p.247). Here the researcher pene-

trates the sphere that has boldly reveals itself nowadays. Earlier it has been thought, that a politician's main task is to pave the way to signing a treaty between countries.

4. Arendt's finding that politicians quite often are guided by instances from the history of other countries, but at that, are inattentive to their own countries experience is of a high value. The meaning of the political freedom is either to participate in governance, or has no meaning at all. Russia's citizens protests against falsification of the elections results, with all their radicalism, have not become a prologue to comprehension of the general direction of the way Russia goes. In main, the case boiled down to middle class representation in the top echelons of state power.

Elvira Spirova

Review

**THE ANTHOLOGY OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY:
THE FIRST DECADE OF THE 19TH CENTURY SECTIONS**

Unto publishing the works on Russia In the Global World. 2000–2011. Reading book in six volumes / Russian Council on Foreign Affairs (RSMD). — M.: Aspekt Press, 2012. The International Studies in Russia». Handbook/ NCP RSMD; M.: Spetskniga, 2011.

1. The first Russian Council on Foreign Affairs (RSMD) book seems fully meet the major goals set up by this new non-commercial partnership. It will not just promote carrying out studies on Russia's foreign policy basic aspects, but also serve a reliable manual to train foreign affairs professionals. It will also be useful to the skilled politicians and diplomats, both to those who work out the decisions, and those who make them. It contributes also to developing the interaction with the corresponding foreign expert organizations and the research centers.

2. Also, the compiled by the RSMD capital handbook on The International Studies in Russia is the work of undisputable practical value. In fact, its compilers have done great and needy job to inventory the organizations, scientific and research centers, and the organizations in Russia that are engaged in international studies (the handbook contains some 80 such organizations of federal and regional levels), complemented with their brief descriptions, foreign policy studies they are engaged in, names of those who head the organizations, their structural units. The book is also includes the impressive list of the Russian experts in foreign affairs (about 500 persons), with brief data on each of them.

3. One of the today's main tasks to Russia is establishing the full-fledge civil society, perfecting the interaction of the civil society and governmental institutions. The RSMD President, I. S. Ivanov, makes a stress, that this is what he sees the RSMD one of main tasks in. And the work submitted by the Council, in our opinion, renders undisputable contribution to establishing effective cooperation between representatives of various professional communities to solve specific foreign policy problems.

Vagif Guseinov

ОБ АВТОРАХ

Бакр Ноха (*Egunet*) — доктор политологии, профессор кафедры политической науки Американского университета в Каире.

Занимает ряд должностей и постов, связанных с экспертной, научной и консультативной деятельностью в области международных отношений и политической науки, в том числе: помощник Министра международного сотрудничества (область ответственности: экономическое сотрудничество с США); член Правления Арабского фонда сотрудничества в сфере культуры, а также Арабского демократического центра; член Египетского совета по международным отношениям; консультант Лиги Арабских государств; член Арабской сети в поддержку толерантности политики; обозреватель телевидения по политическим проблемам на каналах ВВС, Египетское национальное телевидение, спутниковом телеканале «Орбита».

Боришполец Ксения Петровна — кандидат политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО(У), ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО (У). Ведет лекционные курсы по актуальным аспектам мировой политики. Автор и участник ряда прикладных проектов в области исследования международных отношений и политической стабильности стран с переходной экономикой, участвовала в представительных международных научных конференциях в России и за рубежом, стажировалась в Китайском институте международных проблем (Пекин).

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова, премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т. д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г. Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г. Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Буянов Валерий Степанович — доктор философских наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России РАНХиГС при Президенте РФ. Автор более 70 публикаций по глобализации, геополитике и национальной безопасности.

Вертлиб Евгений Александрович (*Франция*) — академик РАЕН, а также ряда зарубежных академий, профессор Европейского Центра по изучению проблем безопасности (Германия), внештатный советник председателя Комитета по международным делам и международным связям Парламента Кыргызской Республики.

В 1975 году получил статус политического беженца (США).

На протяжении ряда лет занимался научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в различных институтах и организациях США и Италии.

Сфера научных интересов: аналитическая политология внешней политики, принятие политических решений, управление конфликтами и стабильностью общества, стратегии национальной безопасности.

Член Консультативного Совета неправительственных организаций при Комитете Государственной Думы по международным делам. Член редакционной коллегии журналов «Геополитика» (Украина), «Дон», «Центральная Азия: политика и экономика» (Казахстан).

Опубликовал более 200 статей, интервью, рецензий и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кавалер ордена Петра Великого I степени.

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Российского государственного торгово-экономического университета, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника». Автор многочисленных монографий и школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Культурология» (2011).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредатор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992-2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Заквасин Алексей Сергеевич — магистрант факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

Касаев Эльдар Османович — юрист-международник. Окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России (2008). Автор более 50 научно-аналитических и публицистических работ по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российских компаний в ТЭК государств БВСА. Готовит к защите диссертацию (по кафедре международного права МГИМО) на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Козлов Вячеслав Иванович — заместитель начальника Главного управления таможенных расследований и дознания Федеральной таможенной службы России, старший советник юстиции, полковник таможенной службы.

На протяжении ряда лет работал в органах прокуратуры РФ. Был заместителем Московского регионального прокурора по надзору за исполнением законов на воздушном и водном транспорте; начальником отдела управления по надзору за процессуальной деятельностью органов внутренних дел и юстиции Главного управления по надзору за процессуальной деятельностью органов прокуратуры, МВД, ФСКН, ФТС и юстиции Генеральной прокуратуры Российской Федерации; заместителем прокурора города Москвы.

Неоднократно поощрялся, в том числе Генеральным прокурором Российской Федерации и руководителем Федеральной таможенной службы России.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Кузнецов Дмитрий Алексеевич — кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной философии ИФ РАН.

Сфера научных интересов: общество потребления, консьюмеризм, идеология потребления, потребительская культура.

Озобищев Сергей Константинович — заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН; профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ. С июля 1997 года — директор независимого Института стратегических оценок. С 1973 по 1996 год работал в Институте США и Канады РАН, в последние годы — директором Центра проблем международной безопасности. С сентября 1998 по ноябрь 2001 года — начальник организационно-аналитического управления Российской Академии наук. В 1995–1998 годах состоял членом Аналитической группы при Советнике Президента по национальной безопасности. В 1989–1990 годах участвовал в переговорах по обычным вооруженным силам в Европе.

Член Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации; член Рабочей группы Комиссии Общественной Палаты по международному сотрудничеству и общественной дипломатии; член Экспертного совета Организации Договора о коллективной безопасности; Вице-президент российской ассоциации политических наук; член международного Пагуошского комитета; член правления Балтийского форума; член Совета по внешней и оборонной политике; действительный член Российской Академии космонавтики, действительный член Всемирной Академии наук комплексной безопасности.

Автор около 200 научных и публицистических работ на русском и английском языках по проблемам международной и национальной безопасности, сокращения и ликвидации вооружений, внешней политике России.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Федорова Мария Михайловна — доктор политических наук, зав. сектором истории политической философии Института философии РАН, заведующая кафедрой истории

политической мысли Института политологии ГАУГН, профессор кафедры истории и философии науки РАН.

В Институте философии РАН работает с 1982 года, после окончания аспирантуры философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и защиты кандидатской диссертации. Имеет более 200 публикаций по истории политической философии, методологии политического знания, актуальным политико-философским проблемам, в том числе три монографии. Руководитель и соруководитель крупных научных проектов в области политической философии и подготовки научных кадров («Категории политической науки», 2005–2008, «Политическая нормативность», 2009–2011, «Демократия и суверенитет: универсализм и многообразие исторического опыта», 2008–2010). Эксперт научных проектов (РГНФ, отдел региональных конкурсов; ГУ ВШЭ, отдел академических программ, Министерство образования и др.). Член экспертных и диссертационных советов по политическим наукам (ИФ РАН, философский ф-т МГУ, Астраханский госуниверситет).

Сфера научных интересов — методология и история политического знания; политические процессы в современном мире.

Чернявский Станислав Иванович — доктор исторических наук, профессиональный дипломат (Чрезвычайный и Полномочный Посланник в отставке). Работал в Посольствах СССР в Канаде, Бельгии, Алжире, представительстве при ООН в Женеве. 2000–2004 годы — советник-посланник Посольства России в Азербайджане, 2005–2006 годы — заместитель директора Первого департамента стран СНГ МИД России, 2007–2009 годы — заместитель Генерального секретаря Межпарламентской ассамблеи стран-участниц СНГ. В настоящее время — директор Центра постсоветских исследований МГИМО (У), Москва, Россия.

Шумилина Инна Викторовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук.

Ярлыкапов Абрар Бадретдинович — доктор экономических наук, профессор. Ветеран боевых действий в Афганистане (1985–1987).

Окончил агрономический факультет Башкирского сельскохозяйственного института (1964), Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1974), аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1981). Известный специалист в области аграрной экономики. Опубликовал более 40 работ научного и учебного характера общим объемом 136 п.л. Впервые ввел в научный оборот экономическое понятие (дефиницию) «точки роста» (Ярлыкапов А. Б. АПК: точки роста. М.: Изд-во «Дружба народов», 2002. 220 с.). Научный руководитель и консультант 11 защищенных кандидатских и докторских диссертационных исследований. С 2005 по 2010 год — заместитель заведующего кафедрой финансов и отраслевой экономики по научной работе РАГС. Является заместителем председателя докторского диссертационного совета при РАНХ и ГС, а в другом диссертационном совете академии — членом совета. Имеет сертификат Нью-Йоркской международной академии менеджмента (США) о прохождении интенсивного курса «Бизнес-менеджмент и маркетинг» (1991), окончил также курсы повышения квалификации ГОУ ВПО «Академия народного хозяйства при Правительстве РФ» по программе «Муниципальные финансы» (2006). Участвовал в разное время в подготовке значимых документов директивных органов, в том числе как член рабочей группы Конституционного Сопровождения — проекта Конституции Российской Федерации, за что отмечен Благодарностью Президента Российской Федерации (1993).

Награжден орденами «Знак Почета» (1971) и Дружбы народов (1988), Почетным знаком ВЛКСМ (1978), орденом Русской Православной Церкви Преподобного Сергия Радонежского III степени (2002), 13 медалями (в том числе 4 — иностранных государств), почетными грамотами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Центрального Комитета ВЛКСМ, Правительства Москвы, Президиума Верховного Совета Башкирской ССР, РАГС при Президенте РФ, Патриаршей грамотой Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, дипломом Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, нагрудным знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства СССР».

OUR AUTHORS

Noha BAKR (*Egypt*) — PhD, is currently Assistant Professor in Political Science at the American University in Cairo.

Holds a number of posts and the positions as expert, researcher and advisor in the field of international relations and political science, including: Assistant to the Minister of International Cooperation (Director of US Cooperation Department in the Ministry); member of the Board of the Arab Foundation for cooperation in the sphere of culture, and also the Arab Democratic Centre; member of the Egyptian Council on the international relations; adviser to the League of Arab States; member of the Arabian network in support of tolerance of politics; political commentator on the BBC, Egyptian National TV, the *Orbit* satellite TV channels.

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rossyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen».

Early in 1990s, *The Russian Roulette*, the book by Bocharov proved to become a true worldwide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Ksenia P. BORISHPOLETS — Cand.Sc. (Politology), Professor of the World Political Processes Chair at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University (Moscow), leading researcher at the Center of Post-Soviet Studies at the *MGIMO* University (Moscow). Directs lecture courses on topical aspects of the world politics.

The author and participant of some applied research projects on the international relations and political stability of the countries with transitional economy, took part in major international scientific conferences in Russia and abroad, worked on probation at the Chinese Institute of International Problems (Peking).

Valery S. BUYANOV — Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Chair of Russia's Foreign Policy Activities at the Russian Federation President Academy of National Economy and Government Service (RANEGS). Authored over 70 publications on globalization, geopolitics and national security.

Stanislav I. CHERNYAVSKY — Dr.Sc. (History), carrier diplomat (the Plenipotentiary Envoy in resignation). Hold positions at the USSR embassies in Canada, Belgium, Algeria, the USSR Representation at the United Nations in Geneva. In 2000–2004, was Charge D'affaires at the Russian Federation Embassy in Azerbaijan; in 2005–2006 — Deputy Director, the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs First Department of the CIS countries.

In 2007–2009, the Deputy General Secretary of the CIS Inter-Parliament Assembly. At present is Director of the Center of Post-Soviet Studies at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (Moscow).

Maria M. FEDOROVA — professor, the head of department of history of political philosophy of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, the chairperson of the Chair of history of political thought of Institute of political science GAUGN, the professor of chair of history and philosophy of a science of the Russian Academy of Sciences.

At the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences has been working since 1982, after the graduation from postgraduate study of the faculty of philosophy of the Moscow State University of M.V.Lomonosov and after proving the dissertation. Has more than 200 publications on history of political philosophy, methodology of political knowledge, actual political-philosophical problems, including three monographies. The head and co-manager of large scientific projects in the field of political philosophy and preparation of scientific stuff («the Category of a political science», 2005–2008, «Political normativity», 2009–2011, «Democracy and the sovereignty: universalism and variety of historical experience», 2008–2010). The expert of scientific projects (RGNF, department of regional competitions; GU HSE, department of the academic programs, Ministry of education, etc.). A member of expert and dissertational councils about political sciences (IPh of the Russian Academy of Sciences, faculty of philosophy of the Moscow State University, the Astrakhan state university).

Sphere of scientific interests — methodology and history of political knowledge; political processes in the modern world.

Pavel S. GUREVICH — D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Philology), professor, Sector Head at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Russian State Trade and Economic University, Director of the Institute of Psychoanalysis and Social Management, President of the Moscow Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies. Holds full-fledged membership as Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Informatization, the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Expert in philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Chief Editor of the *Filosofiya i Kultura* (Philosophy and Culture) and *Psikhologiya i Psikhotekhnika* (Psychology and Psychotechnics) journals. Authored numerous secondary and high school text-books, including *The Philosophical Anthropology* (2008), *The Fundamentals of Philosophy* (2011), *The Aesthetics* (2011), *The Culturology* (2011).

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia-Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold

membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), *Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)* (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Eldar O.KASAYEV — international jurist. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University (2008). Authored over 50 scientific and analytical works and articles on the problems of the Middle East and North Africa (MENA) countries. Area of research interests: legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian companies activities in the fuel and energy complex of the MENA countries. Writes his Cand.Sc. (Law) thesis at the International Law Chair of the *MGIMO* University.

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Vyacheslav I. KOZLOV — Deputy Head of the Chief Directorate for Customs Investigations and Inquiry of the Federal Customs Service of Russia, the Senior Councilor of Justice, Colonel of customs service.

For some years worked in the offices of the Procuracy of the Russian Federation. Hold positions of the Deputy Moscow Region Public Prosecutor on supervision over the law execution in air and water transportations; department head at the Directorate for Supervision of the Procedural Activities of Internal Affairs and Justice Bodies of the Chief Directorate for Supervision of the Procedural Activities of the Procuracy, Ministry of Internal Affairs, Federal Drug Control Service, Federal Customs Service bodies and the justice of the General Procuracy of the Russian Federation; Deputy Public Prosecutor of the city of Moscow.

Was repeatedly rewarded, including by the General Public Prosecutor of the Russian Federation and the Head of the Federal Customs Service of Russia.

Dmitry A. KUZNETSOV — Cand.Sc. (Philosophy), Junior Researcher at the Social Philosophy sector of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. Research interests include consumer society, consumerism, ideology of consumership, consumer culture.

Sergey K. OZNOBISHCHEV — Head of a sector at the Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations; Professor at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University. Since July 1997 — Director of the independent Institute of Strategic Assessments. In 1973–1996 was employed by the Russian Academy of Sciences Institute of the US and Canadian Studies (ISCRAN), where, of late, hold the position of Director of the Center on the International Security Problems. Since September 1998 till November 2001 — Chief of Directorate for Organisation and Analysis at the Russian Academy of Sciences. In 1995–1998, was a member of the Analytical Group at the President's Councilor on National Security. In 1989–1998, participated in negotiations on conventional armed forces in Europe.

At present, is the, member of the Advisory Group at the Committee on the International Affairs of the Council of Federation of the Russian Parliament; member of the Working Group of the Civic Chamber Commission on International Cooperation and Public Diplomacy; Vice-President of the Russian Association of Political Sciences; member of the International Pugwash Committee; member of the Board of the Baltic Forum; member of the Council on Foreign and Defense Policy; full-fledged member of the Russian Academy of Cosmonautics; full-fledged member of the World Academy of Integrated Security Sciences.

Authored about 200 academic and publicist works (both in Russian and English) on international and national security, arms reduction and destruction, Russia's foreign policy.

Inna V. SHUMILINA — Cand.Sc. (Politicalology), Senior Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of the US and Canadian Studies.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Evgenie A. VERTLIB (*France*) — Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, as well as some of the foreign Academies; the Professor at the European Center of Security Studies (Germany), the non staff Adviser to the Chairman of Committee on the foreign affairs and international cooperation of the Parliament of the Kyrgyz Republic.

In 1975, was granted the status of political refugee (USA). For some years, was engaged in research and lecturing at various institutes and organizations in the USA and Italy. Scientific interests include foreign policy analytical politicalology, political decision making, conflict and society's stability management, strategies of national security.

Member of the NGO Advisory Council at the State Duma Foreign Affairs Committee. Member of the Editorial Boards of the Geopolitics (Ukraine), Don (RF), The Central Asia: Politics and Economy (Kazakhstan) magazines.

Published more than 200 articles, interviews, reviews, etc.

Member of the Russia's Union of Writers and the Union of Journalists.

Awarded the Order of Peter the Great, 1st class.

Abrahr B. YARLYKAPOV — Dr.Sc. (Economics), Professor. The war in Afghanistan (1985–1987) veteran.

Graduated from the Bashkir Agricultural Institute (the Agronomical Department), in 1964, the Party Higher School at the CPSU Central Committee (1974); and completed post-graduate courses at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences (1981). The well-known expert in the agrarian economy. Published over 40 scientific and educational works of the total volume of 136 p.s. Was the first scholar to put the «points of growth» economic term into the academic use (Yarlykapov, A. B. *The Agro-Industrial Complex: Points of Growth*. M.: Druzhba Narodov Publishing House, 2002; 220 pp.). The thesis advisor for 11 works granted Candidate and Doctor of Science degrees. In 2005–2010 was Research Deputy Head of the Finances and Industry Economics Chair at the RF President's Russian Academy of Government Service (RAGS). Is the Vice-Chairman of the Doctorate Dissertation Council at the Russian Academy of National Economy and Governmental Service, and holds membership in the RANEGS Dissertation Council. Was certified by the New York International Academy of Management (USA) for completing the *Business Management and Marketing* intensive course (1991), also completed the upgrade training at the Russian Federation Government Academy of National Economy under the *Municipal Finance* program (2006). Took part in working out important governance documents, including the draft of the Constitution of the Russian Federation — as a working group member of the Constitutional Conference; the work was noted by the RF President's Letter of Commendation (1993).

Awards: Orders of the *Badge of Honor* (1971), Peoples' Friendship (1988); the All-Union Lenin Young Communist League (Komsomol) Badge of Merit (1978); the Russian Orthodox Church Order of the Saint Sergey of Radonezh, 3rd Grade; thirteen medal decorations (4 of foreign states), Honorary Diplomas of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, of the Komsomol Central Committee, of the Moscow City Government, of the Presidium of the Supreme Soviet of the Bashkir Soviet Socialist Republic, of the President of the Russian Federation RAGS; Patriarch Alexis II of Moscow and All Russia Letter of Commendation; the Diploma of the Russian Federation Commission on the UNESCO affairs; the USSR Socialist Agriculture Honorary Expert breastplate.

Alexey S. ZAKVASIN — is a magistrant at the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(47)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко.

Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 22.02.2012 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Квитанция
Кассир	Кассир

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____
(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____
(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)